

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета . . . . . В. Надлера.

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова), въ послѣдствіи митрополита Московскаго (1809—1819) (продолженіе) . . . . . И. Корсунскаго.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Методъ философіи. Профессора Московской духовной академіи . . . . . В. Кудрявцева.

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи . . . . . П. Линицкаго.

Письма философа Сенеки (продолженіе). . . . . * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Уставы и штаты православныхъ духовныхъ семинарій и училищъ (продолженіе).—Предложеніе преосвященнѣйшаго Авмросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Харьковской духовной консисторіи.—Списокъ пожертвованій на возобновленіе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространіе переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными призываніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ челоѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относяціяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года: то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ приобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, имено по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Ноября 1 дня 1884 года

Цензоръ, Протоіерей Т. Павловъ.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

идея священнаго союза.

(Продолженіе *)

VI.

Настоящая глава заключаетъ въ себѣ нѣсколько страницъ изъ военной исторіи 1812 года. Авторъ не могъ обойтись безъ этихъ страницъ, такъ какъ онѣ имѣютъ самое прямое и непосредственное отношеніе къ его предмету. Онъ долженъ былъ показать до очевидности, что военныя событія 12 года не были результатомъ какого либо плана, что они развивались сами собою, помимо и противъ воли участвовавшихъ въ нихъ лицъ. Случай, говорятъ одни, Провидѣніе, утверждаемъ мы, вело эти событія отъ одного неожиданныго поворота къ другому и привело ихъ, наконецъ, къ той по истинѣ чудесной, никѣмъ непредвидѣнной развязкѣ, которая спасла Россію и Европу и создала изъ императора Александра иного новаго человѣка. Въ этихъ событіяхъ и ихъ потрясающемъ вліяніи должны искать мы источника внутренняго переворота, происшедшаго въ душѣ Александра.

Всякое великое событіе, все равно относится-ли оно ко временамъ глубокой древности, или къ эпохамъ болѣе близкимъ намъ, почти что современнымъ, оставляетъ по себѣ двойкій слѣдъ въ воспоминаніи потомства, двойную традицію, одну бо-

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 14

лѣе историческаго, другую, болѣе легендарнаго свойства. Чѣмъ важнѣе событіе, чѣмъ болѣе возбуждало оно воображеніе современниковъ и потомковъ, тѣмъ колоссальнѣе легенда, порождаемая имъ, тѣмъ сильнѣе внѣдряется она въ умахъ, тѣмъ тяжелѣе ставовится борьба съ нею для историка, ставящаго интересы истины выше интересовъ личности, династіи, партіи и даже національности. Гигантская по своимъ событіямъ, небывалая по своему характеру, эпоха 1812 г. подала поводъ къ возникновенію подавляющей массы вымысловъ, созданныхъ лишь отчасти фантазією, а еще болѣе придуманныхъ умышленно, преслѣдующихъ извѣстную цѣль, старающихся уяснить событія съ извѣстной точки зрѣнія. Безъ сомнѣнія, народная гордость, ложный патріотизмъ играли не послѣднюю роль въ изобрѣтеніи подобныхъ вымысловъ, какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны. Въ настоящемъ случаѣ мы будемъ, впрочемъ, имѣть дѣло лишь съ тѣми вымыслами, или если хотите, гипотезами, которыя возникли въ нашемъ собственномъ лагерѣ.

Уже современники должны были убѣдиться воочію, что главная причина гибели Наполеоновской арміи и спасенія Россіи заключалась въ постоянномъ отступленіи нашихъ войскъ передъ непріателемъ, въ завлеченіи Наполеона въ глубь Россіи, въ постепенномъ уменьшеніи и исчезновеніи его силы. Этого мало. Юще до 1812 г. во многихъ умахъ ясно и отчетливо являлась мысль, что военный гений Наполеона, непобѣдимый самъ по себѣ, можетъ быть побѣжденъ только двумя всецѣльными элементами: пространствомъ и временемъ, что необходимо затягивать съ нимъ войну по мѣрѣ возможности, избѣгать всякаго рѣшительнаго столкновенія съ его массами, отступать въ глубь своей территоріи и опустошать ее систематически, дабы лишить тѣмъ завоевателя всякой возможности, всякихъ средствъ для продолженія нашествія. Люди, высказывавшіе подобныя мысли, отлично сознавали, что условія, необходимыя для подобной борьбы, существуютъ лишь въ одной Россіи; они отваживались совѣтовать императору *) воспользовать-

*) Въ январѣ 1812 года представлень былъ Александру, чрезъ посредство адмирала Мордвинова, планъ французскаго эмигранта, графа д'Аллоувилля, въ основѣ коего лежала идея отступленія и выжиданія. Мордвиновъ рекомендовалъ этотъ

ся въ предстоящей войнѣ громадными пространственными протяженіями Россіи, да и самъ Александръ проникнуть былъ до известной степени основательностью подобныхъ соображеній *). Вотъ историческіе факты, не подлежащіе ни малѣйшему сомнѣнію. Что-же сдѣлала изъ нихъ пытливая любознательность и воспламененное воображеніе современниковъ и участниковъ событій въ тотъ моментъ, когда исходъ войны оправдалъ самымъ блистательнымъ образомъ идею, высказанную въ самомъ началѣ ея?

Возникло тотчасъ-же мнѣніе и приобрѣло силу несомнѣнной истины, что въ потрясающихъ событіяхъ 1812 г. не имѣли мѣста случай или сила обстоятельствъ, а что все совершалось согласно идеѣ, возникшей еще до пачала кампаніи, согласно заранѣе обдуманному и установленному плану. На счетъ того, кому принадлежала идея систематическаго отступленія въ глубину Россіи, а еще болѣе на счетъ того, кому принадлежало упорное и неотступное выполненіе разъ предначертаннаго плана, существовало однако-же съ самаго пачала полное разногласіе. Одни готовы были приписать и честь идеи и самаго выполненія главнокомандующему первой западной арміи, Барклаю-де-Толли, другіе считали Барклая не болѣе, какъ орудіемъ иной болѣе высшей воли; утверждали, что главнокомандующій руководился во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ тайными инструкціями и предписаніями, исходившими отъ самого императора Александра **). Посмотримъ, насколько основательны то и дру-

планъ и старался подкрѣпить его ссылкою на два историческія событія: отступленіе Петра Великаго передъ Карломъ XII и Веллингтона къ Торресъ-Ведрасу. См. между прочимъ Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. 1. стр. 94—99.

*) Изъ лицъ, развавшихъ подробно и научно идею отступленія, обращаетъ на себя особенное вниманіе Ф. Вольцогенъ. Еще въ 1810 г. представилъ оныя свой планъ кампаніи генераль-квартирмейстеру, князю Волконскому. Прусскій генералъ Кнезебекъ предлагалъ ту-же идею императору Александру въ пачалѣ 1812 г. Барклай, въ бесѣдѣ съ Инбуромъ еще въ 1807 г., выразился, по свидѣтельству знаменитаго историка, такимъ образомъ: „если-бы мнѣ пришлось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго, то я избѣгалъ-бы генеральнаго сраженія и отступалъ до тѣхъ поръ, пока французы нашли-бы, вмѣсто рѣшительной побѣды, другую Полтаву. См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. 1 стр. 104.

***) Это послѣднее мнѣніе высказываетъ въ числѣ другихъ и знаменитый участникъ отечественной войны, принцъ Евгенийъ Виртембергскій. Въ своихъ запис-

гое мѣнѣе, давно уже устраненныя серьезною наукою, но не утратившія еще окончательно кредита въ ходячихъ традиціяхъ объ отечественной войнѣ.

Идея отступленія въ глубь Россіи, убѣжденіе, что военный гений Наполеона можетъ быть побѣжденъ только при помощи такихъ элементарныхъ условій, какъ колоссальныя пространственныя протяженія Россіи съ одной стороны, какъ героическое самопожертвованіе народа русскаго, съ другой, высказывались еще за долго до начала отечественной войны многими лицами, и какъ замѣчено уже выше, не были чужды ни императору Александру, ни Барклаю. Одно дѣло, однако-же, высказывать и проникаться героическими мыслями, и совершенно иное дѣло—осуществлять ихъ въ дѣйствительности. Не трудно было предвидѣть, что отступленіе въ глубь Россіи повлечетъ за собою прежде всего страшныя, небывалыя жертвы, что его первѣйшимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ явится опустошеніе цѣлой половины имперіи, колоссальное истребленіе частной и общественной собственности, разореніе и обнищаніе цѣлыхъ милліоновъ русскихъ людей. И кто могъ предвидѣть, что отступленіе остановится на берегахъ Днѣпра, или Оки, что оно не пойдетъ далѣе до береговъ Волги и предѣловъ Азіи? А какъ должно было подѣйствовать это вѣчное бѣгство предъ торжествующимъ надменнымъ врагомъ на народъ русскій и войско? не могло-ли оно вызвать въ нихъ бурю негодованія и отчаянія, привести въ концѣ концовъ къ всеобщему разложенію и деморализаціи? Спрашивается: кто могъ рѣшиться, въ виду всѣхъ этихъ возможностей, взять на себя страшную отвѣтственность за пароянскій способъ веденія войны? Само собою понятно, что одинъ только прирожденный вождь народа, что одинъ только русскій Самодержецъ могъ не отшатнуться отъ такой страшной задачи. Русскій царь могъ взять на себя подобное дѣло, онъ могъ потребовать отъ своего народа и небывалыхъ жертвъ, и несмысленнаго самоот-

---

кахъ онъ прямо говоритъ, что инструкціи, данныя государемъ Барклаю, предписывали ему систематическое отступленіе, дабы приготовить тѣмъ французскому императору и его полчищамъ участь Красса у Пароянъ. См. *Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten*. T. I, стр. 332.

верженія; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ или обладать такою-же желѣзною волею, какъ его противникъ, французскій императоръ, или быть проникнутымъ до глубины души безусловно вѣрою въ помощь и заступничество божественнаго Промысла. Но мы уже знаемъ, что Александръ не былъ сильнымъ человѣкомъ, что его мягкая, воспріимчивая и восторженная натура способна была къ героическимъ порывамъ и рѣшеніямъ *), но не въ состояніи была упорно и во что бы то ни стало преслѣдовать вопреки всему и всѣмъ мысль, въ сущности столь ужасную, столь антипатичную, какъ безкомпромиссное отступленіе во внутрь имперіи передъ побѣдоноснымъ неприятелемъ. Натуры сами по себѣ мягкія могутъ черпать нравственную силу и геройскую рѣшимость изъ первоначальнаго источника всякой силы, изъ источника вѣры; но намъ уже извѣстно, что Александръ, воспитанный на легкой философіи XVIII вѣка, вовсе не былъ религіознымъ человѣкомъ во всю первую половину своего царствованія, что приступая къ рѣшительной борьбѣ съ Наполеономъ, онъ возлагалъ первоначально всѣ свои надежды на силы и комбинаціи, не имѣвшія ничего общаго съ элементомъ религіознымъ, что религіозное чувство начало пробуждаться въ немъ и овладѣвать всѣмъ его существомъ лишь во время самой борьбы, что оно боролось въ душѣ его съ иными настроеніями еще во время его пребыванія въ Москвѣ, что Богъ и народъ не казались еще ему единственными якорями спасенія даже въ ту минуту, когда полчища страшнаго завоевателя приближались къ рубежу старой Россіи, къ стѣнамъ Смоленска. Въ началѣ кампаніи императоръ возлагалъ всѣ свои надежды на кабинетную стратегію Фуля, на воображаемое сочувствіе по-

---

*) Въ началѣ 1812 года Александръ свазалъ на прощальной аудіенціи маіору Ф. Кнезебеку, присланному къ нему съ тайнымъ порученіемъ отъ Берлинскаго двора: „Скажите королю, что я не заключу мира даже въ томъ случаѣ, если меня отгѣснятъ до Казани!“ Произнося эти слова, императоръ, по справедливому замѣчанію Толля, хотѣлъ лишь высказать свою геройскую рѣшимость не уступать даже въ случаѣ величайшаго несчастія, а вовсе не имѣлъ въ виду какого-нибудь опредѣленнаго плана. Подобное отступленіе представлялось ему лишь, какъ возможная несчастная необходимость, а не какъ дѣло свободнаго выбора или сознательнаго расчета. См. Toll's Denkwürdigkeiten. T. I стр. 277.

ляковъ, на содѣйствіе іезуитовъ. Болѣе нежели кто-либо онъ былъ въ то время далекъ отъ всякой мысли объ отступленіи въ глубину имперіи; судьба войны, по его мнѣнію, должна была тогда рѣшиться на берегахъ Двины, некріятельское нашествіе должно было разбиться о твердыни Дрисскаго лагеря. Судьба рѣшила иначе. Ходъ военныхъ дѣйствій воочію доказалъ всю несостоятельность ученой стратегіи Фуля. Разочарованный, глубоко потрясенный императоръ оставляетъ армію, онъ спѣшитъ въ Москву, чтобы призвать къ оружію свой народъ, чтобы собрать новыя силы для противодѣйствія нашествію. Смутное предчувствіе новыхъ неожиданныхъ поворотовъ гнететъ его душу, возможность дальнѣйшаго отступленія къ Москвѣ, за Москву представляется ясно его взволнованному воображенію. Онъ обдумываетъ и принимаетъ мѣры въ виду этой страшной возможности, онъ силится проникнуться, столь несвойственною ему по натурѣ, геройскою рѣшимостью, онъ ищетъ опоры въ религіи, въ энтузіазмѣ своего народа, но въ то-же время онъ не въ состояніи разстаться окончательно съ прежними обманчивыми надеждами и расчетами. Онъ видимо не сознаетъ вполне всей великости опасности, онъ не имѣетъ вполне точнаго и опредѣленнаго понятія о подавляющей силѣ врага, а потому и не можетъ отказаться вдругъ и рѣшительно отъ искусственныхъ комбинацій, придуманныхъ въ началѣ кампаніи, отъ полумѣръ и далекихъ диверсій, въ которыхъ некали тогда спасенія и его наставникъ-стратегъ.

Гроза надвигается сильнѣе, а онъ все возлагаетъ надежды на тотъ утлый якорь спасенія, который изготовили для него Фуль и компанія. Уже въ Дриссѣ онъ приходитъ, повидимому, къ убѣжденію, что диверсія, возложенная на Дунайскую армію, не имѣетъ смысла при измѣнившихся обстоятельствахъ, но все-же онъ не рѣшается отгнать ее рѣшительно и безповоротно. Въ Смоленскѣ онъ утверждаетъ еще болѣе въ своемъ мнѣніи призвать немедленно-же Дунайскую армію на главный театръ войны; онъ пишетъ даже въ этомъ смыслѣ адмиралу Чичагову, но пишетъ не такъ категорически и не такъ повелительно, какъ-бы слѣдовало. Только въ Москвѣ, въ виду опасности, принимающей съ каждымъ днемъ все болѣе

грозные размѣры, дѣласть опъ, наконецъ, столь тяжелый для него шагъ. Только отсюда даетъ опъ окончательный приказъ Чичагову; только здѣсь убѣждается опъ и въ несвоевременности другой диверсии, предполагаемой шведско-русской высадки на берега сѣверной Германіи и сѣбнитъ высказать это свое мнѣніе въ письмѣ къ кронъ-принцу шведскому.

Отказываясь съ такимъ трудомъ и послѣ такой тяжелой внутренней борьбы отъ своихъ излюбленныхъ плановъ, допускающая возможность проникновенія непріятели въ самое сердце Россіи, императоръ Александръ остается, однако-же, крайне далекъ отъ мысли постояннаго и систематическаго отступленія передъ непріятеlemъ. Нигдѣ, ни въ одномъ изъ своихъ приказовъ и писемъ къ главнокомандующему, не даетъ опъ ни одного повелѣнія, инструкціи или даже совѣта въ этомъ смыслѣ. Выражая постоянно свое довѣріе къ Барклаю-де-Толли, опъ настаиваетъ, однако-же, на генеральномъ сраженіи, на необходимости пріостановить отступление и дать непріятели рѣшительный и энергическій отпоръ. Всякое извѣстіе о намѣреніи главнокомандующаго вступить въ сраженіе съ непріятеlemъ наполняетъ его душу радостными надеждами, наоборотъ, вѣсть о новомъ уклоненіи отъ рѣшительнаго боя съ противникомъ вызываетъ въ немъ чувство прискорбія и глубокаго недовольства. Послѣ оставленія Витебска, императоръ отзывается съ горечью о дѣйствіяхъ второй арміи, усматривая въ нихъ главную причину несостоявшагося генеральнаго сраженія. Соединеніе обѣихъ нашихъ армій подъ стѣнами Смоленска радуется его, главнымъ образомъ, потому, что опъ усматриваетъ въ этомъ счастливомъ событіи начало рѣшительнаго поворота въ ходѣ военныхъ дѣйствій, сигналъ къ энергическому наступленію съ нашей стороны. „Я не могу умолчать, писалъ тогда императоръ Барклаю-де-Толли, что хотя по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, при началіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы нашей земли, однако-же не иначе, какъ съ прискорбіемъ долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до Смоленска. Съ великимъ удовольствіемъ слышу я увѣренія ваши о хорошемъ состояніи нашихъ войскъ, о воинственномъ духѣ

и пылкомъ ихъ желаніи сражаться. Не менѣе также доволенъ опытами ихъ отличной храбрости во всѣхъ бывшихъ доселѣ битвахъ и терпѣливостью, оказанною ими во всѣхъ многотрудныхъ и долгихъ маршахъ. Вы развязаны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, безъ всякаго препятствія, а потому и надѣюсь я, что вы не пропустите ничего къ пресѣченію намѣреній непріятельскихъ и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже пачатыми“ *).

Извѣстно, что это настоящее посланіе императора заставило, между прочимъ **), Барклай-де-Толли предпринять наступательное движеніе къ Руднѣ,—движеніе, едва не окончившееся катастрофою для нашихъ армій. Несчастіе было предупреждено, благодаря непоколебимой твердости и осторожности нашего главнокомандующаго, но потеря Смоленска и вновь начавшееся затѣмъ отступленіе не только не входили въ соображенія Александра, но даже показались ему явнымъ нарушеніемъ его приказаній и вызвали, наконецъ, давно ожидаемую и требуемую общественнымъ мнѣніемъ, перемѣну главнокомандующаго. Таковы были дѣйствительныя настроенія, желанія и требованія императора во всю первую половину отечественной войны. Никогда и нигдѣ не рѣкомендуетъ онъ избранному имъ самимъ главнокомандующему парейнскаго способа веденія войны; постоянно требуетъ онъ отъ него наступленія и рѣшительныхъ битвъ; ни разу не одобряетъ онъ прямо и открыто его образа дѣйствій, ни разу не подаетъ онъ ему руку помощи въ тяжелой борьбѣ съ людьми и обстоятельствами. „Императоръ, свидѣтельствуетъ генералъ Кутайсовъ (лицо очень близкое къ Барклаю),—никогда не имѣлъ въ виду возможности отступленія къ Москвѣ, никогда не уполномочивалъ онъ главнокомандующаго ни къ чему подобному. Барклай долженъ былъ дѣйствовать на свою отвѣтственность, единственно, со-

*) Собственноручное повелѣніе императора Александра. См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. I, стр. 224—25.

***) Мы говоримъ, „между прочимъ“, такъ какъ на Барклая обнаружилось въ это время давленіе и съ другихъ сторонъ.

ображаясь съ обстоятельствами. Самъ Барклай жаловался мнѣ на это безчисленное количество разъ“ *).

Итакъ, если отступленіе нашихъ армій въ глубину Россіи происходило согласно заранѣе обдуманному и составленному плану, то вся заслуга въ этомъ отношеніи могла принадлежать лишь одному лицу, главнокомандующему первой арміи, Барклаю-де-Толли. На первый взглядъ Барклай обладалъ всѣми качествами, необходимыми для составленія и осуществленія подобнаго плана. Не смотря на свою сравнительную молодость **), Барклай-де-Толли принадлежалъ къ числу наиболѣе осторожныхъ и осмотрительныхъ полководцевъ достопамятной Наполеоновской эпохи. Его обдуманная осторожность и осмотрительность никогда не переходили, впрочемъ, въ нерѣшительность и трусость. Блестящая личная храбрость соединялась въ немъ съ непоколебимою твердостью. Это былъ человѣкъ, не знавшій въ полномъ смыслѣ страха; это была натура, дѣйствовавшая лишь въ силу собственнаго убѣжденія, не поддававшаяся ни на какія увѣщанія и доводы, не отступавшая ни предъ какими угрозами. Барклай не принадлежалъ къ числу ученыхъ военныхъ теоретиковъ, подобныхъ Фулю, Вольдогену или Клаузевицу, онъ не былъ также великимъ военнымъ гениемъ, подобнымъ Наполеону или Суворову. Природный умъ, вѣрный глазъ, быстрое соображеніе и необычайная находчивость, ледяное спокойствіе, невозмутимое хладнокровіе, не оставлявшее его даже въ такія критическія минуты, когда все вокругъ него терялось и приходило въ отчаяніе, дѣлали, однако-же, изъ него замѣчательнаго вождя, способнаго руководить арміею даже въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, каковъ былъ Наполеонъ. Что Барклай могъ проикнуться идеею отступленія предъ непріателемъ ***) , что онъ могъ лучше

*) Эти слова генерала Кутайсова приводитъ въ своихъ запискахъ принцъ Евгений Виртембергскій, свидѣтель въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе важный и безпристрастный, что слова Кутайсова опровергаютъ совершенно его собственное мнѣніе объ инструкціяхъ, данныхъ Барклаю государемъ. См. Bernhardt, Toll's Denkwürdigkeiten. T. I, 310.

**) Барклай-де-Толли былъ на 15 лѣтъ моложе Кутайсова. Въ 1812 году ему было всего 53 года отъ роду.

***) См. приведенное уже выше свидѣтельство Нибура. Свидѣтельство это не мо-

кого-либо выполнить эту идею, не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію; но сущность вопроса, занимающаго насъ въ настоящую минуту, заключается вовсе не въ томъ. Мы спрашиваемъ: дѣйствовалъ-ли Барклай по заранѣ составленному, все равно имъ-ли самимъ, или другими, плану, имѣлъ-ли онъ въ самомъ началѣ кампаніи въ виду отступить не только до Смоленска, но до Москвы и далѣе? и отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно *). Не глубокомысленныя соображенія и заранѣ обдуманныя плапы, а единственно сила обстоятельствъ; умѣнье примиряться съ ними, извлекать изъ нихъ пользу, руководили дѣйствіями нашего главнокомандующаго. Отступление нашихъ армій въ глубину Россіи, погубившее Наполеона, не было дѣломъ какого-либо отдѣльнаго лица, не было дѣломъ рукъ человѣческихъ, а совершилось въ силу обстоятельствъ, какъ разсуждаютъ люди, склонные отрицать всякое вліяніе какихъ-бы то ни было высшихъ силъ на судьбы народовъ и человѣчества, или-же было дѣломъ божественнаго Промысла, низложившаго гордыню Наполеона и положившаго конецъ неслыханнымъ страданіямъ европейскаго человѣчества, какъ склонны думать всѣ люди, не утратившіе окончательно всякое религіозное чувство. Самъ императоръ Александръ отлично сознавалъ, что спасеніе Россіи и Европы совершилось не тѣми путями и средствами, которые имѣлъ въ виду онъ самъ и его совѣтники, и это сознаніе произвело въ немъ тотъ глубокій нравственный переворотъ, поучительная исторія котораго и составляетъ главное содержаніе настоящаго изслѣдованія.

жетъ, впрочемъ, имѣть особеннаго вѣса, если мы сообразимъ, что оно встрѣчается не въ сочиненіяхъ или письмахъ самого знаменитаго историка, а въ запискахъ генераль-майора Левенштерна, бывшаго старшимъ адъютантомъ штаба 1-й западной арміи. Левенштернъ утверждаетъ, что слова, сказанныя Нибуру, были переданы ему самимъ Барклаемъ.

*) Несколько иного мнѣнія держится Богдановичъ. Онъ полагаетъ, что Барклай, знавшій отлично, въ качествѣ военнаго министра, военныя силы и средства Россіи, убѣжденъ былъ въ необходимости отступленія, но что ни онъ, ни кто-либо другой, не отваживался подать голосъ въ этомъ смыслѣ, боясь быть сочтеннымъ за измѣнниковъ, и потому, продолжаетъ Богдановичъ, Барклаю не оставалось ничего болѣе, какъ скрывать отъ всѣхъ и даже отъ старшихъ нашихъ генераловъ необходимость отступленія. Все наше дальнѣйшее изложеніе показываетъ, насколько противорѣчитъ мнѣніе Богдановича всѣмъ фактамъ и насколько основано оно на предвзятой идее.

Въ началѣ войны Барклай-де-Толи вовсе не принадлежалъ къ числу сторонниковъ отступленія во чтобы то ни стало. Подобно большинству русскихъ генераловъ, онъ горѣлъ желаніемъ сразиться съ противникомъ на самомъ рубежѣ родной земли *); подобно имъ, онъ не имѣлъ точнаго представленія о громадномъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, считалъ ихъ далеко ниже дѣйствительныхъ. Планъ Фуля былъ противенъ ему до глубины души, главнымъ образомъ, потому, что основная идея этого плана была отступленіе,—отступленіе, правда, не далекое, всего лишь до Дриссы, но все-же отступленіе. Движеніе къ Витебску было предпринято главнокомандующимъ первою арміею вовсе не съ цѣлью уходить затѣмъ къ Смоленску и далѣе, а единственно съ намѣреніемъ достигнуть соединенія со второю арміею и дѣйствовать затѣмъ наступательно противъ непріятели. Какъ человекъ, имѣвшій всегда въ виду достиженіе ближайшей, необходимѣйшей цѣли, Барклай сосредоточилъ въ это время всѣ свои помыслы и стремленія на соединеніи нашихъ обѣихъ армій. Онъ готовъ былъ на всевозможныя жертвы и усилія съ своей стороны, лишь-бы достигнуть этой цѣли; онъ готовъ былъ въ случаѣ крайности рѣшиться на послѣднее отчаянное средство, вступить въ генеральное сраженіе съ превосходными силами непріятели. Выступая изъ Дрисскаго лагеря, Барклай имѣетъ сначала въ виду лишь движеніе къ Полоцку. Онъ предполагаетъ занять тутъ такую позицію **), которая дала-бы ему возможность поддерживать съ одной стороны корпусъ Витгенштейна, оставленный на лѣвомъ берегу Двины, а съ другой прикрывать дороги на Себежъ и Невель, откуда получалъ онъ провіантъ для своей арміи. Узнавъ, что значительныя непріятельскія силы направляются на Бѣшенковичи и Витебскъ, и усматривая въ этомъ совершенно основательно намѣреніе Наполеона разъединить окончательно наши арміи и отбросить первую армію на сѣверо-западъ,

*) Въ такомъ смыслѣ писалъ тогда, между прочимъ, Барклай Багратиону.

***) Такъ объясняетъ свои намѣренія самъ Барклай въ собственноручной запискѣ, поданной имъ императору Александру. Оригиналъ этой записки, одного изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи отечественной войны, хранится въ государственныхъ архивахъ; обширныя извлеченія изъ нея находимъ у Богдановича, но преимущественно, у Бернгарди. Toll's Denkwürdigkeiten. T. I.

Барклай-де-Толли немедленно-же отправляется къ Витебску и располагаетъ свою армію на лѣвомъ берегу Двины, вдоль дороги въ Бабиновичи.—позиціи, указанной заранѣе герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ, витебскимъ генераль-губернаторомъ.

Тотчасъ-же по прибытіи въ Витебскъ, получено было извѣстіе, оказавшееся впоследствии невѣрнымъ, что Могилевъ на Днѣпрѣ находится уже въ рукахъ Багратіона и занятъ авангардомъ второй арміи. Велика была радость главнокомандующаго по поводу этой фальшивой вѣсти. „Благодареніе Всевышнему, писалъ онъ смоленскому губернатору, соединеніе наше воспослѣдовало, и мы, князь Багратіонъ и я, перейдемъ теперь къ наступленію *). Барклай не упалъ духомъ, когда радостное извѣстіе оказалось невѣрнымъ; онъ рѣшился даже оставаться подъ Витебскомъ и дать непріятелю генеральное сраженіе. Какіе-же мотивы побудили главнокомандующаго первою арміею принять столь отважное рѣшеніе? Барклай самъ указываетъ намъ на нихъ: онъ полагалъ, что имѣетъ передъ собою лишь одну часть непріятельскихъ силъ; необычайная стойкость и храбрость, обнаруженныя русскими войсками во всѣхъ столкновеніяхъ передъ Витебскомъ, подавали ему надежду на побѣду, и что самое главное, предполагаемымъ сраженіемъ онъ думалъ привлечь къ себѣ все вниманіе непріятеля и облегчить тѣмъ князю Багратіону приближеніе къ первой арміи **). Если-бы предположенное сраженіе состоялось, то, по мнѣнію большинства военныхъ писателей, оно могло-бы окончиться для русской арміи лишь самымъ печальнымъ образомъ. На сторонѣ непріятеля было громадное превосходство силъ: Наполеонъ располагалъ на этомъ пунктѣ 140,000 человекъ, Барклай могъ противопоставить этимъ массамъ ни какъ не болѣе 80000 человекъ. Позиція, избранная русскою арміею, легко могла быть обойдена съ лѣваго фланга; въ такомъ случаѣ армія была-бы отрѣзана всякая возможность отступленія. Отброшенная къ Двинѣ, которая течетъ здѣсь въ крутыхъ берегахъ, она могла-бы подвергнуться не только страшному по-

*) Письма Барклая къ смоленскому губернатору, у Беригарди, т. I стр. 312.

***) См. записку Барклая у Беригарди, Т. I стр. 315.

раженію, но и совершенному истребленію. Какъ могъ рѣшиться принять сраженіе при такихъ крайне невыгодныхъ условіяхъ столь осторожный Барклай, — кажется рѣшительно непонятнымъ на первый взглядъ. Быть можетъ, русскій главнокомандующій уступалъ въ этомъ случаѣ лишь единоподушному требованію своихъ войскъ, быть можетъ, онъ искалъ лишь предлога, чтобы избѣгнуть отчаяннаго рѣшенія и искать спасенія арміи и Россіи въ дальнѣйшемъ отступленіи. Такъ думали по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ историковъ отечественной войны *), но категорическое заявленіе самого Барклая въ собственноручной запискѣ, подавлившей имъ императору, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что главнокомандующій былъ твердо намѣренъ не отступать отъ Витебска, не давши непріятелю генеральнаго сраженія, отъ исхода котораго, по его собственнымъ словамъ, зависѣло все.

Судьба Россіи, свобода Европы висѣли на волоскѣ. Русская армія собиралась вступить въ бой, который могъ окончиться для нея лишь самымъ печальнымъ образомъ, котораго такъ желалъ и добивался Наполеонъ. Но Провидѣнію угодно было рѣшить иначе! „Генераламъ, — разсказываетъ Барклай, — розданы уже были необходимыя инструкціи, все было полно ожиданіемъ важныхъ событій предстоящаго дня, какъ вдругъ ночью я получилъ отъ князя Багратіона извѣстіе о неудачномъ нападеніи его на Могилевъ. Онъ сообщалъ мнѣ, что онъ принужденъ повернуть еще далѣе вправо и потерять надежду соединиться съ первою армією; такъ какъ маршалъ Даву сосредоточилъ все свои силы у Могилева. Онъ сознавался хотя и съ сокрушеннымъ сердцемъ, что теперь уже ни онъ, ни я не въ состояніи предупредить маршала Даву въ запятіи Смоленска“.

„При такихъ обстоятельствахъ, — продолжаетъ Барклай, — было уже неизбѣжно принимать сраженіе подъ Витебскомъ, ибо самая побѣда оказалась-бы безплодною, если-бы маршалъ Даву успѣлъ между тѣмъ занять Смоленскъ. Весь ходъ войны принялъ-бы тогда для насъ чрезвычайно тяжелый оборотъ. Я по-

*) См. Бернгарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*. Т. I 315—316, гдѣ это мнѣніе опровергнуто самымъ основательнымъ образомъ.

жертвовалъ-бы безъ всякой пользы двадцатью или двадцатью пятью тысячами человѣкъ, не имѣя даже возможности преслѣдовать непріятеля послѣ одержанной побѣды, такъ какъ занявъ Смоленскъ, маршалъ Даву очутился-бы въ тылу нашей первой арміи. Если-бы я отважился напасть на него, то Наполеонъ послѣдовалъ-бы за мною по пятамъ, и я былъ-бы окруженъ. Не оставалось-бы мнѣ другаго пути отступленія, какъ на Суражъ и Велижъ, т. е. въ направленіи, отдалявшемъ меня все далѣе и далѣе отъ второй арміи. Въ виду всѣхъ этихъ основаній и соображеній, я рѣшилъ немедленно же двинуться къ Смоленску, на тамошняго губернатора и предводителя дворянства возложилъ я заботы по продовольствію арміи“ *).

Соображенія Барклая были на этотъ разъ какъ нельзя болѣе основательны. Отводя армію отъ Витебска, устремляясь съ возможною быстротою къ Смоленску, главнокомандующій не только спасалъ ввѣренныя ему войска отъ неизбежной гибели, но и дѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ къ столь желанному для него соединенію съ княземъ Багратиономъ. Отступление отъ Витебска, въ виду грозныхъ непріятельскихъ силъ, совершенно было мастерскимъ образомъ. Хладнокровіе Барклая, его осторожная, неторопливая обдуманность оказались при этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, въ самомъ блестящемъ свѣтѣ. Въ теченіи цѣлаго дня, 15 іюля, первая армія оставалась неподвижною на своей позиціи на Лучосѣ; тогда какъ графъ Паленъ съ ничтожнымъ отрядомъ (14 баталіоновъ, 32 эскадрона, 2 казачьихъ полка и 40 орудій) побѣдоносно отражалъ всѣ атаки непріятеля, предпріятыя превосходными силами. Только съ 4 часовъ по-полудни войска наши начали сниматься съ позиціи и отходить тремя отдѣльными колоннами по направленію къ Смоленску. Арьергардъ графа Палена оставался до разсвѣта слѣдующаго дня на Лучосѣ. На мѣстѣ бывшаго лагеря первой арміи пылали всю ночь громадныя бивуачныя костры; обманутый ими, непріятель провелъ всю ночь въ приготовленіяхъ къ рѣшительному бою слѣдующаго дня **).

* Записка Барклая у Бернгарди, Т. I. стр. 317--318.

** Подробности отступленія и арьергардныхъ дѣлъ, происходившихъ при этомъ

Велика была досада и разочарованіе Наполеона, когда на другой день онъ убѣдился, что противникъ, которому надѣялся онъ нанести, наконецъ, рѣшительный ударъ, вновь ускользнулъ изъ его рукъ. Но дѣлать было нечего. Думать о преслѣдованіи отступающихъ русскихъ для Наполеона было немыслимо; этому рѣшительно противилось плачевное состояніе его собственной арміи. Пятинедѣльный походъ отъ Нѣмана къ Витебску не только изнурилъ силы великой арміи, но и совершенно разстроилъ ея организацію. Войска должны были двигаться сначала подъ проливнымъ дождемъ и по непроходимымъ дорогамъ; затѣмъ наступила продолжительная засуха и страшныя жары, достигавшія до 28 градусовъ по Р. въ тѣни. Уже послѣ первыхъ переходовъ армія потеряла огромное количество обозныхъ лошадей и начала терпѣть страшный недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ. Литва и Бѣлоруссія, страны сами по себѣ бѣдныя и опустошенныя вдобавокъ нашими и французскими войсками, не въ состояніи были дать достаточныхъ средствъ для продовольствія громадной Наполеоновской арміи. Французы гнали, правда, за собою громадныя стада рогатаго скота и не чувствовали ни малѣйшаго недостатка въ мясѣ, но за то они крайне нуждались въ хлѣбѣ и соли. Русскіе магазины, захваченные непріателемъ, оказались далеко недостаточными для продовольствія французской арміи. Всѣ мельницы, лежавшія по пути великой арміи, были разрушены отступающимъ противникомъ; не было, такимъ образомъ, возможности превратить въ муку значительные запасы зерноваго хлѣба, найденные въ странѣ. Ко всему этому съ наступленіемъ засухи присоединился недостатокъ въ хорошей и здоровой водѣ. Источники и колодези иссякли, другіе были испорчены или засыпаны русскими. Приходилось пить рѣчную или гнилую болотную воду. Отъ совокупности всѣхъ этихъ причинъ въ войскахъ быстро развились поварыныя болѣзни, лихорадки и дизентерія. Выѣтъ съ тѣмъ начало проявляться все въ большихъ и большихъ размѣрахъ бродяжничество и мародерство, сначала въ иностранныхъ войскахъ, а затѣмъ и во всей арміи. Ежеднев-

случай, см. у Богдановича, т. I глава VIII, Беригарди т. I стр. 318 и слѣдующія; Тьеръ, т. XIV и др.

ная убыль въ войскахъ росла съ поразительною быстротою; число больныхъ, отсталыхъ, мародеровъ достигло вскорѣ до ужасающей цифры. Войска, состоявшія въ это время подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона (корпуса Нея, вице-короля Евгенія, Сепъ-Сира, три дивизіи Даву, кавалерія Мюрата, старая и молодая гвардія), ослабли въ время перехода отъ Нѣмана къ Витебску на цѣлую треть, потеряли 70,000 человѣкъ, изъ числа коней не вышло изъ строя въ бояхъ и десятой части *).

До сей поры Наполеонъ не обращалъ, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на эти страшные факты. Занятый, поглощенный своими стратегическими соображеніями, холодный и безчувственный ко всему остальному, кромѣ того кроваваго призрака военной славы, за которымъ онъ гнался всю свою жизнь, онъ шелъ неустанно впередъ по трупамъ своихъ и чужихъ, не оглядываясь, не оглядываясь назадъ. Стремленіе разобить русскую армію, уничтожить ее по частямъ, наполняло все его существо, заглушало всѣ остальные соображенія и мысли. Въ виду этой великой цѣли всѣ потери, всѣ жертвы, какъ-бы колоссальны онѣ не были, должны были представляться ничтожными, не заслуживающими вниманія мелочами. Что значили десятки и даже сотня тысячъ людей, въ сравненіи съ исполненіемъ послѣдняго противника въ Европѣ, съ осуществленіемъ гигантской мечты всесвѣтнаго владычества? И вотъ Наполеонъ гонитъ неустойчиво впередъ свои полчища, надѣясь каждую минуту схватить и уничтожить ускользящаго отъ него противника. Онъ горитъ негодованіемъ, онъ выходитъ изъ себя при каждомъ замедленіи, при каждой неудачѣ, онъ не допускаетъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ, онъ осыпаетъ жесткими укоризнами своихъ маршаловъ. Храбрѣйшіе, рѣшительнѣйшіе изъ нихъ кажутся ему на этотъ разъ вялыми и медленными. Онъ прогоняетъ своего брата Иеронима съ театра войны **), онъ не хочетъ и слышать о стихійныхъ

*) О положеніи французской арміи въ это время см. Chamberlay, t. I, 242—249. Thiers, t. XIV стр. 176—185.

**) Иеронимъ былъ удаленъ съ театра войны еще въ началѣ кампаніи за то, что не тѣшилъ съ достаточною энергіею Багратиона. Мѣсто его занялъ маршалъ Даву, впрочемъ, также не успѣвшій уничтожить Багратиона.

препятствіяхъ, противопоставляемыхъ ему самою природою и климатомъ страны. Но вотъ оцъ, повидимому, у цѣли. Непрiятель, такъ долго ускользавшій отъ него, располагается, наконецъ, на крѣпкой позиціи въ виду его силъ; все, рѣшительно все, заставляетъ думать, что оцъ намѣренъ принять генеральное сраженіе, а въ исходѣ этого сраженія не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. И вдругъ новое, неожиданное разочарованіе! Въ теченіе одной ночи непріятельскія массы исчезаютъ съ занимаемыхъ ими высотъ, и цѣль, которая была уже въ рукахъ, ускользаетъ вновь въ эту неприглядную лѣсную даль, гоньба по которой стоила уже такихъ страшныхъ жертвъ. Сомнѣніе и колебаніе впервые закрадываются въ душу геніальнаго вождя. Какой-то внутренней голосъ говоритъ ему, что пора остановиться, что лживый призракъ славы влечетъ его на этотъ разъ къ гибели. Маршалы и генералы заговариваютъ о настоятельной необходимости дать продолжительный отдыхъ истомленнымъ войскамъ. Сама природа даетъ послѣднее предостереженіе. Возвратившаяся дождливая погода грозитъ окончательно испортить дороги. Волею или неволею, а надо остановиться, надо опять голосу благоразумія, требованію необходимости. Слѣшить впередъ нѣтъ уже болѣе надобности. Разъединенныя арміи противника достигли уже своей цѣли, не смотря на всѣ успія великой арміи, на геніальность ея вождя. Никакія силы не могутъ помѣшать уже соединенію Барклай-де-Толли и князя Багратіона. Прозанческая, столь презираемая Наполеономъ тактика русскаго главнокомандующаго восторжествовала надъ геніальными порывами великаго завоевателя.

Итакъ, въ то самое время, когда обѣ арміи наши быстро приближались къ Смоленску, главные силы непріятеля расположились на продолжительный отдыхъ на прострѣствѣ между Суражемъ и Бѣшенковичами. Спрашивается: какъ-же отнеслись къ этому, безъ сомнѣнія, выгодному для насъ результату первой части кампаніи наши войска и въ особенности тѣ высокопоставленныя лица, которыми была переполнена главная квартира первой арміи? Что постоянное отступленіе должно было подѣйствовать неблагоприятнымъ образомъ на духъ нашихъ войскъ, въ этомъ явленіи нѣтъ ничего

страннаго. Ни солдаты, ни офицеры, ни даже строевые генералы не имѣли достаточнаго понятія ни о силахъ непріятеля, ни о настоящихъ намѣреніяхъ и планахъ своего главнокомандующаго. Горя желаніемъ сразиться, выдерживая такъ стойко натиски непріятеля, имѣя надъ нимъ даже перѣдѣо успѣхъ, они не могли понять необходимости и смысла все новаго и новаго отступленія. Характеръ главнокомандующаго не въ состояніи былъ внушить имъ ни довѣрія, ни любви. Это невозмутимое хладнокровіе, эта песообщительность, это совершенное неумѣнье говорить съ русскимъ солдатомъ, производили на нихъ отталкивающее впечатлѣніе. Они не въ состояніи были не уважать блестящей личной храбрости своего вождя, они не могли не удивляться его находчивости и распорядительности въ трудныя минуты; но они не считали Барклая способнымъ состязаться съ военнымъ гениемъ Наполеона, а его нерусское имя внушало имъ какое-то смутное недовѣріе къ нему. Тяжелое настроеніе, господствовавшее въ арміи, выражается даже въ частныхъ письмахъ такихъ безусловно-честныхъ, геройски-храбрыхъ, чуждыхъ всякой интригѣ людей, какъ генераль Коновницынъ *). „Я не посрамился передъ всѣми,—пишетъ онъ 16-го іюля изъ Суража своей жещѣ,—былъ съ стрѣлками впереди, имѣлъ противъ себя два корпуса и самого Бонапарте; даже его самъ видѣлъ,—сходно съ показаніемъ плѣнныхъ,—на бѣлой маленькой лошаdkѣ безъ хвоста. Отъ 8 часовъ утра до пяти часовъ по-полудни я дрался съ четырьмя полками и двумя баталіонами сводныхъ гренадеръ, противъ, смѣю сказать, 60 тысячъ человекъ. Скажу тебѣ, мой другъ, не посрамился; ни ты, ни дѣти мои за меня не покраснѣютъ. Я цѣлый день держалъ самого Наполеона, который хотѣлъ обѣдать въ Витебскѣ, но не попалъ и на ночь, развѣ на другой день. Наши дерутся, какъ львы. Но мы не соединены. Баграціонъ, Платовъ и Витгенштейнъ отъ насъ отрѣзаны. Мы въ худомъ положеніи. Авось—Богъ насъ невидимо избавитъ. Ты не думай.. Я себя не посрамлю и охотно умру за отечество. Дѣтей и тебя Богъ не оставитъ, а отечество мое, можетъ быть, меня вспомнитъ. Вообрази, мой другъ,

*) Богдановичъ, т. I. стр. 198.

что двѣ батареи были у меня уже взяты, но явился я съ первыми рядами: все было переколото и пушки цѣлы... Когда одинъ мой товарищъ наканунѣ потерялъ б... О наградахъ не думаю... Это дѣло не наше“.

Если таково было настроеніе босвыхъ генераловъ, если они смотрѣли на положеніе дѣлъ такъ безнадежно и думали только о смерти, а не о побѣдѣ: то легко себѣ представить, что дѣлалось въ средѣ тѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя толпились при главной квартирѣ первой арміи, — лицъ, не имѣвшихъ никакого опредѣленнаго назначенія и занятія, — лицъ, не облеченныхъ никакою отвѣтственностью, но пользовавшихся громаднымъ вліяніемъ и на государя и на такъ называемое высшее общество, смотрѣвшихъ на интригу, какъ на свое спеціальное занятіе, дававшихъ полную волю своему языку, объяснявшихъ по своему каждый фактъ и доносившихъ обо всемъ въ Петербургъ. Императоръ Александръ, уѣзжая изъ арміи, не взялъ съ собою, къ несчастію, тѣхъ лицъ, которыя составляли при немъ такъ называемую главную квартиру. Онъ имѣлъ неосторожность отдать избраннаго имъ самимъ главнокомандующаго на жертву такимъ отъявленнымъ интриганамъ, какъ генералъ Бенингсенъ, какъ злополучный Римскій-Корсаковъ *), какъ графъ Арнфельдтъ **). Барклай старался отдѣлаться отъ тягостнаго вліянія этихъ господъ и ихъ непрощеннаго контроля тѣмъ, что отпиривалъ ихъ во время похода впередъ на цѣлыя сутки. Но и это средство не помогало ***). При всякой остановкѣ арміи непрощенные совѣтники оказывались на лицо и не давали главнокомандующему ни минуты покоя, не оставляли безъ критики ни одного его распоряженія, надоѣдали ему своими настойчивыми совѣтами, жалобами, представленіями. Каждое изъ названныхъ лицъ имѣло въ арміи, въ особенноти въ числѣ адъютантовъ императора, цѣлую

*) Римскій-Корсаковъ, пзвѣстный въ военной исторіи по своей постыдной Цюрихской капитуляціи.

***) Къ числу поименованныхъ лицъ можно-би было присоединить еще и нѣсколько другихъ. Упомянемъ еще о герцогѣ Александрѣ Виртембергскомъ, имѣвшемъ слабость воображать себя великимъ стратегомъ, каковымъ онъ вовсе не былъ въ дѣйствительности.

****) Беренгарди, т. 1 стр. 309.

массу приверженцевъ *). Эти сателлиты, люди по большей части знатнаго происхожденія и вполне салоннаго типа, получали инструкціи отъ своихъ патроновъ, прислушивались ко всему, хватали на лету каждое слово, снабжали его своими комментаріями, передавали все всѣмъ и каждому, распространяли духъ недовольства и интриги въ цѣлой арміи.

Какъ ни дѣятельно работала главная квартира, какъ ни искусно подкапывалась она подъ несчастнаго главнокомандующаго, но все-же ея работа не могла идти вполне успѣшно до тѣхъ поръ, пока первая армія дѣйствовала отдѣльно, пока Барклай де-Толли не имѣлъ на раду съ собою такихъ лицъ, которыя могли-бы претендовать на вполне самостоятельное оффиціальное значеніе, которыя могли-бы противопоставить его авторитету свой собственный и свои дѣйствительныя боевыя, а не салонныя заслуги. Но положеніе дѣлъ сразу измѣнилось, когда воспослѣдовало, наконецъ, подъ стѣнами Смоленска давно желанное и давно ожидаемое соединеніе обѣихъ армій. Событіе это, результатъ столькихъ усилій и жертвъ, столь радостное само по себѣ для главнокомандующаго первою арміею, сдѣлалось однако-же для него къ скорому времени источникомъ страшныхъ непріятностей, поставило его въ самое безвыходное положеніе. Князь Багратионъ по своему характеру и темпераменту представлялъ полную противоположность Барклаю-де-Толли. Какъ полководецъ, онъ стоялъ ниже ***) своего соперника, но за то онъ обладалъ въ избыткѣ всѣми тѣми качествами, которыя способны вызвать любовь и преданность солдата и внушить ему слѣпое довѣріе къ своему вождю. Багратионъ былъ превосходный боевой генералъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Врагъ всякихъ теорій, всякихъ искусственныхъ комбинацій, онъ слѣдовалъ прежде всего одному основному военному правилу: скорѣе умереть, нежели оставить свой постъ, нежели отступить передъ противникомъ. Сподвижникъ Суво-

*) Въ числѣ этихъ адъютантовъ находилось, какъ извѣстно, очень много лицъ польскаго происхожденія.

**) Багратионъ былъ превосходный боевой генералъ, но за исключеніемъ короткаго похода на Дунай онъ не выступалъ въ качествѣ самостоятельнаго главнокомандующаго. Александръ остался, впрочемъ, недоволенъ его образомъ дѣйствій противъ турокъ.

рова, прошедшій чрезъ великую школу безсмертнаго вождя, онъ не могъ, разумѣется, усвоить гениальныхъ способностей своего наставника, но онъ проникъ до мозга костей Суворовскимъ духомъ, онъ научился говорить съ русскимъ солдатомъ, внушать ему безпредѣльный энтузіазмъ, увлекающій его за любимымъ вождемъ на встрѣчу опасности и смерти. Багратионъ съ самаго пачала не могъ отпоситься дружелюбно къ Барклаюде-Толли. Онъ не могъ полюбить, если-бы и захотѣлъ, этого холоднаго, замкнутаго въ себѣ, несообщительнаго, неприступнаго пѣмца. Довѣріе Государя къ Барклаю казалось ему прирастіемъ. Онъ не отрицалъ военныхъ заслугъ Барклая, но онъ ставилъ гораздо выше свои собственные. Будучи старшимъ по службѣ, онъ неохотно подчинялся военному министру, да и этотъ послѣдній, поставленный, благодаря нерѣшительности и полумѣрамъ самого императора, скорѣе въ товарищи, нежели въ начальники Багратиону, не рѣшался требовать отъ него настоящаго и полнаго повиновенія. Недоразумѣнія и неудовольствія между главнокомандующими обѣихъ армій пачались тотчасъ-же послѣ открытія военныхъ дѣйствій. Вынужденные оба согласоваться съ планомъ, въ составленіи котораго они не принимали ни малѣйшаго участія, основная идея котораго казалась имъ совершенно ошибочною, они относились другъ къ другу съ недоувѣріемъ и подозрительностью и уже по одному этому не могли согласовать взаимно своихъ дѣйствій. Не имѣя вполне вѣрныхъ свѣдѣній о громадномъ превосходствѣ непріятельскихъ силъ, каждый изъ нихъ воображалъ, что имѣеть дѣло съ главными силами Наполеона и винилъ соперника въ бездѣйствіи, въ неумѣньи пользоваться обстоятельствами: Барклай согласно всему своему характеру, обнаруживалъ и въ этихъ отношеніяхъ гораздо болѣе сдержанности и такта, нежели пылкій и нетерпѣливый Багратионъ. Въ своихъ письмахъ къ главнокомандующему второй арміи Барклай никогда не рѣшался приказывать, зная очень хорошо, что его приказы встрѣтятъ рѣшительный отпоръ. Стави интересъ общій, спасеніе отечества выше своего личнаго достоинства, онъ предпочиталъ говорить въ тонѣ просителя. Отношенія, безъ сомнѣнія, безпримѣрныя во всей военной исторіи: главнокомандующій,

принужденный даже въ самыя рѣшительныя минуты просить и умолять подчиненнаго и пускать въ ходъ всю силу краснорѣчія тамъ, гдѣ по праву онъ долженъ былъ только повелѣвать и требовать безусловнаго повиновенія!

Изъ Витебска Барклай отправилъ Багратиону отъ имени императора приказъ, въ которомъ предписывалъ ему дѣйствовать наступательно противъ лѣваго фланга непріятеля между Березиною и Днѣпромъ. Къ приказу приложено было объяснительное письмо, въ которомъ Барклай убѣждаетъ главнокомандующаго второй арміи исполнить приказъ. „Судьба имперіи, — говоритъ онъ между прочимъ, — не должна быть ввѣрена силамъ одной арміи. Скорѣйшее соединеніе армій есть, напротивъ, священныи долгъ обѣихъ, дабы отечество могло быть спокойно подъ ихъ охраною и дабы они общими усиліями достигли несомнѣнной побѣды, этой единственной цѣли нашихъ обоюдныхъ стремленій. А посему прошу васъ покорнѣйше доставлять мнѣ, какъ можно чаще, въ соотвѣтствіи посылаемымъ мною вамъ донесеніямъ, таковыя-же о расположеніи вашихъ войскъ и о всемъ, что происходитъ при вашей арміи. Точно также извѣщайте меня съ наивозможною скоростью о всѣхъ принятыхъ или имѣющихъ быть принятыми вами мѣрахъ, дабы я могъ согласовать съ ними мои движенія. Передъ мыслью, что намъ ввѣрена защита отечества должны умолкнуть въ это рѣшительное время всѣ остальные соображенія, все что могло бы вліять извѣстнымъ образомъ на наши дѣйствія при обыкновенныхъ условіяхъ. Голосъ отечества требуетъ отъ насъ единодушія, этого вѣрнѣйшаго ручательства нашихъ побѣдъ и ихъ полезныхъ послѣдствій; ибо при отсутствіи единодушія даже знаменитѣйшіе герои не могли предохранить себя отъ поражений. Соединимся-же и будемъ бороться противъ враговъ Россіи. Отечество будетъ благословлять наше согласіе“ *).

Призывъ Барклая остался и на этотъ разъ безплоднымъ. Главнокомандующій второю арміею относился съ непобѣдимымъ недовѣріемъ къ этому замкнутому, антипатичному для него пѣмцу; онъ не довѣрялъ его русскому патриотизму, онъ ставилъ его на одну доску съ Фулемъ и подобными

*) Беригарди, т. I стр. 314.

проходимцами. Въ страстныхъ, несдержанныхъ выраженіяхъ высказывалъ онъ свои мнѣнія о министрѣ въ письмахъ къ графу Аракчееву и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. „Я ни въ чемъ не виноватъ, — писалъ онъ вскорѣ послѣ открытія кампаніи *), — растянули меня сначала какъ коню, пока непріятель ворвался къ вамъ безъ выстрѣла; мы начали отходить, не вѣдаю за что, никого не увѣришь ни въ арміи, ни въ Россіи, что мы не проданы. Я одинъ Россіи защищать не могу. Первая армія тотчасъ должна идти и наступать къ Вильнѣ непременно; чего бояться? Я весь окруженъ, и куда продерусь — заранѣе сказать не могу; что Богъ дастъ, а дремать не стану... Я васъ прошу непременно наступать, какъ пріятеля, а то худо будетъ и отъ непріятеля, а то можетъ быть и дома, шутить не должно. Русскіе не должны бѣжать. Это хуже пруссаковъ мы стали. Я пойду себѣ пунктъ подрагаться, конечно, и съ потерей; но вамъ стыдно, имѣвши въ виду укрѣпленный лагерь, фланги свободные, а противъ васъ слабые корпуса (!). Надобно атаковать. Мой хвостъ всякій день теперь въ дракѣ, а на Минскъ и на Вильну мнѣ не можно пройти отъ лѣсовъ, болотъ и мерзкихъ дорогъ. Я не имѣю покоя и не живу для себя; Богъ свидѣтель, радъ все дѣлать, но надобно имѣть и совѣсть и справедливость. Вы будете отходить назадъ, а я все пробивайся. Ежели для того, что фигуру мою не терпятъ, лучше избавь меня отъ ярма, которое на шеѣ моей, и пришли другаго командовать; по за что войска мучить безъ цѣли и удовольствія? Совѣтую наступать тотчасъ. Не слушайте никого. Пуля баба — штыкъ молодець! Такъ я полагаю. Остроуміе господина Фуля?.. Пожалѣйте государя и Россію. Зачѣмъ предаваться войскамъ непріятельскимъ, тогда какъ мы можемъ ихъ побѣдить; весьма легко можно сдѣлать — приказать двинуться впередъ; сдѣлать

*) Письмо Багратиона къ графу Аракчееву помѣщено въ приложеніи ко второму тому „Отечественной войны“ Богдановича, стр. 500. Любопытно, что уже въ этомъ письмѣ появляется то нелѣпное обвиненіе въ измѣнѣ, которое повторяется потомъ на тысячи ладовъ. Багратионъ оперировалъ въ то время отдѣльно отъ первой арміи и не имѣлъ никакого точнаго понятія о томъ, что происходило при ней; ясно, слѣдовательно, что онъ повторялъ свои ужасныя обвиненія со словъ другихъ, въ пылу раздраженія и недоуверія.

сильную рекогносцировку кавалеріею и паступать цѣлою арміею. Вотъ и честь и слава. Иначе, я васъ увѣряю, вы не удержитесь и въ укрѣпленномъ лагерѣ. Онъ на васъ не нападетъ въ лобъ, но обойдетъ. Наступайте, ради Бога! Войско ободрится. Уже нѣсколько приказовъ даю, чтобы драться, а мы бѣжимъ. Вотъ вамъ моя откровенность и привязанность къ государю моему и отечеству. Если не правится, избавьте меня, и я не хочу быть свидѣтелемъ худыхъ послѣдствій. Хорошо ретироваться 500 верстъ; но видно есть злодѣй государю и Россіи, что гибель намъ предлагаетъ. Итакъ прощайте! я вамъ все сказалъ, какъ русскій русскому, но если умъ мой иначе понимаетъ, прошу въ томъ простить“.

Такъ писалъ Багратіонъ въ то время, когда первая армія находилась еще на пути къ Дриссѣ, когда при ней слѣдовали еще государь и всѣ его приближенные. Пылкій князь совершенно не подозрѣвалъ, что по пятамъ Барклая идетъ самъ Наполеонъ съ главными своими силами. Онъ былъ убѣжденъ, что главныя массы непріятеля устремлены на него, что первая армія имѣетъ передъ собою лишь слабые отряды, и выходилъ изъ себя отъ этого робкаго, непонятнаго для него отступленія. Виновникомъ такой постыдной и безразсудной, по его мнѣнію, тактики, князь Багратіонъ не могъ еще считать въ это время Барклая. Онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, знать, что главнокомандующій первой арміи, не смотря на носимое имъ званіе военнаго министра, далеко не былъ самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что на ряду съ нимъ, не говоря уже о государѣ, пользовались преобладающимъ вліяніемъ и Фуль и другіе приближенные къ государю лица. Съ того момента, однако-же, когда императоръ оставилъ первую армію, вся вина продолжающагося отступленія всецѣло обрушилась, въ глазахъ Багратіона, на голову несчастнаго военнаго министра. Негодованіе князя противъ этого воображаемаго виновника всѣхъ бѣдъ Россіи, а еще болѣе противъ нѣкоторыхъ его приближенныхъ, въ особенности-же Вольцогена, дѣятельно поддерживалось письмами, получаемыми имъ изъ главной квартиры первой арміи, переполненной, какъ извѣстно, самыми яркими недоброжелателями Барклая. Подъ вліяніемъ

этихъ писемъ, а еще болѣе своего всегдашняго предубѣжденія противъ министра, которое какъ-бы оправдывалось самыми событиями, Багратионъ не чувствовалъ ни малѣйшей охоты стремиться къ соединенію съ первою арміею, прійти въ непосредственныя отношенія къ этимъ ненавистнымъ пѣмцамъ, стать даже подъ ихъ команду. Движеніе къ Смоленску, послѣ неудачной попытки на Могилевъ, казалось ему даже невозможнымъ. Одно время онъ думалъ даже удалиться еще болѣе отъ первой арміи, переправиться черезъ Сожъ въ Украину, успѣть тамъ свою армію и дѣйствовать затѣмъ противъ фланга и тыла Наполеона *). При такомъ положеніи дѣлъ прибылъ къ Багратиону адъютантъ Барклая, Вольцогенъ, изъ Витебска. Онъ долженъ былъ подвигнуть вторую армію, во что-бы то ни стало, къ немедленному-же движенію на Смоленскъ. Выборъ посланца нельзя было назвать удачнымъ, но Вольцогенъ сумѣлъ исполнить на этотъ разъ, какъ нельзя лучше, возложенное на него порученіе **). На замѣчаніе Багратиона, что движеніе къ Смоленску едва-ли выполнимо въ настоящее время, адъютантъ Барклая возразилъ: „императоръ требуетъ этого движенія, а слѣдовательно, оно должно быть исполнено; а непріятель, по всей вѣроятности, не въ состояніи будетъ помѣшать ему“. Мы не знаемъ, какъ принялъ главнокомандующій второй арміи это рѣзкое замѣчаніе адъютанта, но во всякомъ случаѣ онъ рѣшился двинуться теперь къ Смоленску.

Движенія Багратиона казались, однако-же, Барклаю на столько медленными и нерѣшительными, что онъ считалъ необходимымъ возбуждать его энергію все болѣе и болѣе настойчивыми письменными посланіями. Достигнувъ Порѣчья, Барклай отправилъ оттуда слѣдующее письмо къ главнокомандующему второй арміи. „Иду форсированными маршами изъ Порѣчья на Смоленскъ, чтобы во всякомъ случаѣ предупредить тамъ непріятеля и не допустить пропущенію ему далѣе

*) Объ этихъ планахъ Багратиона мы узнаемъ изъ мемуаровъ Вольцогена. См. Беригарди, т. I, стр. 325.

**) Объ этомъ свидѣтельствуетъ авторитетъ вполне безпристрастный, принцъ, Евгений Вуртембергскій.

во внутрь Имперіи. Посему я твердо намѣренъ ни подъ какимъ видомъ не отступать отъ Смоленска и дать тамъ сраженіе, не обращая вниманія на то, что силы Наполеона и Даву теперь соединены. Теперь, кажется, ничто не можетъ помѣшать вашему быстрому движенію къ Смоленску, — движенію, отъ котораго зависитъ судьба имперіи. Я рассчитываю на ваше рѣшительное содѣйствіе; безъ него будетъ тяжело противостать всей соединенной силѣ непріятели. Первой арміи останется тогда одно утѣшеніе — пожертвовать собою для защиты отечества, будучи покинутою своими товарищами. Именемъ отечества прошу васъ настоятельнѣйшимъ образомъ спѣшить къ Смоленску по прямѣйшему направленію. Какъ только вы подойдете, первая армія немедленно-же обратится направо, чтобы очистить отъ непріятели Витебскую, Псковскую и Лифляндскую губерніи“.

Одновременно съ этимъ письмомъ, свидѣтельствующимъ, между прочимъ, о твердомъ намѣреніи Барклая отстаивать Смоленскъ, главнокомандующій писалъ такимъ образомъ смоленскому губернатору: „увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности и невѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратионъ, съ другой стороны, идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, которое совершится 22 числа, и обѣ арміи совокупными силами стануть оборонять соотечественниковъ своихъ ввѣренной вамъ губерніи, пока успія ихъ удалять отъ нихъ враговъ отечества, или пока не истребитъ въ храбрыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ сего, что вы имѣете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто защищаемъ двумя столь храбрыми войсками, тотъ можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ ихъ“. (Богдановичъ, т. I стр. 530). Это письмо ясно свидѣлствуетъ, что Барклай былъ твердо намѣренъ не отступать далѣе Смоленска, только обстоятельства заставили его впоследствии поступить иначе.

21 іюля совершилось, наконецъ, подъ Смоленскомъ соединеніе обѣихъ нашихъ армій. Сосредоточенныя такимъ образомъ силы, всего на всего около 122000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ казаковъ, далеко не могли идти въ сравненіе съ

массами Наполеона, и что еще хуже: никто не зналъ, кто-же долженъ руководить теперь соединенными арміями? Замѣчательно, что императоръ Александръ, вѣчно колеблющаяся, нерѣшительная натура котораго сказалась и въ этомъ критическомъ случаѣ, не сдѣлалъ на этотъ счетъ никакого точнаго распоряженія. Онъ ограничился лишь выраженіемъ желанія, чтобы главнокомандующіе старались дѣйствовать согласно. Желаніе невыполнимое, какъ не замедлили показать дальнѣйшія событія. Правда, на первый разъ и Багратіонъ и Барклай старались заглушить въ себѣ всѣ движенія личнаго честолюбія, одушевлены были, повидимому, однимъ общимъ желаніемъ отстоять отечество отъ грозившей ему страшной бѣды. Князь Багратіонъ, по прибытіи своемъ въ Смоленскъ, тотчасъ-же поспѣшилъ къ Барклаю. Главнокомандующій первой арміи, замѣтивъ изъ окна приближеніе князя, поспѣшно надѣлъ шарфъ и плапу и встрѣтилъ Багратіона въ передней комнатѣ. „Узнавши о вашемъ пріѣздѣ въ Смоленскъ, я уже готовъ былъ ѣхать къ вамъ“,—сказалъ онъ ему. Съ этими словами, Барклай вручилъ Багратіону, какъ старшему по службѣ генералу, рапортъ о состояніи ввѣренной ему арміи. Багратіонъ былъ видимо тронутъ и польщенъ такого любезностью; онъ тутъ-же изъявилъ желаніе подчиниться главнокомандующему первой арміи, не смотря на свое старшинство по чину *). Всѣ бывшія до тѣхъ поръ недоразумѣнія казались окончательно разсѣянными; оба главнокомандующіе въ донесеніяхъ своихъ государю отдавали полную справедливость другъ другу. Императоръ, крайне обрадованный такимъ поворотомъ дѣлъ, спѣшилъ выразить имъ свое удовольствіе. „Я весьма обрадовался,—писалъ онъ Барклаю,—услышавъ о добромъ согласіи вашемъ съ княземъ Багратіономъ. Вы сами чувствуете всю важность настоящаго времени, и что всякая личность должна быть устранена, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества“. Въ письмѣ къ Багратіону императоръ выразился такимъ образомъ: „зная ваше усердіе къ службѣ и любовь къ отечеству, я увѣренъ, что

*); Поступокъ кн. Багратіона всѣ прославляли тогда, какъ настоящій подвигъ самоотверженія; поведеніе-же Барклая казалось почему-то не болѣе, какъ обыкновеннымъ. См. Богдановичъ, кн. I стр. 219; Toll, т. I стр. 323.

въ настоящее, столь важное для онаго, время, вы отстраните всё личныя побужденія, вмѣвъ единственнымъ предметомъ пользу и славу Россіи. Вы будете къ сей цѣли дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право на мою признательность“ *).

Свѣтлымъ ожиданіямъ императора не суждено было осуществиться. Согласіе между обоими главнокомандующими было лишь кажущееся, или лучше сказать, кратковременное и непрочное. Князь Багратіонъ никоимъ образомъ не могъ примириться съ своимъ подчиненнымъ второстепеннымъ положеніемъ; на свою уступку онъ смотрѣлъ, какъ на чисто формальную и придавалъ ей въ тоже время величайшее значеніе. „Вся армія,—писалъ онъ Аракчееву уже 26 іюля,—просила меня гласно, чтобы я всёми командовалъ; но я на сіе имъ ничего не отвѣчалъ; ибо есть на то воля государя моего“. Багратіонъ считалъ себя въ тоже время крайне оскорбленнымъ Барклаемъ, онъ готовъ былъ забыть эти оскорбленія лишь потому, что главнокомандующій первою арміею просилъ его лично о прощеніи. „И хотя до крайности,—писалъ онъ въ томъ-же письмѣ,—огорченъ я лично отъ министра, между нами сказать; но онъ самъ опомнился и писалъ простить его въ томъ. Я простилъ его и обошелся съ нимъ не такъ, какъ старшій, но такъ какъ подкомандующій. Сіе я дѣлалъ и дѣлаю точно по привязанности моей къ государю“. Письмо это показываетъ до очевидности, какое громадное значеніе придавалъ Багратіонъ своему старшинству по службѣ и какъ мало придавалъ онъ всёму тому обстоятельству, что Барклай могъ требовать отъ него повиновенія и въ качествѣ военнаго министра и въ качествѣ лица, облеченнаго наибольшимъ довѣріемъ самого государя **).

Прошло нѣсколько дней послѣ этихъ изліяній, и все уже пошло на старый ладъ. Презрѣная вражда и взаимное недовѣріе, дѣятельно поджигаемая различными проходившими, кишившими въ главныхъ квартирахъ обѣихъ армій, вспыхнули съ

*) И такъ императоръ и теперь не рѣшился прямо и открыто объявить Барклаю единственнымъ главнокомандующимъ и предпочелъ оставить отношенія въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ находились они и до тѣхъ поръ. Письма Александра см. у Богдановича, т. I стр. 219.

**.) Письмо Багратіона см. у Богдановича, т. II, приложение, стр. 501 и 502.

прежнею силою. Барклай, не придававшій очевидно особаго значенія стратегическимъ способностямъ своего товарища и желавшій быть главнокомандующимъ не только по формѣ, но и по существу дѣла, не считалъ нужнымъ посвящать Багратиона во все свои соображенія и планы. Багратионъ, съ своей стороны, возмущался этимъ недоувѣрiемъ и видѣлъ въ каждомъ шагѣ Барклайя стремленiе упизить его, уколоть его самолюбіе. „Истинно и по совѣсти вамъ скажу, — писалъ опъ Аракчееву уже 29 іюля, — что я никакой претензіи не имѣю, по со мною поступаютъ такъ неоткровенно и такъ непріятно, что описать всего невозможно. Воля государя моего, — я никакъ вмѣстѣ съ министромъ не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать въ Молдавію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу; и вся главная квартира нѣмцами наполнена такъ, что русскому жить невозможно и толку никакого нѣтъ. Воля ваша, или увольте меня, хотя отдохнуть на мѣсяць. Ей Богу, съ ума свели меня отъ ежеминутныхъ перемѣнъ, я-жъ никакой въ себѣ не нахожу. Армія называется только по имени, но около 40,000, и то растягиваютъ какъ нитку и таскаютъ назадъ и въ бокъ. Армію мою раздѣлить на два корпуса, дать Раевскому и Горчакову, а меня уволить. Я думалъ — истинно служу государю и отечеству, а на повѣрку выходитъ, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу“ *).

Относясь такъ рѣзко къ главнокомандующему, Багратионъ не хотѣлъ и не могъ, разумѣется, ни на минуту войти въ положеніе этого послѣдняго, — положеніе во всеѣхъ отношеніяхъ безпримѣрное и крайне тяжелое. „Никогда еще ни одинъ полководецъ ни одной арміи, — говоритъ Барклай въ запискѣ, поданной имъ на Высочайшее имя, — не находился въ такомъ крайне непріятномъ положеніи, какъ я. Каждая изъ обѣихъ соединенныхъ армій имѣла своего особаго главнокомандующаго, которые зависѣли единственно отъ Вашего Императорскаго Величества и облечены были полномочіями, вполне соотвѣтствующими таковому положенію. Каждый изъ нихъ имѣлъ право доносить лично Вашему Величеству и распоряжаться,

*) Богдановичъ, т. I приложеніе, стр. 502 и 503.

по собственному усмотрѣнію, ввѣренною ему арміею. Правда, я имѣлъ, въ качествѣ военнаго министра, право отдавать приказы отъ Высочайшаго имени Вашего Величества, но я не рѣшался воспользоваться этимъ правомъ безъ особаго полномочія Вашего Величества въ такихъ важныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ зависѣла судьба всей Россіи. Итакъ, мнѣ надлежало прежде всего употребить все средства, чтобы установить между княземъ и мною невозможное согласіе, дабы имѣть возможность руководить обѣими арміями и направлять ихъ не къ безнадежнымъ, а согласнымъ и направленнымъ къ одной общей цѣли предпріятіямъ; тѣмъ болѣе, что изъ предшествующей переписки нашей по поводу медленности его движеній возникли уже между нами отношенія натянутыя. Я принуждалъ себя льстить его самолюбію, уступать ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ, противъ собственнаго убѣжденія, дабы тѣмъ съ большимъ успѣхомъ настоять на своемъ въ дѣлахъ важнѣйшихъ. Однимъ словомъ, я принужденъ былъ играть такую роль, которая была не по мнѣ, которая противорѣчила и моему характеру, и моимъ чувствамъ. Не смотря на все это, я воображалъ, однакоже, одно время, что я достигъ вполне моей цѣли, но впоследствии я долженъ былъ убѣдиться, какъ жестоко заблуждался я въ этомъ отношеніи. Духъ интриги и партийности, распространившійся въ арміи, разнорѣчивыя мнѣнія и взгляды, невыгодные слухи, съ намѣреніемъ распространяемые въ Петербургѣ, — все это получило свое начало со времени соединенія обѣихъ армій. Около этого-же самаго времени возвратился въ армію изъ Москвы и великій князь Константинъ Павловичъ *).

*) Барклай довольствуется однимъ этимъ указаніемъ, полагая, что Государь пойметъ его, какъ слѣдуетъ. Александръ зналъ лучше кого-либо въ высшей степени страстный, капризный и неуживчивый характеръ своего брата. Онъ зналъ также безнадежный взглядъ Великаго князя на всю эту войну и его враждебныя отношенія къ арміи. Онъ самъ пытался удалить Великаго князя изъ главной квартиры но Великій князь возвратился туда противъ его желанія. Еще изъ Витебска императоръ былъ отправленъ Барклаемъ къ государю съ важнымъ порученіемъ. Радоупинъ говоритъ по этому поводу въ своихъ запискахъ слѣдующее: Великій князь прибылъ изъ арміи Барклая, который, считая его присутствіе бесполезнымъ и затруднительнымъ, отправилъ его курьеромъ въ Москву съ словеснымъ порученіемъ представить отчетъ о состояніи войскъ и о предположеніяхъ главнокомандующаго. Императоръ хотѣлъ оставить въ Москвѣ Константина Павловича, пору-

Но всему этому слѣдуетъ причислить и вліяніе тѣхъ лицъ, которые принадлежатъ къ главной квартирѣ Вашего Императорскаго Величества. Чтобы представить Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, хотя слабый очеркъ того, что происходило въ тогдашнее время, я упомяну лишь о нѣкоторыхъ изъ главныхъ лицъ, находившихся тогда въ главной квартирѣ въ Смоленскѣ, изъ которыхъ каждый считалъ себя призваннымъ порицать все и вся. Герцогъ Александръ Виртембергскій, генералы Бенигсенъ, Корсаковъ и Арифельдтъ имѣли каждый какъ въ средѣ адъютантовъ Вашего Императорскаго Величества, такъ и въ арміи своихъ сторонниковъ, дѣятельно распространявшихъ въ самыхъ широкихъ кружкахъ все то, что доходило до ихъ свѣдѣнія. Я скажу болѣе: даже пачальникъ генеральнаго штаба, генераль-маіоръ Ермоловъ *), человѣкъ способный, но въ тоже время большой обманщикъ и человѣкъ крайне фальшивый, даже и тотъ присоединился къ общему порицающему голосу, съ единственною цѣлью завскать расположеніе вышеупомянутыхъ лицъ, Его Императорскаго Высочества (В. К. Константина) и князя Багратиона. Что касается до меня лично и до моей канцеляріи, то мы не имѣли ни минуты покоя отъ людей, преданныхъ названнымъ лицамъ и старавшихся разузнать заранѣе о всѣхъ предполагаемыхъ мѣропріятіяхъ. Едва только удавалось имъ добиться отъ насъ какихъ-нибудь, по ихъ мнѣнію, новыхъ извѣстій, какъ они тотчасъ-же сообщали ихъ другъ

чивъ ему сформировать кавалерійскій полкъ. Цесаревичъ предполагалъ окончить это порученіе въ какихъ-нибудь 15 дней, употребивъ для этого самое простое средство, а именно забирая всюду годныхъ людей и лошадей. Предвидя неудобства отъ пребыванія Великаго князя въ Москвѣ и то дурное впечатлѣніе, какое могъ-бы произвести тотъ способъ, какой онъ намѣревался употребить, Растончинъ просилъ императора дать Великому князю другое порученіе, чтобы избавить его, Растончина, отъ неприятностей. Вслѣдствіе такой просьбы Государь поручилъ ему сформировать ополченіе въ Пижмѣ Новгородѣ, но Великій князь не захотѣлъ заняться этимъ и императоръ согласился отпустить его снова въ армію См. „Русская Старина“ за сентябрь 1877 г. стр. 80.

*) „Sogar der Chef des Generalstabs, der General-Maior Jermolow, ein Mann von Fähigkeiten, aber ausserordentlich betrügerisch und sehr unzuverlässig, sogar der erklärte sich mit der allgemeinen tadelnden Stimme vollkommen einverstanden,—einzig und allein um sich bei einigen der obengenannten Personen, bei Seiner Kaiserlichen Hoheit und dem Fürsten Bagration einzuschmeicheln“—Записка Барклая Беригарди, т. I. 331.

другу нерѣдко совершенно публично, на улицѣ. Ни мало не удивительно послѣ того, что непріятель такъ хорошо зналъ обо всемъ *). Я дѣлалъ все отъ меня зависѣвшее, чтобы положить хотя сколько-нибудь предѣлъ этому злу. Я удалилъ лицъ, которыя особенно ревностно распространяли все подслушанное и вывѣданное ими. Я удалилъ адъютантовъ Вашего Величества, князя Любомірекаго, графа Браницкаго, Влодека **) и многихъ другихъ. Этимъ я не приобрѣлъ себѣ, разумѣется, друзей въ кругу тѣхъ лицъ, которыя окружаютъ непосредственно Ваше Величество. Но я очень желалъ имѣть въ то время право выслать изъ арміи и нѣсколькихъ лицъ болѣе высшаго сана“.

Въ такой-то сферѣ принужденъ былъ дѣйствовать Барклай-де-Толли въ тотъ самый моментъ, когда ему приходилось рѣшать самый тяжелый и неотложный вопросъ: слѣдуетъ-ли вступить, наконецъ, въ столь желанный и столь требуемый всѣми, и арміею, и Россіею, и самимъ государемъ рѣшительный бой съ непріателемъ, или-же необходимо еще разъ уклониться отъ всякой встрѣчи съ противникомъ и вступить вновь на столь порицаемый всѣми путь отступленія. До сихъ поръ самъ Барклай неоднократно высказывалъ твердое намѣреніе дать генеральное сраженіе; именно съ этою цѣлью направлялся онъ, по собственному заявленію, къ Смоленску, именно поэтому добивался онъ такъ настойчиво возможно скорѣйшаго соединенія съ второю арміею. Теперь соединеніе армій воспослѣдовало. Оно подняло духъ въ войскахъ, но подняло только потому, что всѣ съ увѣренностью ожидали теперь перехода къ наступленію, къ рѣшительнымъ ударамъ. Не одни только солдаты и низшіе офицеры, но и большинство генераловъ и всѣ такъ называемые высокопоставленные лица высказывали самое горячее желаніе немедленнаго-же боя, не хотѣли и слышать о дальнѣйшемъ отступленіи. Итакъ желаніе арміи совпадало, какъ нель-

*) Въ этихъ словахъ Барклай заключается полнѣйшее разъясненіе тѣхъ постоянныхъ слуховъ объ измѣнѣ, о передачѣ важнѣйшихъ свѣдѣній непріятелю, которые то и дѣло ходили по арміи. Господа, кричавшіе объ измѣнѣ, сами являлись въ такихъ случаяхъ измѣнниками.

**) Достаточно однихъ этихъ именъ, чтобы понять, гдѣ гнѣздилась измѣна и орудіемъ какихъ лицъ были, сами не сознавая того, В. князь, Багратионъ и другіе русскіе.

зя болѣе, съ желаніемъ главнокомандующаго; но именно въ эту самую минуту Барклай начинаетъ вновь сомнѣваться и колебаться. Сознаніе, что наши силы далеко не соотвѣтствуютъ силамъ непріятеля, закрадывается въ его душу; счастливый инстинктъ, какъ говорятъ другіе, вѣрный тактъ, какъ думаемъ мы, отталкиваетъ его отъ кроваваго рѣшенія. Какъ въ другія минуты приближающагося рѣшенія, такъ и теперь, онъ задавалъ себѣ постоянно одинъ и тотъ-же мучительный вопросъ: а что станется съ Россіею, кто будетъ защищать отечество, если предполагаемое наступленіе не увѣчается успѣхомъ, если армія, ввѣренная его попеченію, подвергнется совершенному истребленію? Вопросъ этотъ, повидимому, не существовалъ для большинства тѣхъ лицъ, которыя считали себя въ правѣ высказывать свое мнѣніе. Лица эти, даже такіе даровитые и истинно военные люди, какъ напримѣръ Багратионъ, Ермоловъ, Толль, не имѣли и теперь еще достаточно точнаго представленія о превосходствѣ силъ Наполеона. Они знали, что непріятельская армія понесла громадныя потери людьми и лошадьми на походѣ отъ Нѣмана къ Днѣпру и утверждали, что эта убыль уравнила уже силы непріятеля съ нашими. Теперь, говорили они, Наполеонъ расположился на продолжительный отдыхъ, онъ разбросалъ свои войска на громадномъ пространствѣ между Могилевомъ и Порѣчьемъ и открылъ намъ тѣмъ самымъ возможность разбить по частямъ его массы. Съ особеннымъ жаромъ указывалъ на эту возможность полковникъ Толль; онъ составилъ даже планъ нападенія на непріятеля и представилъ его главнокомандующему. Самъ по себѣ планъ этотъ былъ превосходенъ и обличалъ въ Толля не только хорошаго военного теоретика, но и смѣлаго, находчиваго полководца. Основаніемъ ему служило самое расположеніе непріятельскихъ массъ, насколько оно было извѣстно въ русской главной квартирѣ. Лѣвое непріятельское крыло подъ начальствомъ вице-короля Евгенія находилось между Велиземъ, Суражемъ и Дновичами; авангардъ его у Порѣчья составляла кавалерія Нацсуги; въ центрѣ стояла кавалерія Мюрата, передовые посты которой расположены были передъ Руднею; сзади Мюрата у Лѣсны стоялъ съ своимъ корпусомъ Ней; наконецъ, вокругъ самаго

Витебска, гдѣ находилась главная квартира Наполеона, стояли гвардія и одна дивизія корпуса Даву. Правое непріятельское крыло тянулось до самаго Могилева; оно состояло изъ поляковъ Понятовскаго на крайнемъ правомъ флангѣ, изъ вестфальцевъ у Орши и изъ остальныхъ дивизій Даву между Бабиновичами и Дубровною на Днѣпрѣ. Въ виду такого растяпутаго положенія непріятельскихъ силъ, Толль предлагалъ направить всю соединенную подъ Смоленскомъ армію по дорогѣ черезъ Рудню на Витебскъ, опрокинуть всѣ непріятельскіе отряды, расположенные по этой дорогѣ, занять по отношенію къ другимъ непріятельскимъ корпусамъ такъ называемую внутреннюю операціонную линію и пріобрѣсти тѣмъ самымъ возможность атаковать всѣми силами эти разрозненные корпуса и нанести имъ рѣшительное пораженіе. Въ особенности-же совѣтовалъ Толль броситься на правое непріятельское крыло, атаковать его съ лѣваго фланга и отбѣснить къ Могилеву. Толль высказывалъ убѣжденіе, что предлагаемое имъ предпріятіе можетъ дать войнѣ совершенно иной оборотъ. Пусть даже оно не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, пусть непріятельскіе отряды уклонятся отъ встрѣчи и соединятся далѣе позади, и въ такомъ случаѣ непріятелю прійдется отойти за Улу, выиграно будетъ время для вооруженій и подыметъ духъ войска. Какъ ни превосходитъ былъ планъ Толля, но несомнѣнно, что онъ заключалъ въ себѣ элементъ опасности: самыя частныя успѣхи надъ отдѣльными непріятельскими отрядами могли завлечь русскую армію слишкомъ далеко, и заставить ее принять генеральное сраженіе съ превосходящимъ въ числѣ непріателемъ *). Не трудно было

*) Подробный разборъ плана Толля см. у Берггарди. Особенно любопытное слѣдующее мѣсто: Theilweise Vortheile konnte man ohne Zweifel erfechten; es ist sogar wahrscheinlich, dass man deren auf diesem Wege erlangte. War man nun auf einem sistematischen Rückzug und Widerstand in solcher Form vorbereitet; darauf gefasst zufrieden mit dem Einfluss, den diese erkämpften Vortheile auf die weiter hinaus geschobene Entscheidung jedenfalls ausüben mussten, anzuhalten und umzukehren, sobald der Feind seine Macht vereiniget hatte, und den erlangten materiellen und moralischen gleichsam mitzunehmen auf den weiteren Rückzug,—dann war alles ganz gut und schön. Die Gefahr lag aber darin, dass eben nicht entfernt davon die Rede war, den Krieg in diesem Geiste zu führen, dass man sich wahrscheinlich durch die ersten Vortheile und gesteigertes Selbstvertrauen hinreissen liess und sich am Ende in eine Hauptschlacht wer-

предвидѣть, чѣмъ должно было окончиться такое сраженіе. Именно эту крайне вѣроятную возможность имѣлъ въ виду Барклай и только на этомъ основаніи онъ рѣшительно отвергнулъ планъ Толля. При обыкновенномъ, нормальномъ порядкѣ этимъ должно-бы было окончиться все дѣло; но мы уже знаемъ, какіе во всѣхъ отношеніяхъ безпримѣрные порядки господствовали тогда въ главной квартирѣ русской арміи. Планъ Толля, отвергнутый главнокомандующимъ, не замедлилъ сдѣлаться извѣстнымъ. Багратионъ, одинъ изъ первыхъ, ухватился за него со всею горячностью своей натуры. Великій князь Константинъ Павловичъ, давно уже нетерпѣвшій Барклая, успѣшилъ послѣдовать его примѣру. Съ обычною запальчивостью и страстностью выступилъ онъ противъ главнокомандующаго; онъ объявилъ, что планъ Толля долженъ быть выполненъ во что бы то ни стало, что онъ настоятъ на этомъ вопросѣ всѣмъ главнокомандующимъ въ мірѣ *).

По настоянію Великаго князя, Барклай принужденъ былъ созвать военный совѣтъ и предложить на его обсужденіе планъ Толля. На совѣтѣ присутствовали Барклай, Багратионъ, Великій князь, Ермоловъ, Толль, генераль-квартирмейстеръ второй арміи, графъ С. Прии и генераль-маіоръ Витицкій. Положеніе Барклая было самое тяжелое. Всѣ присутствующіе взяли сторону его противника. Самъ онъ былъ плохой діалектикъ и не въ состояніи былъ отстаять своего мнѣнія. Если-бы онъ былъ сознательнымъ сторонникомъ отступленія систематическаго, если-бы идея пароянской войны принадлежала дѣйствительно ему, то теперь наступила минута, когда онъ долженъ-бы былъ высказать ее рѣшительно и безстрашно. Онъ долженъ-бы былъ заявить, что онъ не намѣренъ вовсе вступать въ бой, до тѣхъ поръ пока не собраны будутъ внутри имперіи новыя силы, пока обстоятельства не измѣнятся тѣмъ или инымъ способомъ, пока не установится равновѣсіе въ силахъ. Но Барклай не сдѣлалъ подобнаго заявленія, и не сдѣлалъ его вовсе не пот-

wickelt sah, in einen entscheidenden Kampf mit einer Uebermacht, die nicht die mindeste Hoffnung zum Siege liess. T. I, стр. 327.

*) Беригарди, имѣвшій подъ руками всѣ бумаги Толля, прямо говоритъ, что В. князь хотѣлъ провести это дѣло силою вопреки главнокомандующему. Т. I, стр. 341.

му, что онъ не обладалъ достаточнымъ мужествомъ, что онъ сробѣлъ передъ массою своихъ враговъ, что онъ склонился предъ авторитетомъ цесаревича. Нѣтъ. Барклай не принадлежалъ къ числу людей робкихъ и податливыхъ; героическая, непоколебимая твердость была отличительною чертою его характера. Если онъ не явился на военномъ совѣтѣ представителемъ идеи систематическаго отступленія и выжиданія, то лишь потому, что эта идея вовсе не принадлежала ему. Онъ самъ стоялъ въ сущности на той-же почвѣ, какъ и его противники, онъ соглашался съ ними въ необходимости дать сраженіе, и только его врожденная осторожность и опытность удерживали его каждый разъ отъ страшнаго, рискованнаго шага. Такъ и теперь. Въмѣсто движенія на Рудню, т. е. на центръ непріятельской позиціи, онъ предпочиталъ двинуться на лѣвый флангъ непріятеля, атаковать вице-короля у Порѣчья, очистить отъ непріятеля все пространство между Суражемъ и Велижемъ и занять его войсками генерала Винценгероде. Въ этомъ движеніи должна была принимать участіе лишь одна первая армія; вторая армія должна была оставаться у Смоленска и прикрывать московскую дорогу. Только послѣ пораженія лѣваго непріятельскаго крыла, обѣ арміи, соединившись вмѣстѣ, должны были двинуться на непріятельскій центръ у Рудни. Само собою понятно, что планъ Барклая, съ военной точки зрѣнія, стоялъ неизмѣримо ниже предложенія Толля. Внушенный крайнею осторожностью, желаніемъ прикрывать и обезпечивать все, онъ грозилъ въ сущности еще большею опасностью уже потому, что разъединялъ вновь только что соединенныя силы. Самая исходная точка его была ошибочная. Барклай почему-то предполагалъ, что у Порѣчья сосредоточены главныя силы непріятеля, что оттуда будетъ угрожать его правому крылу, въ случаѣ движенія на Рудню, величайшая опасность, тогда какъ въ дѣйствительности за Порѣчемъ стояли лишь сравнительно слабыя отряды. Военный совѣтъ, какъ бываетъ это обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, не привелъ ни къ какому положительному результату *). Каждая сторона отставала

*) Подробности объ этомъ военномъ совѣтѣ см. у Бернгарди, т. I стр. 341—342. Богдановичъ ограничивается въ этомъ случаѣ, какъ и вообще повсюду, гдѣ

съ жаромъ свое мнѣніе, каждая осталась при своемъ убѣжденіи; но уже вечеромъ этого-же дня произошло нѣчто совершенно неожиданное. Барклай, утомленный борьбою, уступая общему давленію, изъявилъ свое согласіе на предложеніе Толля, но подъ условіемъ, чтобы армія удалилась отъ Смоленска, не болѣе какъ на три перехода: изъявляя согласіе на такой рискованный, по его мнѣнію, маневръ, Барклай готовъ былъ, впрочемъ, хватиться за первый-же предлогъ, чтобы остановить наступленіе къ Руднѣ. Этотъ предлогъ не замедлилъ представиться. По мѣрѣ наступленія нашихъ армій, непріятельскіе фюрсты отходили повсемѣстно назадъ, только на одной дорогѣ къ Порѣчью они остались неподвижны. Это чисто случайное обстоятельство показалось главнокомандующему яснымъ подтвержденіемъ его предположеній. Опасаясь за свой правый флангъ, онъ немедленно-же прекратилъ движеніе на Рудню, передвинулъ по направленію къ Порѣчью главныя силы первой арміи и предложилъ второй арміи занять оборонительную позицію для защиты Смоленска. Барклай былъ въ восторгѣ, что ему удалось возвратиться къ своему первоначальному плану *); но во всей арміи поднялся глухой ропотъ недовольства. Распоряженія главнокомандующаго произвели на всѣхъ самое удручающее впечатлѣніе, вызвали отовсюду самую ожесточенную критику. Князь Багратіонъ настойчиво требовалъ продолжать наступленіе на Рудню. Толль, справедливо предполажав-

дѣло идетъ о тайной исторіи войны, лишь самими общими и притомъ неточными показаніями, см. т. I, стр. 226. Въ запискахъ Ермолова встрѣчается слѣдующее: не лишнее интереса мѣсто, касающееся Великаго князя Константина и его роли на военномъ совѣтѣ: „я первый разъ, въ случаѣ столь важномъ, видѣлъ Великаго князя и не могу довольно сказать похвалы какъ о разсужденіи его, чрезвычайно основательномъ, такъ и о скромности, съ каковою предлагалъ онъ его, и съ сего времени удвоилось мое къ нему почтеніе“. Едва-ли этотъ отзывъ Ермолова можетъ быть признанъ вполне безпристрастнымъ, въ виду его извѣстныхъ отношеній къ Барклаю и къ Великому князю

*) „Изъ моей новой позиціи, писалъ Барклай въ тотъ-же день государю, я могу напасть съ превосходящими силами на лѣвый флангъ непріятеля, открыть вновь мои сообщенія съ верхнею Двиною и обезснечить лѣвый флангъ графа Витгенштейна. Обѣ арміи удалены одна отъ другой лишь на одинъ переходъ; онѣ прикрываютъ собою дорогу въ Москву и все пространство между истоками Двины и Днѣпра. Эта позиція представляетъ несомнѣнную выгоду и даетъ полную возможность дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ“. Бершгарди, т. I стр. 345.

шій главную массу непріятеля между Витебскомъ, Руднею и Оршею, усматривалъ величайшую опасность въ мѣропріятіяхъ главнокомандующаго, въ особености для второй арміи, выставленной, по его мнѣнію, какъ-бы на жертву непріятелю. Великій князь Константинъ выходилъ изъ себя отъ гнѣва. Ермоловъ, а за нимъ и вся главная квартира публично и громко порицали всѣ дѣйствія Барклая. Негодование, у однихъ дѣйствительное, у другихъ притворное, выходило изъ всякихъ предѣловъ благоразумія и приличія. До сихъ поръ толковали лишь о неспособности главнокомандующаго, теперь впервые начали кричать объ измѣнѣ. Гнусная клевета не рѣшалась еще коснуться личности Барклая; она всею силою обрушилась на Вольцогена: несчастнаго теоретика открыто начали упрекать въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ непріателемъ *).

Въ то время, когда въ арміи нашей происходили эти небывалыя сцены, грозившія всеобщимъ разложеніемъ и деморализаціею, когда войска наши производили ежедневно, повидимому, безцѣльныя передвиженія, Наполеонъ, встревоженный нашимъ наступленіемъ на Рудню, послѣшно сосредоточилъ свои массы въ числѣ 185000 человекъ и началъ переправлять ихъ на лѣвый берегъ Днѣпра, намѣреваясь двинуться черезъ Оршу къ Смоленску. Такое движеніе непріятеля, очевидно рассчитывавшаго захватить беззащитный Смоленскъ, стать въ тылу нашихъ армій и отрѣзать имъ московскую дорогу, прекратило, разумѣется, на время бурныя пререканія въ главной квартирѣ и побудило объ наши арміи послѣшить на защиту Смоленска. Что Смоленскъ невозможно было покинуть безъ обороны, въ этомъ были согласны оба наши главнокомандующіе; но цѣли, которыя они имѣли при этомъ въ виду, были совершенно различныя. Барклай думалъ удерживать Смоленскъ лишь до тѣхъ поръ, пока ему удастся обезпечить московскую дорогу и перевести на нее свои главные силы. Вступать подъ Смоленскомъ въ рѣшительное сраженіе съ непріа-

*) Барклай считалъ необходимымъ оправдываться передъ государемъ противъ возведенныхъ на него обвиненій. Въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ у Бернгарди, т. I, стр. 347, онъ не высказывается, однако-же противъ сраженія вообще, а единственно противъ сраженія у Рудни и то лишь въ виду опасности, грозившей намъ, по его мнѣнію, со стороны Порфѣя.

телемъ онъ считалъ еще менѣе удобнымъ, нежели подѣ Витебскомъ или Руднею. Совершенно иначе смотрѣлъ на дѣло Багратионъ. По его мнѣнію, арміи наши должны были удерживаться подѣ Смоленскомъ во что бы то ни стало; въ Смоленскѣ, а не гдѣ-нибудь позади, слѣдовало положить, по его убѣжденію, несокрушимые предѣлы непріятельскому нашествію. „Я падаюся, — писалъ онъ государю, — что военный министръ, имѣя передѣ Смоленскомъ всю первую армію, будетъ держать Смоленскъ, я же буду отражать всѣ попытки непріятели двинуться впередъ по московской дорогѣ, если таковыя будутъ предпріяты имъ“.

Извѣстно, что намѣреніе Наполеона захватить Смоленскъ къ раслохъ безѣ сопротивленія не удалось. Въ теченіи двухъ дней подѣ стѣнами стараго города кипѣла ожесточенная борьба. Войска наши покрыли въ ней себя неувядаемою славою. Всѣ штурмы, предпріятыя непріателемъ въ превосходномъ числѣ и съ неслыханною яростью, были отражены; потери французовъ вдвое превосходили наши потери, непріятелю удалось только зажечь своими снарядами городъ. Вечеромъ втораго дня Барклай порѣшилъ оставить развалины Смоленска. „Наша цѣль, — писалъ онъ императору, — при защитѣ Смоленска заключалась въ томъ, чтобы занять здѣсь непріятели, помѣшать его намѣренію достигнуть Ельни и Дорогобужа и дать тѣмъ князю Багратиону возможность достигнуть безпрятственно Дорогобужа. Удерживать Смоленскъ долѣе (по достиженіи этой цѣли) не представляло ни малѣйшей выгоды, наоборотъ могло повести къ совершенно бесполезной потерѣ еще нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ солдатъ“ *). Едва только началъ выполнять Барклай свой планъ, едва только отданъ былъ приказъ войскамъ, защищавшимъ городъ, отходить въ Петербургское предмѣстье, какъ въ средѣ высшего офицерства поднялась настоящая буря. Удачная защита города въ теченіи двухъ дней принимаема была всѣми не только за почетное въ высшей степенн для русскаго оружія дѣло, но за блестящую побѣду. И вдругъ это новое отступленіе, этотъ новый, повидимому, ничѣмъ не вызванный, ничѣмъ не оправдываемый

*) См. Беригарди, т. I. стр. 367.

шагъ назадъ. Уже около 11 часовъ утра Барклай получилъ письмо отъ Багратиона. Князь требовалъ въ немъ продолжать защиту Смоленска и перейти къ нападенію. Пусть непріятель, доказывалъ онъ, истощитъ сначала свои силы въ напрасныхъ штурмахъ, тогда настанетъ время перейти черезъ рѣку и нанести ему рѣшительный ударъ *). Содержаніе письма не осталось тайною. Многіе ожидали отъ него рѣшительнаго дѣйствія, но они видно плохо знали характеръ Барклая. Тотчасъ-же по полученіи письма, главнокомандующій приказалъ выйти изъ города послѣднимъ войскамъ и зажечь мостъ. Тогда-то негодваніе въ средѣ высшаго генералитета едва не повело къ открытому бунту въ арміи. Вожакомъ недовольныхъ выступилъ никто иной, какъ Великій князь Константинъ. Въ то время какъ генералы и штабные офицеры не давали ни минуты покоя Барклаю своими настоятельными предложеніями и совѣтами, въ то время какъ одни изъ нихъ предлагали главнокомандующему продолжать во что бы то ни стало защиту Смоленска, а другіе требовали воспользоваться самоувѣреннымъ, побѣдоноснымъ настроеніемъ войска, перейти немедленно-же черезъ Днѣпръ и ударить на утомленнаго непріятеля, Великій князь между рядами войскъ и не стѣсняясь во всеуслышаніе давалъ волю своему гнѣву. Подѣхавъ къ батарее генерала Жиркевича, около которой столпилась кучка смольянъ, потерявшихъ все свое имущество во время боя и пожара, онъ обратился къ нимъ съ такими словами: „что дѣлать друзья! Мы не виноваты, не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ, а мы, хоть намъ и больно, должны слушать его. У меня не менѣе вашего сердце падрывается“ **).

Старый интриганъ Беннигсенъ вообразилъ, что теперь настало, наконецъ, его время. Въѣстъ съ Великимъ княземъ и нѣсколькими генералами онъ отправился къ Барклаю. Ихъ цѣль была потребовать отъ главнокомандующаго немедленной же отѣпн только что отданныхъ приказовъ. Само собою понятно, что ни Беннигсенъ, ни его товарищи не рѣшились-бы

*) См. Беригарди, т. I. стр. 363.

***) См. Записки Жиркевича, „Русская Старина“ 1874 года, стр. 651.

на поступокъ, очень близкій къ бунту, если-бы во главѣ ихъ не стоялъ братъ государя. Безъ сомнѣнія, все ихъ расчеты основывались на полнѣйшемъ незнаніи характера Барклая. Скромность, сдержанность и молчаливость Барклая казались имъ симптомами слабости. Теперь имъ пришлось горько разочароваться. Подробности бурной сцены, произошедшей между главнокомандующимъ и его подчиненными, переданы были извѣстному историку Бернгарди, но онъ не рѣшился занести ихъ въ свою книгу, выдать ихъ за настоящую и подлинную исторію. „Подобныя дѣла, замѣчаетъ онъ, могли быть извѣстны первоначально лишь въ тѣсномъ кружкѣ непосредственныхъ участниковъ. Затѣмъ повторяется то, что случается всегда съ разсказами много лѣтъ спустя о подобныхъ возбужденныхъ минутахъ. Частности подобныхъ разсказовъ никогда не совпадаютъ съ тѣмъ, что извѣстно положительно и достоверно объ общемъ положеніи дѣлъ“ *). Какъ-бы то ни было, но Барклай вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Съ твердостью и достоинствомъ сумѣлъ онъ отстоять свое положеніе и напомнить присутствующимъ объ ихъ подчиненной роли. Въ заключеніе главнокомандующій обратился къ Великому князю. „Я долженъ препроводить, — сказалъ онъ, — государю императору бумаги столь великой важности, что могу довѣрить ихъ только августѣйшему его брату. Черезъ нѣсколько часовъ я буду имѣть честь вручить ихъ Вашему Императорскому Высочеству“ *).

Великій князь долженъ былъ подчиниться приказу главнокомандующаго, но легко себѣ представить, въ какомъ настроеніи, съ какими чувствами къ Барклаю покидалъ онъ армію. Тотчасъ-же послѣ его отъѣзда не только въ главной квартирѣ, но и во всей арміи распространился слухъ, что Великій князь

*) Bernhardi, t. I, стр. 369.

*) Въ запискахъ Граббе встрѣчается слѣдующее извѣстіе: „разрывъ между Великимъ княземъ и Барклаемъ произошелъ при осмотрѣ позиціи при Дорогобужѣ и послѣ этого роль цесаревича стала затруднительна. Онъ слѣдовалъ общему увлеченію противъ Барклая-де-Толли, это было уже слишкомъ много для послѣдняго. Хладнокровный, безпристрастный, онъ рѣшился, однако, выслать цесаревича изъ арміи. Это было въ Дорогобужѣ“. См. „Русская Старина“, 1877 сент. 81 Но мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что осмотръ Дорогобужской позиціи не повелъ ни къ какимъ бурнымъ сценамъ, и что Великаго князя не было уже въ это время въ арміи.

ѣдетъ въ Петербургъ съ цѣлью открыть глаза императору, показать ему всю неспособность Барклая и добиться назначенія другаго главнокомандующаго. Вскорѣ послѣ Великаго князя счелъ за лучшее выѣхать изъ арміи и генераль Беннигсенъ. Всѣ его попытки пріобрѣсти въ главной квартирѣ преобладающее значеніе, играть тамъ первую роль не удались; въ Петербургѣ открывалось болѣе широкое, болѣе успѣшное поприще для его интригъ. Назначеніе новаго главнокомандующаго становилось вѣроятнымъ съ каждымъ днемъ; такой важный актъ не могъ совершиться, разумѣется, безъ прямого и дѣятельнаго участія героя, печальной памяти, Фридланда.

Съ своей стороны Барклай пытался впоследствии оправдать передъ государемъ свой образъ дѣйствій подъ стѣнами Смоленска. Не удивительно, что чувство оскорбленнаго достоинства говоритъ въ каждой строкѣ его записки, но это чувство ни мало не уменьшаетъ вѣскости и доказательности его доводовъ. „По поводу оставленія Смоленска,—говоритъ онъ, между прочимъ,—распространяли невыгодные слухи и записки именно тѣ лица, которыя находились тогда вдали отъ Смоленска и не принимали никакого участія въ защитѣ полуразрушенныхъ стѣнъ этого города. Быть можетъ, именно поэтому считали они себя въ правѣ порицать меня съ такимъ пахальствомъ. Чтобы показать всю основательность этихъ порицаній, единственный источникъ которыхъ заключается, безъ сомнѣнія, въ привычкѣ отвергать все, что не исходитъ отъ самыхъ мудрыхъ людей, укажу лишь на слѣдующее. 2-го августа я предписалъ обѣимъ арміямъ расположиться на позиціи у Волоковой, единственной во всей окрестности, на которой можно ожидать съ увѣренностью нападенія непріятели. Это предписанное мною движеніе вызвало всеобщее порицаніе. Утверждали, что я подвергаю опасности всю армію, противопоставляя ее соединенной силѣ непріятели. Наоборотъ потомъ, когда первая армія отдѣлена была отъ второй, отъ меня требовали, чтобы я сталъ съ 75,000 человекъ противъ 150,000. 5 августа, ожесточенныя нападенія непріятели отбиты были, правда, нашими храбрыми войсками, но этотъ день стоилъ арміи 4000 убитыми и ранеными, въ томъ числѣ два генерала. Если-бы я

намѣревался удерживать городъ еще далѣе, тогда войска, сражавшіяся въ Смоленскѣ въ теченіи 24 часовъ, должны-бы были быть смѣнены остальною арміею, т. е. отборною частію ея, которую я щадилъ и берегъ до сихъ поръ для генеральнаго сраженія. Пришлось-бы въ такомъ случаѣ подвергнуть эти войска потерѣ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и притомъ при условіяхъ болѣе невыгодныхъ, нежели 5 августа, такъ какъ непріятель занималъ уже высоты, съ которыхъ онъ могъ обстрѣливать мостъ черезъ Днѣпръ и прекратить даже сообщеніе арміи съ городомъ. Но предположимъ, что я удержалъ бы городъ, тогда непріятелю стоило лишь переправить часть своей арміи черезъ Днѣпръ ниже Смоленска, зайти въ мой правый флангъ и принудить меня выйти изъ города. Тогда бы этотъ послѣдній попалъ въ руки непріятели, а я бы потерялъ безъ всякой пользы отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ и принужденъ-бы былъ или принять противъ моей воли сраженіе съ превосходящимъ въ числѣ непріателемъ, или предпринять въ виду его отступленія. Вторая армія легко-бы могла отвлечь непріятели, если-бы она съ своей стороны переправилась черезъ Днѣпръ выше Смоленска; но невозможно было рассчитывать на подобныя согласующіяся движенія тамъ, гдѣ двѣ арміи должны были дѣйствовать сообща подъ начальствомъ двухъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга главнокомандующихъ. Событія 7 августа доказали это до очевидности. Многіе возвѣщали громогласно, что если-бы обѣ арміи оставались подъ Смоленскомъ и атаковали непріятели, то война вѣроятно приняла-бы разомъ совершенно иной оборотъ. Но я отказываюсь понимать, что случилось-бы съ арміею, въ случаѣ неудачи, съ крутымъ берегомъ Днѣпра и съ пылающимъ городомъ въ тылу. Все эти господа, которые такъ любятъ порицать и доказывать, какъ слѣдовало-бы поступать, очутились бы въ крайне тяжеломъ положеніи и навѣрное потеряли-бы всякое присутствіе духа, если-бы имъ пришлось занимать мѣсто главнокомандующаго и нести на своей отвѣтственности не только защиту одного города, но цѣлой имперіи. Нѣтъ ничего легче, какъ измышлять распоряженія, не имѣя въ виду ни общей цѣлесообразности, ни будущности и въ особенностяхи

сознавая, что мы не обязаны выполнять эти распоряженія и нести отвѣтственность за нихъ“ *).

Такъ оправдывался Барклай. Что-же могли противопоставить этимъ оправданіямъ его враги? Ничего, кромѣ голословныхъ утверженій и площадной брани. Отъ подобной брани не удержался и Багратионъ, на ряду съ Барклаемъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ героевъ отечественной войны. „Я думаю,— писалъ онъ Аракчееву,— что министръ уже рапортовалъ объ оставленіи Смоленска. Больно и грустно и вся армія въ отчаяніи, что самое важное мѣсто бросили по напрасну. Я съ моей стороны просилъ лично его убѣдительнонѣйшимъ образомъ, наконецъ и писалъ, но ни ва что его не согласилъ. Я клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ такомъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ-бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска. Войска наши такъ дрались и такъ дерутся, какъ никогда. Я удержалъ съ 15 тысячами болѣе 35 часовъ и билъ ихъ; но онъ не хотѣлъ остаться и 14 часовъ. Это стыдно и пятно арміи нашей; а ему самому, мнѣ кажется, и жить на свѣтѣ не должно. Ежели опъ доноситъ, что потеря велика, неправда; можетъ быть около 4000, не болѣе; но и того нѣтъ. Хотя-бы и десять, какъ быть, война! Но за то непріятель потерялъ бездну“ **).

Ожесточаясь все болѣе и болѣе, Багратионъ произноситъ такой судъ надъ Барклаемъ: „вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству; по генераль не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества“. Багратионъ протестуетъ противъ всякаго мира съ непріателемъ, онъ требуетъ, чтобы государь вооружилъ поголовно весь народъ, ибо министръ, замѣчаетъ опъ, мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Онъ отваживается даже заподозрить Барклая въ измѣнѣ. „Большое подозрѣніе, говоритъ онъ, подаетъ всей арміи господинъ флигель-адъютантъ Вольцогенъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, и онъ совѣтуетъ все министру“. Князь жалѣетъ государя, оплакиваетъ его ослѣпленіе, отказывается понимать, какъ могъ онъ „вру-

*) Записки Барклая у Бертигарди, т. I. стр. 370—372.

***) См. Богдановичъ, т. II, приложение, стр. 503—505.

чить судьбу отечества сволочамъ и вселить тѣмъ въ каждаго подданнаго пепавиствъ и посрамленіе“ *).

Письмо Багратіона писано 7-го августа въ тотъ самый день, когда Барклай еще разъ покрылъ себя неуязвимою славою и спасъ армію отъ страшной катастрофы. Отступленіе отъ Смоленска сопряжено было съ величайшими опасностями. Этимъ опасностямъ не подвергалась ни мало вторая армія, она отошла отъ города ранѣе первой, не понеся никакихъ потерь отъ непріятеля. Отдѣльныя колонны первой арміи заблудились въ лѣсахъ и къ вечеру 6 го августа очутились вновь въ виду непріятеля у Смоленска. Потребовалось все хладнокровіе, вся распорядительность Барклая, чтобы внести порядокъ въ возникавшій хаосъ и отвести благополучно войска изъ самой части превосходнаго въ числѣ непріятеля. Сраженіе при Валушинской горѣ, веденное съ такимъ искусствомъ, прикрывшее такъ удачно армію отъ наступавшаго непріятеля, относится также исключительно къ заслугамъ Барклая, какъ и спасеніе арміи подъ Витебскомъ и Смоленскомъ.

Ближайшая цѣль, которую всегда только и имѣлъ въ виду главнокомандующій, была достигнута; къ чему-же обращаются теперь всѣ его дальнѣйшія стремленія и помыслы? Помышляеть-ли онъ о новомъ отступленіи, о завлеченіи Наполеона еще далѣе въ глубь Россіи? Нѣтъ, онъ также далекъ отъ этой мысли, какъ и въ первое время своей команды... Если онъ и отступалъ до сихъ поръ, то единственно въ силу необходимости, подъ давленіемъ текущихъ обстоятельствъ, безъ всякой предвзятой мысли, съ тяжелой болью въ сердцѣ. Уже неоднократно пытался онъ противостать непріятелю; но сознаніе, что на сторонѣ противника находится и превосходство силъ и всѣ остальные шансы побѣды,—сознаніе, что вмѣстѣ съ этою арміею, въѣрепною его руководству, должна погибнуть и Россія, удерживаетъ его каждый разъ отъ рискованнаго шага. Послѣ потери Смоленска настроеніе войска, парода и самого

---

*) Въ письмѣ встрѣчаются еще слѣдующія фразы: „что трусить, кого бояться? И не вновать, что министръ трусь, перѣшимъ, безтолковъ, медлителенъ и всѣ имѣеть худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно и ругаетъ его на смерть..... Всѣ отъ досады и грусти съ ума сходятъ“.

государя становится таково, что сраженіе представляется рѣшительнымъ и неизбежнымъ зломъ. Барклай не пытается болѣе избѣжать этого зла, онъ твердо намѣренъ дать сраженіе, но дать его при условіяхъ наиболѣе выгодныхъ. Всѣ движенія русской арміи имѣютъ съ этого момента лишь одну цѣль, она отходитъ назадъ съ намѣреніемъ найти удобную и крѣпкую позицію. Еще изъ Смоленска Барклай отправляетъ нѣсколько инженеровъ съ приказаніемъ обслѣдовать всю мѣстность вдоль московской дороги. Инженеры допели въ скоромъ времени, что они нашли двѣ удобныхъ позиціи: у Усвята на Ужѣ и у Царевозаймица. Уже 9-го августа армія достигла первой изъ этихъ позицій. По свидѣтельству очевидцевъ безпристрастныхъ, она представляла во многихъ отношеніяхъ большія выгоды *). Ея правое крыло упиралось въ Днѣпръ, тогда какъ передъ ея фронтомъ протекала небольшая рѣчка Ужа. Мѣстность передъ фронтомъ была совершенно открыта и притомъ легко обозримая, тогда какъ въ тылу находились прикрытія, дававшія возможность скрыть до нѣкоторой степени расположеніе своихъ войскъ. Барклай былъ твердо намѣренъ принять бой на этой позиціи, хотя его надежды на побѣду не были особенно велики. Неравенство силъ было все еще очень велико. Правда, непріятельская армія уменьшилась послѣ перехода черезъ Днѣпръ еще на 30,000 человекъ,—цифра ужасающая, оправдывающая какъ нельзя болѣе выжидательную, уклончивую тактику Барклая,—но все же она насчитывала въ своихъ рядахъ около 143,000 человекъ, тогда какъ въ обѣихъ русскихъ арміяхъ состояло подъ ружьемъ всего на всего 90,000 человекъ **). Что сраженіе на Ужѣ не состоялось,—вина въ этомъ падаетъ не на Барклая, а на Багратиона, на того самаго Багратиона, который добивался до сихъ поръ такъ страстно сраженія, который возставалъ такъ горячо противъ нерѣшительности и трусости Барклая. Осмотрѣвъ позицію, Багратионъ объявилъ Барклаю, что опъ ни за что не согласенъ драться въ этой мѣстности. Эта

*) Описаніе позицій мы находимъ у Клаузевица *Der Feldzug von 1812 in Russland*, стр. 127. См. также *Bernhardi*, т. I. стр. 398.

***) Эти цифры мы беремъ у Беригарди, т. I. стр. 401.

позиція, доказывалъ онъ, нигуда не годна, возвышеніе по ту сторону Днѣпра господствуетъ надъ ея правымъ крыломъ; въ тому-же непріятель можетъ обойти насъ слѣва и сбросить нашу армію въ Днѣпръ. Полковникъ Толль, присутствовавшій при объясненіи между главнокомандующими, не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ. Онъ пытался возражать Багратіону, доказать ему всю неосновательность его соображеній, но князь вышелъ изъ себя и заставилъ его замолчать рѣзкими словами: „господинъ полковникъ! ваше поведеніе заслуживаетъ разжалованья въ рядовые!“ Велѣдъ затѣмъ Багратіонъ началъ говорить, что подь Дорогобужемъ можно найти несравненно лучшую позицію, Барклай молчалъ. Онъ сознавалъ очень хорошо, что онъ не имѣетъ никакой возможности принудить Багратіона принять участіе въ сраженіи. Не оставалось другаго исхода, какъ отступить дальше къ Дорогобужу *).

Спрашивается: чѣмъ объяснить такое на первый разъ непонятное поведеніе Багратіона? Большинство историковъ отечественной войны не даетъ намъ на этотъ вопросъ вполне удовлетворительнаго отвѣта. Бернгарди въ своихъ „Достопамятностяхъ Толля“ объясняетъ весь этотъ эпизодъ крайне неблагоприятнымъ для характера Багратіона образомъ. Извѣстно, напоминаетъ онъ, что интрига противъ Барклая была въ это время въ полномъ ходу какъ въ главной квартирѣ, такъ и въ Петербургѣ. Багратіонъ могъ знать, что враги Барклая, столь ненавистнаго и ему, уже близки къ цѣли, что въ Петербургѣ учрежденъ уже комитетъ для изслѣдованія неудовлетворительнаго хода операцій дѣйствующихъ армій. Князь зналъ также отлично, въ чемъ заключается главное обвиненіе противъ Барклая, такъ какъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ обвинителей былъ онъ самъ. Въ какомъ-же свѣтѣ должны были явиться эти обвинители въ томъ случаѣ, если-бы Барклай далъ генеральное

*) Въ официальной исторіи Богдановича нѣтъ ни малѣйшаго намека на эту бурную сцену. У него все происходитъ спокойно и прилично. Багратіонъ выражаетъ только опасеніе за свой лѣвый флангъ, подверженный обходу, и Барклай, принимая во вниманіе это обстоятельство и извѣстіе о движеніяхъ вице-короля отъ Духовщины къ Дорогобужу, рѣшаетъ отступление. Подробности находимъ у Бернгарди (т. I, стр. 401—402), который взялъ ихъ изъ источника самаго достовернаго, —записокъ Толля.

сраженіе непріятелю по своему собственному почину и въ мѣстности, избранной имъ самимъ, и если-бы въ концѣ концовъ сраженіе это окончилось удачно. Необходимо было, следовательно, во чтобы-то ни стало разстроить намѣреніе Барклая *).

Не наше дѣло рѣшать, насколько основательна догадка Бернгарди, мы не располагаемъ для этого даже достаточнымъ матеріаломъ; но мы имѣемъ право утверждать, что и въ данномъ случаѣ Провидѣніе взяло подъ свою защиту дѣло Россіи. Не чудно-ли въ самомъ дѣлѣ, что не только ошибки нашихъ вождей, но и ихъ вражда и интриги вели къ одной и той-же спасительной цѣли, устраняли все далѣе и далѣе кровавое рѣшеніе и тѣмъ самымъ приводили все въ большее и большее соотвѣтствіе нашей силы съ силами противника.

Любопытно, какъ отнесся Барклай къ поступку своего товарища. Воспользовался-ли онъ столь удобнымъ случаемъ, чтобы очернить его въ глазахъ государя, указалъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, на то чрезвычайно важное для него лично обстоятельство, что единственнымъ виновникомъ несостоявшагося сраженія былъ на этотъ разъ Багратіонъ? Нѣтъ, благородство характера Барклая обнаружилось на этотъ разъ самымъ блестящимъ образомъ. Въ своемъ донесеніи государю онъ не намекнулъ ни однимъ словомъ на дѣйствительную причину оставленія позиціи на Ужѣ, не позволилъ себѣ никакой жалобы на Багратіона. „Первая армія, — писалъ онъ государю, — понесла весьма значительныя потери въ послѣднихъ сраженіяхъ. На этомъ основаніи и принимая во вниманіе, что въ случаѣ неблагополучнаго исхода, армія не будетъ имѣть за собою никакихъ подкрѣпленій, я нахожу себя вынужденнымъ испросить разрѣшенія Вашего Величества на сформированіе резервнаго корпуса, который могъ-бы служить мнѣ подкрѣпленіемъ и къ которому я могъ-бы отступить по московской дорогѣ. Я писалъ уже въ этомъ смыслѣ Милорадовичу, пока-же я буду стараться вмѣстѣ съ княземъ Багратіономъ уклоняться отъ генеральнаго сраженія, дабы избѣгнуть случайностей, сопряженныхъ со всякимъ рискованнымъ предпріятіемъ. Впрочемъ,

*) Bernhardi, t. 1, стр. 402.

положеніе наше таково, что я сомнѣваюсь, удастся-ли мнѣ это; но я надѣюсь на Бога, на правоту нашего дѣла и на храбрость нашихъ воиновъ“ *).

Итакъ Барклай, самъ не сознавая того, продолжалъ работать въ пользу своихъ враговъ. Онъ принималъ на себя вновь всю вину отступленія, хотя на этотъ разъ вина была вовсе не на его сторонѣ и онъ поступалъ такъ въ ту самую минуту, когда противники его были уже близки къ полной побѣдѣ въ Петербургѣ, когда паденіе его было уже дѣло рѣшенное. Какимъ-же образомъ произошло это паденіе, что побудило императора Александра смѣнить назначеннаго имъ самимъ главнокомандующаго и поставить на его мѣсто другое лицо, крайне непріятное ему лично,—вотъ вопросъ, на который думаемъ мы обратить теперь вниманіе нашихъ читателей.

В. Мадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

---

*) Это письмо Барклая напечатано еще у Данилевскаго. См. также Бергарди, т. I, стр. 403.

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова),

въ послѣдствіи митрополита Московскаго

(1809—1819).

(Продолженіе *).

Изъ лицъ, съ которыми довольно рано познакомился въ Петербургѣ Филаретъ, между прочими былъ, какъ мы отмѣтили выше, А. С. Стурдза, изъ молдаванъ, бессарабскій помѣщикъ, но жившій въ Петербургѣ по случаю близости его сестры ко двору, „за образованіе Бессарабин пожалованный въ статскіе совѣтники“ въ 1818 году, когда ему всего было 27 лѣтъ ¹⁾. Ревностный посѣтитель Шинковской „Бесѣды“ ²⁾, по примѣру многихъ глубокой почитатель проповѣдническаго таланта Филарета, онъ уже въ 1816 году перевелъ проповѣди его на французскій языкъ ³⁾, которымъ владѣлъ хорошо. Въ томъ-же году въ Веймарѣ онъ издалъ на французскомъ языкѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe“ ⁴⁾, — сочиненіе, наполненное „мистическою вздорологіею“, какъ выражался Карамзинъ ⁵⁾ и вообще болѣе унижавшее православную Церковь, нежели возвышавшее ее въ глазахъ неправославнаго запада ⁶⁾. На эту-то книгу Филаретъ

*) См. № 15, „Вѣра и Разумъ“, 1884 г.

¹⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, изд. Я. Гротомъ и Пекарскимъ, стр. 239. Стурдза родился въ 1791 года. См. тамъ-же, стр. 0210.

²⁾ *Иконниковъ*, Графъ Морденновъ, стр. 86. Спб. 1873.

³⁾ *Сушковъ*, цит. соч., стр. 123.

⁴⁾ *Филаретъ Черниг.*, Обзоръ руск. дух. литер. ч. 2, стр. 273—274. Черниговъ, 1863. Сравъ Письма Карамзина къ Дмитріеву, цит. изд., стр. 092.

⁵⁾ Письма къ Дмитріеву, стр. 212; срав. стр. 092.

⁶⁾ *Филаретъ Черниг.*, цит. соч., стр. 274.

написалъ замѣчанія, подъ заглавіемъ: „Мысли одного читателя книги: Considerations etc. въ простотѣ предлагаемая писателю, по правилу: *даждь премудрому вино и премудростиі будетъ*“¹⁾.

Со второй половины 1813 года начинается переписка Филарета съ знаменитымъ проповѣдникомъ того времени, управлявшимъ Московскою митрополіею послѣ Платона, сперва епископомъ, а потомъ (съ августа 1814 года) архіепископомъ Августинномъ Виноградскимъ. Хотя главнымъ побужденіемъ къ перепискѣ Филарета съ Августинномъ служили различныя нужды родныхъ перваго, однако она нерѣдко касалась и проповѣднической дѣятельности обоихъ. Такъ уже въ сентябрѣ 1813 года Филаретъ, между прочимъ, пишетъ Августину: „исполнивъ пріятную обязанность быть *гласомъ* вашего слова, и по назначенію вашему, и въ удовлетвореніе любителей слова,—съ синовию признательностію“ и пр. „Р. S. Нѣсколько словъ, говоренныхъ послѣ тѣхъ, которыя имѣлъ я счастье представить вашему преосвященству въ прошедшую осень, и нынѣ покорнѣйше представляю“²⁾. Отъ 4 ноября того-же 1813 года: „Слово, которымъ ваше преосвященство изволили обновить древній храмъ древней столицы, исполненное духомъ древнихъ отцевъ, хотя нѣсколько уже разъ мною читанное, тѣмъ однако не съ меньшею радостію и благодарностію получилъ я отъ руки вашего преосвященства. Если позволительно мнѣ повторить предъ вами голосъ множества, слово сіе всегда пребудетъ важнымъ памятникомъ сего необыкновеннаго времени. Здѣшняя духовная академія въ особенности приноситъ вашему преосвященству, за сей образецъ духовнаго витійства, читанный въ наставленіе воспитанникамъ въ классѣ, благодарность, какъ своему наставнику“³⁾. Отъ 12 февраля 1814 года: „въ упованіи на благосклонное вашего преосвященства ко мнѣ вниманіе, пріемлю смѣлость представить недавно говоренное слово на гласъ вопіющаго въ пустыни“⁴⁾. И когда вскорѣ послѣ того Августинъ отписалъ Филарету по поводу этой посылки, послѣд-

¹⁾ См. VI кн. „Чтеній въ общ. люб. дух. проsv.“ за 1869 г. стр., 71 матеріаловъ для біографіи Филарета.

²⁾ Тамъ-же, стр. 34.

³⁾ Тамъ-же, стр. 34—35.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 39.

ній вновь обращается къ нему съ письмомъ слѣдующаго содержания: „одобренія вашего преосвященства, въ письмѣ отъ 26 февраля изъявленныя, подавляютъ мое недостойнство. Въ защитительномъ истолкованіи слова *крещеніе* не могъ я не узнать искусства прежняго моего наставника“¹⁾. Въ томъ-же письмѣ Филаретъ, по поводу полученной имъ проповѣди Августина, произнесенной „по случаю побѣды, одержанной при Лейпцигѣ россійскими и союзными войсками надъ французскою арміею“²⁾, говоритъ: „не какъ возвѣщающій, произношу предъ вашимъ преосвященствомъ сію торжественную вѣсть: Христосъ воскресъ; но, какъ одинъ изъ слышавшихъ отъ устъ вашихъ слово истины, со многими, отвѣщаю на то, что возвѣщаете вы нынѣ великой Церкви Московской, какъ ангелъ ея. Тотъ, Который возвелъ васъ на сію высокую гору, дабы благовѣствовать миръ во дни нестроенія³⁾, и радость послѣ скорбей, часъ отъ часа далѣе творитъ слышапъ гласъ вашъ. Да утвердитъ Онъ и по сихъ освященный гласъ сей, и да пошлетъ въ сѣтующіе предѣлы миръ всѣмъ слышащимъ гласъ мира вмѣстѣ со духомъ возвѣщающаго! Да будетъ благоденствіе и долгоденствіе вашего преосвященства такъ вѣрно, какъ благовѣстіе воскресенія, вами возвѣщаемое!“⁴⁾ Подобнымъ образомъ и отъ 26 декабря 1815 года Филаретъ, въ виду проповѣдей Августина о мирѣ, говоренныхъ 21 іюня 1814, на Рождество Христово того-же года и др., пишетъ ему: „если даръ, принесенный на землю воплощеніемъ, есть миръ, Воплотившійся—Начальникъ мира, посланники Его—служители примиренія, вѣрующіе въ Него—сыны мира, причастники блаженства Его—мпротворцы: то ваше высокопреосвященство имѣете особенный въ христіанствѣ жребій, благовѣствовать и миръ собственно *Божій*—Церкви, кося свѣтильникъ подвигнулся было гнѣвомъ Божиимъ, и

¹⁾ Тамъ-же, стр. 39—40. Августинъ до 1802 года былъ ректоромъ Троицкой лаврской семинаріи.

²⁾ См. сочиненія Августина, изд. Кораблева и Спрякова, стр. 96 и дал. Сиб. 1856.

³⁾ Разумѣются проповѣди Августина по случаю событій 1812—1813 годовъ.

⁴⁾ Цитов. кн. „Чтеній въ общ. люб. дух. пр.“ стр. 39. Въ послѣднихъ словахъ письма Филарета, вѣроятно, дѣлается намекъ на слова проповѣди Августина, обращенныя къ Москвѣ: *востани, востани, сіоне* и пр. (соч. Августина, стр. 99 изг. изд.).

миръ собственно на земли—сынамъ несчастія и жертвамъ страшной брани. Каждый, и не видя, можетъ разумѣть, какъ много нужно вамъ было уцѣрблять вашъ собственный миръ, для раздаянія его требующимъ, оною сугубою мѣрою. Уже время желать, чтобы Начальникъ мира даровалъ вамъ утѣшеніе видѣть подъ жезломъ вашего архипастырства сыновъ мира совершеннаго, ихъ миромъ исполнилъ-бы вашъ миръ собственный, и поднимъ прошедшихъ золь даровалъ будущія лѣта веселія“¹⁾. Наконецъ, отъ 28 апрѣля 1816 года: „вниманіе къ ученику, съ которымъ угодно было вашему высокопреосвященству изъяснить желаніе видѣть, чему случится быть издану изъ малыхъ моихъ упражненій, даетъ мнѣ право представить при семъ недавно напечатанную проповѣдь въ Великій Пятокъ. А при томъ,—не какъ требованіе воздаянія, котораго мое приношеніе совѣмъ не стоитъ, но какъ воспоминаніе, приведенное случаемъ,—позвольте открыть вашему высокопреосвященству, что у меня не осталось отъ усердныхъ вашихъ читателей *Слова на освященіе Успенскаго собора*“²⁾: отъ чего въ малой моей библіотекѣ, которой выборомъ я тщеславолюсь, есть пустое мѣсто, котораго я не могу отъ себя закрыть. Не можетъ-ли вашъ библіотекаръ найти избыточествующаго экземпляра, и вставить такимъ образомъ красивое перо въ крыло моего тщеславія?“³⁾

Наконецъ, мы не можемъ опустить вниманіемъ отношеній Филарета къ его многолѣтнему другу и сотруднику, отчасти уже извѣстному намъ Иннокентію Смирнову, съ 1812 года и по 1818 годъ имѣвшему ближайшее отношеніе къ дѣятельности Филарета вообще и въ частности—проповѣднической. Будучи человекомъ глубокаго, искреннѣйшаго благочестія, глубоко и всесторонне знакомый съ свято-отеческою и вообще церковною литературою благодаря самому предмету своей каѳедры въ академіи (церковной исторіи время послѣ библейскихъ), Иннокентій усвоилъ себѣ и проводилъ особый взглядъ на проповѣдничество, не совѣмъ похожій на тѣ взгляды, какими руководилась большая часть современныхъ ему пропо-

¹⁾ Стр. 43 цитов. кн. „Чтеній“.

²⁾ См. соч. Августина, стр. 73 и дал. цит. изд. Слово говорено 30 августа 1813 г.

³⁾ Стр. 47 цитов. книжки „Чтеній въ общ. люб. дух. просв.“ за 1869 г.

вѣдниковъ, и, какъ другъ Филарета, тѣмъ въ нѣкоторой степени вліялъ на характеръ проповѣдничества послѣдняго. Вотъ его воззрѣніе на проповѣдничество вообще въ связи съ сужденіемъ о современномъ ему проповѣдничествѣ. „О какіе мы,—говорилъ онъ,—недостойные учителя и проповѣдники слова истины! Любодѣй любитъ не ради дѣторожденія, но для насыщенія нечистой своей похоти: такъ и проповѣдникъ слова Божія, когда проповѣдуетъ не ради рожденія чадъ духовныхъ по закону, но чтобы, сказавъ слово, токмо движеніемъ рукъ, эхомъ голоса и произношенія слыть за проповѣдника или почесать сердце свое ѡскотаніемъ, слухомъ чести, мзды и отличія, тоже онъ дѣлетъ, что и любодѣй; тотъ любитъ тѣлесно, а сей духовно. А когда въ проповѣди есть еще примѣсь неправаго ученія и духа; тогда какъ мать во чревѣ своемъ убиваетъ домъ младенца, такъ и проповѣдникъ ядомъ заблужденія паче убиваетъ, нежели воспитываетъ, во утробѣ матери Церкви чадъ духовныхъ. Видитъ Богъ, какъ во многихъ настоящихъ витіяхъ и проповѣдникахъ бываетъ нечисто, нерадиво, суетно проповѣдническое слово! Многие-ли нынѣ своими словами, рѣчами и поученіями, витіеватыми, высокими и таинственными ¹⁾ дѣлаютъ то назиданіе, какое св. отцы наши древле производили своими простыми, немногими, краткими словами и бесѣдами?... Чають многие навикнуть проповѣди слова Божія не отъ дѣлъ, но изъ школьнаго наученія и покушаются проповѣдывать слово о царствіи Божіи не отъ вышняго разума, а отъ земнаго мудрованія и явленія плоти и крови; между тѣмъ гласъ Божій гремитъ во уши ихъ: *плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ*. Но всего суетнѣе и пагубнѣе то, что нѣкоторые изъ вѣрныхъ сыновъ царствія почиваютъ на западныхъ и новѣйшихъ словесникахъ и витіяхъ, а водъ благодатнаго ученія въ св. Златоустѣ Іоаннѣ, Василіѣ великомъ, Григоріѣ богословѣ и прочихъ св. отцахъ и учителяхъ Церкви не хотятъ и видѣть, будто они не нужны для людей нынѣшнихъ. Уже-ли Массильонъ, Боссюеть, Бурдалу,

¹⁾ Иначе: мистическими, въ духѣ того времени. Самъ Пинокентій былъ врагъ мистицизма, за что и пострадалъ, какъ извѣстно.

Флешье болѣе и лучше заключаютъ въ себѣ живыхъ водъ, чѣмъ студенець, истекшій изъ усть св. Златоуста и иныхъ отцевъ Церкви и богомудрыхъ учителей? 1) О значеніи этого возврѣнія для проповѣдничества Филарета мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Что-же касается до постоянной дружественности отношеній между Филаретомъ и Иннокентіемъ, условливавшей это значеніе, то въ пользу ея достаточно будетъ указать на письма Филарета къ роднымъ своимъ 2), къ епископу Лаврентію, викарію Московскому 3), къ А. Н. Муравьеву 4) и др., на воспоминанія его 5), на сообщенія имѣвшаго близкое отношеніе къ Филарету біографа его Н. В. Сункова 6) и др. Свѣдѣнія, здѣсь заключающіяся, относятся впрочемъ или къ 1812—1814 или-же къ 1818—1819 годамъ, оставляя пробѣлъ за годы 1815—1817, весьма важныя для характеристики отношеній двухъ близкихъ другъ къ другу ректоровъ академіи (Филарета) и семинаріи (Иннокентія), съ 1813 г. и вмѣстѣ сослуживцевъ и сотрудниковъ за все время 1812—1819 гг., какъ профессора (Филарета) и бакалавра (Иннокентія) богословскихъ наукъ въ академіи. Тѣмъ болѣе важно наполнить означенный пробѣлъ, что долгое время существовало во многихъ, весьма близкихъ къ обоимъ свѣтильникамъ русской Церкви, лицахъ убѣжденіе о серьезной размолвкѣ между ними за разсматриваемый нами періодъ. Намъ нѣтъ нужды, да и не мѣсто здѣсь подробно доказывать несправедливость такого убѣжденія, которую признавалъ всегда и самъ великій святитель Московскій и которая ясно доказывается вышеприведенными документальными данными. Въ видахъ дальнейшей критической оцѣнки проповѣднической дѣятельности Филарета, намъ хотѣлось бы однакоже установить непрерывность добрыхъ отношеній между имъ и Иннокентіемъ, а отсюда—

1) См. у Филарета Черниг. во 2 ч. Обзора рус. дух. литер., стр. 203—204.

2) Стр. 157, 163, 186—187, 191. Письма 1812—1814 гг.

3) „Чт. въ об. люб. дух. просв.“ за 1869 г. кн. VI, стр. 52—53 матеріаловъ для біографіи Филарета. Письма 1819 г.

4) Письма къ А. Н. Муравьеву относятся къ позднѣйшему времени. Въ нихъ воспоминаются отношенія 1818—1819 гг.

5) „Прав. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 515—523. Отношенія 1812, 1813 и 1818—1819 годовъ.

6) Стр. 108—111. Отношенія 1818—1819 гг., при чемъ или по опечаткѣ или по ошпбкѣ вмѣсто года 1818 поставленъ 1815 годъ.

ихъ взаимовліянія и за 1815—1817 годы. Для пополненія этого пробѣла могло-бы служить на пользу уже то одно обстоятельство, что церковная исторія Иннокентія, служащая, какъ извѣстно, продолженіемъ церковно-библейской исторіи Филарета, какъ общій ихъ ученый трудъ по академіи, вышла изъ печати подъ общимъ-же ихъ наблюденіемъ въ 1817 году, тогда какъ начало ихъ общей-же редакціонной работы надъ этимъ трудомъ восходитъ къ 1815 году. Такъ напримѣръ уже въ концѣ этого 1815 года Филаретъ не даромъ пишетъ своему родителю: „къ библейской корректурѣ мною держимой присоединилась корректура церковной исторіи, которую, какова пи есть, я долженъ былъ представить въ печать“¹⁾. Но мы для той-же цѣли имѣемъ и болѣе ясныя данныя за то же время, именно въ рукописныхъ и печатныхъ автобіографическихъ запискахъ уже извѣстнаго намъ Фотія (Петра) Спасскаго, который за все время 1814—1819 гг. былъ въ Петербургѣ и былъ близокъ къ тому и другому: къ Филарету и Иннокентію. Петръ Спасскій, при первомъ-же прибытіи своемъ въ Петербургъ, для обученія въ академіи, въ августѣ 1814 года, встрѣтилъ Филарета у Иннокентія въ келліяхъ и засталъ „Иннокентія, угощающаго Филарета“. Затѣмъ, когда, предъ концемъ учебнаго 1814—1815 года Спасскій по болѣзни уѣхалъ на родину и по возвратѣ оттуда, въ августѣ 1815 года, снова въ Петербургъ рѣшилъ не учиться болѣе въ академіи, то „по его-же (Филарета) благоволенію“²⁾ благоволилъ ректоръ семинаріи Иннокентій принять его въ учителя къ училищу при семинаріи въ лаврѣ Невской“. Въ 1816 году Петръ Спасскій въ качествѣ учителя училища составлялъ проповѣди и представлялъ ихъ къ Иннокентію, какъ цензору и покровителю своему. Иннокентій же показывалъ эти проповѣди м. Амвросію и Филарету, читалъ имъ обонимъ „въ слухъ самъ, и особенное благоволеніе за то принесъ ему отъ владыки и Филарета“. Въ 1817 г. Петръ Спасскій поступаетъ въ монашество съ именемъ Фотія. При по-

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 201.

²⁾ Такъ въ обонихъ рукописныхъ экземплярахъ „Зинисокъ“, хранящихся въ библіотекѣ Московской духовной академіи и изъ коихъ одинъ правленъ рукою самого Фотія. Въ печатномъ-же изданіи очевидно неправильно: „по его-же благословенію“.

стриженіи участвуютъ вмѣстѣ Филаретъ и Иннокентій, также какъ вмѣстѣ они совѣщаются у м. Амвросія и соглашаются о назначеніи Фотія въ законоучителя кадетскаго корпуса. Въ 1818 г. продолжалось тоже единодушіе между Филаретомъ и Иннокентіемъ. Филаретъ заботливо предостерегалъ друга своего отъ общенія съ людьми, которые могли сдѣлать на него доносъ за его непреклонно-строгий образъ мыслей о направленіи умовъ лицъ, стоявшихъ во власти, которыя, наконецъ, и уловили таки его въ то время, когда Филарета не было въ Петербургѣ (онъ былъ на ревизіи академіи Московской и нѣкоторыхъ провинціальныхъ семинарій). Вообще Филаретъ и Иннокентій, по словамъ близко знавшаго ихъ обоихъ Фотія, какъ „сотоварищи и сослуживцы“, были очень дружны между собою. „Въ иное время,—говоритъ онъ,—былъ союзъ любви, повидимому, между Филаретомъ и Иннокентіемъ, и яко друзи были, близкіе, искренніе, свѣтильники, подававшіе падежду собою во благо Церкви. Всѣ такъ о нихъ думали“¹⁾. Эти сообщенія Фотія тѣмъ болѣе важны, что онъ самъ-же допускалъ мысль, что въ 1818—1819 годахъ Филаретъ, изъ угожденія лицамъ власть имѣющимъ, содѣйствовалъ извѣстной опалѣ Иннокентія²⁾, что, конечно, не справедливо, въ виду позднѣйшихъ разъясненій дѣла и современныхъ дѣлу отношеній самого Филарета къ Иннокентію.

Объ отношеніяхъ Филарета къ другимъ лицамъ за разсчитываемый періодъ мы не будемъ говорить какъ потому, что это безъ мѣры расширило-бы предѣлы настоящаго нашего обзорѣнія, такъ и потому, что эти отношенія менѣе важны для главной и ближайшей нашей цѣли. Теперь, въ заключеніе своего обзорѣнія круга дѣятельности и отношеній Филарета, мы кратко изложимъ вышнюю, такъ сказать, исторію его проповѣднической дѣятельности за время его ректорства. Мы уже упоминали такъ или иначе, въ тѣхъ или другихъ

¹⁾ См. рукопись, правленную самимъ Фотіемъ, часть I, л. 46; 54; 57; ч. II, л. 2; 6; 23; 25; срав. съ „Чтен. въ общ. люб. дух. просв.“ за 1868 г. кн. IV, стр. 105; 107; 109 и 111 матеріаловъ для біографіи Филарета. Срав. также С. И. Миропольскаго, біографію Фотія въ „Вѣстн. Европы“ за 1878 г. т. VI, стр. 35, 47 и друг.

²⁾ См. цит. рукоп. ч. II, л. 37.

случаяхъ о его проповѣдничествѣ за 1812—1813 годы. Переходимъ къ дальнѣйшей дѣятельности его, какъ проповѣдника. Въ 1814 году Филаретъ достигъ вершины своей славы проповѣднической. Препонъ его проповѣднической дѣятельности и славѣ не было: Теофилакта въ Петербургѣ уже съ декабря 1813 года не было; положеніе Филарета, какъ ректора, было упрочено; его сила и вліяніе въ кругу разнообразныхъ отношеній должностныхъ и личныхъ были непреоборимы и т. д. и т. д. За одинъ этотъ 1814 годъ онъ произноситъ въ разныхъ храмахъ семь различныхъ проповѣдей, и именно: три проповѣди (о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ, 18 января; въ день сошествія св. Духа и на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы) въ Троицкой домової церкви кн. Голицына; одну проповѣдь (въ день вѣщанія на царство и св. муромомазанія Императора Александра Павловича, 15 сентября)—вѣроятно въ какомъ-либо соборѣ ¹⁾; одну бесѣду изъ псалма 83 по освященіи храма Казанской иконы Божіей матери, устроеннаго въ домѣ графа В. П. Кочубея, 13 ноября; одну проповѣдь въ недѣлю XXIV по 50-яцѣ въ Александроневской лаврѣ и одну проповѣдь во второй день праздника Рождества Христова—въ придворной церкви, въ присутствіи Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Но эта-то послѣдняя проповѣдь была нѣкоторымъ образомъ и причиною поворота славы Филарета, какъ проповѣдника, въ Петербургѣ, съ того времени,—была причиною того, что голосъ проповѣди Филарета съ тѣхъ поръ уже не слышался въ дворцовыхъ церквахъ, да и вообще сталъ менѣе слышенъ. Вотъ какъ рассказываетъ о впечатлѣніи этой проповѣди и ея послѣдствіяхъ біографъ Филарета Н. В. Сушковъ: „въ 1814 г. сказала она, въ присутствіи Императрицы Маріи Ѳеодоровны и членовъ изъ царской семьи, сильное и строгое слово о любви къ міру. Въ немъ проведена во всѣхъ примѣненіяхъ къ жизни мысль Екклесіаста и его возглашеніе: *суета суетствой, всяческая суета* легло клеймомъ на всѣ, даже и добрыя, повидимому, дѣла въ мірѣ... Кто изъ придворныхъ слушателей новаго Ек-

¹⁾ Ни въ изданіяхъ проповѣдей Филарета, ни въ письмахъ его мы не находимъ обозначенія мѣста произнесенія этой проповѣди.

клесіаста (проповѣдника) рѣшился-бы сказать въ глубинѣ своей совѣсти, что онъ исполненъ мудрости Соломоновой и нѣтъ въ немъ любви къ міру?... *Жестоко есть слово сіе! кто можетъ его послушати* (Іоан. VI, 60). Императрица смутилась жестокостію проповѣди, достойной древнихъ аскетовъ-учителей,—и съ той поры не слышался болѣе голосъ молодаго обличителя любви къ міру въ дворцовомъ храмѣ. Да онъ и не способенъ быть придворнымъ проповѣдникомъ. Недоброжелатели и завистники его радовались; друзья и почитатели печалились¹⁾. Самъ Филаретъ какъ-бы нѣсколько упалъ духомъ. Въ слѣдующемъ 1815 году онъ уже произноситъ только одну проповѣдь, именно въ Великій Пятокъ, и при томъ въ скромномъ уѣзжницѣ своемъ, въ Александро-Невской лаврѣ; въ 1816 г.—двѣ; въ 1817 г.—три; въ 1818 г.—одну; а въ 1819 г.—ни одной. Кромѣ того съ 1814 года ни у князя Голицына, ни у графа Кочубея—у вельможей и близкихъ другъ къ другу за то время и весьма близкихъ ко двору, въ ихъ домовыхъ церквахъ, Филаретъ не произноситъ уже ни одной проповѣди. Наконецъ, и въ самыхъ наградахъ Филарету съ 1814 года мы замѣчаемъ значительную перемену. Между тѣмъ какъ въ 1811 и 1813 году онъ награждается, между прочимъ, „за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія“ или „за пазидательныя и краснорѣчивыя поученія“, а въ началѣ 1812 года даже и его отецъ награждается необычайно „въ знакъ особеннаго монаршаго благоволенія къ его сыну, только ознаменовавшему себя на поприщѣ проповѣданія слова Божія“, съ 1814 года награды Филарету идутъ при рескриптахъ весьма лестныхъ, но ни слова не говорящихъ о проповѣднической дѣятельности награждаемаго. Такъ было, напримѣръ, въ 1816 году, при награжденіи Филарета панагією и въ 1818 году, при награжденіи орденомъ св. Анны 1-й степени²⁾. Впрочемъ самыя эти награды и повышенія Филарета показывали, что значеніе его вообще отнош. не умялось, а наоборотъ усиливалось. Князь Голицынъ, пріобрѣтавшій въ то время все бо-

¹⁾ Стр. 106—107.

²⁾ См. послужной списокъ Филарета; текстъ рескриптовъ можно читать въ письмахъ его къ роднымъ (стр. 209; 230 и др.).

лѣе и болѣе силы при дворѣ, въ сущности не только не уменьшалъ своего расположенія къ Филарету и уваженія къ его талантамъ и дѣятельности, а напротивъ все большимъ и большимъ расположеніемъ и уваженіемъ исполнялся къ нему, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Филаретъ (съ 1814 года) сталъ обнаруживать все болѣе и болѣе услепленную дѣятельность по библейскому обществу, котораго президентомъ и главнѣйшимъ покровителемъ былъ Голицынъ. Сдѣлавшись въ 1817 году изъ простаго оберъ-прокурора Св. Синода могущественнымъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ прежде всего Филарета поснѣшилъ сдѣлать членомъ главнаго правленія училищъ, и т. д. Да и въ проповѣдничествѣ собственно не такъ уже упало значеніе Филарета, какъ могло-бы казаться съ перваго раза. Если такіе царедворцы, какъ князь Голицынъ и графъ Кочубей, съ 1815 года не рѣшались приглашать Филарета въ свои домовыя церкви для проповѣдыванія, то другіе вельможи не находили нужнымъ опасаться голоса его проповѣди. Такъ, напримѣръ, іюня 30 дня 1816 года Филаретъ произноситъ проповѣдь на освященіе храма Воскресенія Христова при домѣ графа А. К. Разумовскаго; въ 1817 году, кромѣ рѣчи по освященіи храма св. праведной Елисаветы, устроеннаго при сиротскомъ училищѣ женскаго патриотическаго общества, покровительницею котораго была Императрица Марія Θεодоровна, произноситъ слово при погребеніи графа П. А. Строганова, давняго своего знакомца; въ 1818 г. говоритъ въ Казанскомъ соборѣ слово предъ приведеніемъ къ присягѣ с.-петербургскаго дворянства и гражданъ для избранія судей. Затѣмъ, если въ дворцовыхъ церквахъ съ конца 1814 г. не раздавался голосъ проповѣди Филарета, то не лишала однакоже вниманія его проповѣди и царская фамилія. Такъ, при погребеніи графа Строганова въ 1817 году проповѣдь Филарета удостоили слушать: самъ Государь Императоръ и Великіе князья: цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Михаилъ Павловичъ. Равнымъ образомъ и благоволеніе Государя къ Филарету оставалось неизмѣннымъ и даже все болѣе и болѣе увеличивалось, какъ то и выражаемо было въ лестныхъ рескриптахъ Государя неустанному дѣятелю на пользу Церкви и оте-

чества, за время 1814—1819 годовъ. „Да и сама Императрица Марія Θεодоровна не утратила своего къ нему уваженія и продолжала по временамъ бесѣдовать съ нимъ искренно“ ¹⁾. Самая сравнительно меньшая численность проповѣдей Филарета за 1815—1819 годы по отношенію къ 1814 и предшествующимъ годамъ отчасти объясняется осложненіемъ заботъ и круга дѣятельности Филарета съ 1815 года. Мы помнимъ, конечно, что главные его ученые труды начали появляться именно съ этого года въ печати: *Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Восточной Церкви* въ 1815; *Изчертаніе Церковно-библейской исторіи* и *Записки на книгу бытія* въ 1816 году; кромѣ того послѣдній трудъ—вторымъ, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ въ 1819 году. За то-же время осложнились труды Филарета и по библейскому обществу, особенно съ 1816 года, когда, по волѣ Государя Императора, предпринять былъ переводъ Библии на русскій языкъ, каковое дѣло ввѣрено было именно Филарету, какъ главному руководителю его. „Теперь большую заботу,—пишетъ самъ Филаретъ дѣду своему отъ 20 мая 1816 года,—дѣлаетъ предпринятое по Высочайшей волѣ изъяснительное преложеніе Новаго Завѣта на Россійское нарѣчіе“ ²⁾. Еще больше прибавилось Филарету хлопотъ и заботъ съ возведеніемъ его въ 1817 году въ санъ епископа-викарія, съ оставленіемъ при немъ всѣхъ прежнихъ должностей, какъ онъ и самъ это изъясняетъ въ письмѣ своемъ къ матери отъ 24 сентября 1817 года ³⁾. Самъ же онъ объясняетъ этимъ осложненіемъ заботъ и хлопотъ или, какъ онъ называетъ, „суеть“ и малочисленность своихъ проповѣдей за это время. Указывая, въ вышеприведенномъ письмѣ своемъ къ дѣду, на умноженіе заботъ, какъ на препятствіе къ частной перепискѣ съ нимъ, и посылая ему недавно напечатанную проповѣдь на Великій Пятокъ 1816 года, онъ добавляетъ: „видите, что и она уже одна въ годъ“ ⁴⁾, также какъ и при посылкѣ родителю проповѣди на Великій Пятокъ 1815 г.

¹⁾ Сушковъ, цит. соч., стр. 107.

²⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 211.

³⁾ Тамъ-же, стр. 218.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 211.

не упускаетъ случая отмѣтить, что „суетамъ конца нѣтъ“ ¹⁾. Если-же и при этихъ суетахъ и заботахъ Филаретъ находилъ возможнымъ произносить въ иной годъ даже и не по одной проповѣди, то честь его, какъ проповѣдника, отнюдь не должна быть омрачаема въ виду мимолетпаго событія конца 1814 года. Какъ добрый пастырь, онъ помнилъ наставленіе св. Апостола: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣе и безвременнѣе, обличь, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 1—2). Но какъ пастырь подначальный въ епархіи, онъ могъ проповѣдывать только съ вѣдома и разрѣшенія епархіальнаго начальства. Пока митрополитомъ былъ Амвросій, голосъ проповѣди Филарета не умолкалъ, даже и съ 1815 года, и при всемъ осложненіи его хлопотъ и заботъ. Но когда на мѣсто Амвросія, благодѣтеля Филарета и некраснорѣчиваго витія, въ 1818 году вступилъ въ управленіе Петербургскою митрополіею Михаилъ (Десницкій), великій проповѣдникъ своего времени и къ тому-же недовѣрчиво взиравшій на покровительствуемаго кн. Голицынымъ викарія своего Филарета, тогда удобно-ли было-бы послѣднему проповѣдывать въ Петербургѣ?— Проповѣдь, сказанная 20 января 1818 года въ Казанскомъ соборѣ въ то время, когда надъ старцемъ Амвросіемъ уже стрясась бѣда, низведшая его съ кафедры митрополіи С.-Петербургской ²⁾, но когда еще не прибылъ въ Петербургъ преемникъ Амвросія—Михаилъ, была послѣднею проповѣдью Филарета въ Петербургѣ, хотя онъ прожилъ здѣсь не только весь 1818 и начало 1819 года, когда еще состоялъ викаріемъ Петербургскимъ, но и всю остальную часть 1819 и большую часть 1820 года, когда перемѣщенъ былъ на епархію Тверскую.

И. Жорсуцскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Тамъ-же, стр. 201.

²⁾ См. объ этомъ въ Воспом. Филарета въ „Прав. Обзор.“ за 1868 г. т. 26, стр. 519; въ „Рус. Вѣсти.“ за 1868 г. т. 74, стр. 512—513 и др.

МЕТОДЪ ФИЛОСОФІИ.

Въ предыдущихъ нашихъ изслѣдованіяхъ мы старались опредѣлить содержаніе философіи, показать ея возможность, значеніе въ области познанія и отношеніе къ другимъ наукамъ *). Теперь на очереди вопросъ: какимъ образомъ философія можетъ достигнуть той цѣли, къ которой стремится—познанія идеальной стороны существующаго, какой наилучшій и наиболее надежный способъ для разрѣшенія ея задачъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ должно служить разъясненіе метода философіи.

Въ обыкновенномъ ходѣ нашей познавательной дѣятельности мы не считаемъ себя обязанными предварительно каждаго изслѣдованія спрашивать себя о способахъ, какими оно должно быть произведено, чтобы вѣрнѣе и прямѣе достигнуть своей цѣли—познанія истины. Мы руководимся непосредственными, врожденнымъ чувствомъ истины, своего рода тактомъ и логическимъ инстинктомъ, который въ людяхъ особенно талантливыхъ можетъ возвышаться до удивительной степени чуткости въ угадываніи истины. Такъ, многія открытія и изобрѣтенія, многія вѣрныя и оригинальныя мысли въ наукѣ принадлежали лицамъ, слѣдовавшимъ въ своемъ мышленіи не какимъ-либо предписываемымъ наукою правиламъ, но своему непосредственному чувству. Но подобнаго рода явленія могутъ быть только счастливой случайностью на ряду съ многочисленными неудачными попытками изслѣдованія истины. Чтобы наше по-

*). См. въ предшествующихъ книжкахъ статьи: „Что такое философія?“ — „Возможна-ли философія?“ — „Нужна-ли философія?“

знаніе шло всегда безошибочными и вѣрными шагами по пути изысканія истины, необходимо, чтобы нашъ разумъ дѣйствовалъ по твердымъ, основаннымъ на изученіи природы познающаго духа и оправданнымъ въ своей истинѣ научною практикою правиламъ или способамъ, называемымъ методами познанія. Только такое мышленіе имѣетъ право называться научнымъ мышленіемъ, такъ какъ наука по самому понятію своему, какъ знаніе раціональное, не можетъ быть ни мнѣніемъ, ни чувствомъ, ни непосредственнымъ убѣжденіемъ, но сознательнымъ, на законахъ разума основаннымъ постиженіемъ какъ самой истины, такъ и путей, ведущихъ къ ней.

Отсюда видно, что философія, чтобы быть наукою въ точномъ смыслѣ слова, должна не только имѣть достойное научнаго познанія содержаніе, но и познавать это содержаніе научнымъ, методическимъ способомъ. И въ философіи, какъ и въ другихъ областяхъ знанія, конечно возможно мышленіе не систематическое, непосредственное, основанное на извѣстномъ тактѣ и угадываніи истины; и въ ней много свѣтлыхъ и глубокихъ мыслей можно найти у мыслителей, не державшихся какого-либо опредѣленнаго научнаго приѣма изслѣдованія: таковы напримѣръ индійскіе философы, нѣкоторые до-сократовскіе мыслители, средневѣковые мыслители, Бемъ и др. Но такого рода мышленіе само по себѣ не могло создать ничего прочнаго и устойчиваго въ области философіи. Оно имѣло значеніе только какъ возбужденіе философской мысли къ дальнѣйшему научному развитію тѣхъ идей, которыя въ смутномъ и неясномъ видѣ предносились уму мыслителей, не руководствовавшихся правильными методами познанія. Такъ напримѣръ многія идеи Бема получили научную постановку въ философіи Баадера и Шеллинга.

Независимо отъ общаго значенія метода въ дѣлѣ всякаго научнаго познанія, — философскаго тѣмъ болѣе, въ виду особенной важности и трудности его задачъ, что само собою предполагаетъ особенную осмотрительность и внимательность въ выборѣ того пути, которымъ мыслитель долженъ идти къ ихъ разрѣшенію, вопросъ о методѣ философіи получаетъ особенное значеніе въ виду тѣхъ, существенно важныхъ для самой судь-

бы нашей науки, недоразумѣній, которыя въ наше время касаются этого вопроса. Такъ одни (позитивисты) смѣшиваютъ самую философію съ ея методомъ и видятъ въ ней не науку съ своимъ особымъ содержаніемъ, а только извѣстный, устарѣлый способъ познанія, который долженъ уступить въ наше время свое мѣсто болѣе правильному, позитивному методу, господствующему въ наукахъ эмпирическихъ. Другіе хотя не отрицаютъ самаго содержанія философіи, какъ отличнаго отъ содержанія наукъ эмпирическихъ, но отвергаютъ пригодность для достиженія цѣли философскаго познанія того именно метода, который издавна считался характеристическою его принадлежностью, — метода раціональнаго, апріорнаго, называемаго ими метафизическимъ; истинный методъ философіи, по ихъ мнѣнію, долженъ быть тождественъ съ методомъ наукъ естественныхъ. Но такъ какъ опытъ показываетъ, что возможность разрѣшенія философскихъ проблемъ эмпирическимъ способомъ въ высшей степени сомнительна, а методъ раціональный въ тоже время признается несостоятельнымъ, то нѣкоторые (Langе и др.) естественно отсюда приходятъ къ заключенію о самой невозможности философіи, какъ науки. При одинаковой непригодности для рѣшенія философскихъ вопросовъ какъ эмпирическаго, такъ и раціональнаго методовъ, по ихъ мнѣнію, и самая философія можетъ быть не наукою, а свободнымъ творчествомъ воображенія, дополняющаго идеальными мечтаніями области не доступныя точной наукѣ; лишняя научнаго метода философія ставится въ одинъ классъ съ поэзіею и родственною съ нею религіею. Отсюда видно, что съ вопросомъ о философскомъ методѣ неразрывно связывается вопросъ о самомъ существованіи философіи, какъ науки, имѣющей право на самостоятельное бытіе на ряду съ другими науками.

Логика, какъ извѣстно, указываетъ два основныя метода научнаго познанія: *аналитическій* и *синтетическій*. Въ первомъ, нашъ разумъ въ дѣлѣ познанія начинаетъ съ единичнаго, съ фактовъ опыта и отъ нихъ постепенно, безъ перерыва и опущенія посредствующихъ членовъ, восходитъ къ общему. Слѣдуя этому методу, мы идемъ отъ условнаго или послѣднихъ слѣдствій назадъ къ условливающему ихъ первому осно-

вапію; поэтому онъ называется методомъ восхожденія, *прогрессивнымъ*. Ощущеніе и представленіе въ немъ составляютъ первое; самыя общія понятія и сужденія—последнее; онъ изучаетъ по научнымъ приѣмамъ единичное, прибѣгаетъ для этой цѣли къ наблюденію и эксперименту для познанія въ фактахъ существеннаго и согласнаго, точно также какъ несущественнаго и различнаго, и приводитъ или *наводитъ* такимъ путемъ нашу мысль на познаніе причинъ и всеобщихъ законовъ явленій; поэтому онъ называется *индуктивнымъ*. Такъ какъ факты, изъ которыхъ исходитъ аналитическій методъ, даны въ опытѣ, и такъ какъ общіе законы явленій выводятся на основаніи анализа этихъ фактовъ, то этотъ методъ называется также *эмпирическимъ* методомъ. — Методъ синтетическій, наоборотъ, начинается съ общаго и отъ него нисходитъ къ частнымъ фактамъ; отъ первоначальныхъ условій и перваго основанія онъ идетъ къ слѣдующему за нимъ условному и къ послѣднимъ слѣдствіямъ. Изъ началъ и изъ очевидныхъ самихъ по себѣ положеній (аксіомъ), по необходимой, логически-причинной связи, онъ выводитъ путемъ умозаключеній прочія положенія науки; поэтому онъ называется нисходящимъ, *дедуктивнымъ*, *регрессивнымъ*, *силлогистическимъ* методомъ. Такъ какъ тѣ элементы, изъ которыхъ исходитъ синтетическій методъ,—общія понятія и первыя основоположенія званія,—даны не въ опытѣ, а въ разсудкѣ, и въ немъ мы исходимъ не изъ фактовъ, а изъ раціональныхъ понятій, то этотъ методъ, въ противоположность эмпирическому, можетъ быть названъ также *раціональнымъ*, *умозрительнымъ*.

Какимъ-же изъ этихъ двухъ методовъ должна руководствоваться философія для достиженія цѣли своихъ изслѣдованій?

И общее мнѣніе о философіи и ея исторія, повидимому, согласно свидѣтельствуя, что такимъ методомъ долженъ быть именно синтетическій, дедуктивный, раціональный. Философія всегда считалась наукою далекою отъ опыта, извлекающею свои положенія и ихъ доказательства не изъ наблюденій надъ эмпирическою дѣйствительностію, не изъ изученія фактовъ, но изъ разума,—наукою умозрительною. Это убѣжденіе было большею частію общимъ какъ у защитниковъ, такъ и у враговъ фило-

софіи, потому что и у послѣднихъ главною причиною недовѣрія и вражды противъ нея было то, что она въ ходѣ своихъ изслѣдованій будто-бы чуждается дѣйствительности и старается рѣшать свои вопросы отвлеченнымъ, умозрительнымъ путемъ. Исторія философіи съ своей стороны оправдывала такое мнѣніе о ней; въ большей части своихъ системъ она шла отъ общаго къ частному, стремилась рѣшать свои проблемы путемъ независимымъ отъ опыта. Правда, въ исторіи философіи мы встрѣчаемъ и исключенія изъ этого правила; въ числѣ философскихъ направленій мы встрѣчаемъ сенсуализмъ, эмпирическую философію, матеріализмъ,—системы, которыя основнымъ началомъ познанія выставляли опытъ, а методомъ—анализъ фактовъ опыта. Но не говоря о томъ, въ какой мѣрѣ было удовлетворительно рѣшеніе философскихъ вопросовъ въ этихъ системахъ, здѣсь замѣтимъ только то, что ими далеко не исчерпывается вся область философскаго вѣдѣнія и что самыя выдающіяся, по своей оригинальности и историческому значенію, философскія системы не принадлежатъ къ числу эмпирическихъ.

Такое если и не исключительное, то во всякомъ случаѣ преобладающее значеніе въ философіи дедуктивнаго метода вполне оправдывается задачей и высшею цѣлью этой науки. Чтобы быть вѣрнымъ отображеніемъ въ нашемъ мышленіи идеальной стороны бытія, философія должна представить намъ стройную систему идей, начиная отъ высочайшей идеи абсолютнаго и нисходя по ступенямъ болѣе и болѣе частныхъ идей, расходящихся отъ абсолютнаго, какъ отъ своего средоточія и начала. Въ этомъ идеальномъ созерцаніи всего существующаго, въ его связи и единствѣ, наша мысль должна идти очевидно отъ общаго къ частному, отъ высочайшаго начала знанія и бытія къ частнымъ истинамъ и явленіямъ, отъ первой причины ея къ произведеніямъ. Цѣльность и полнота философскаго міросозерцанія возможны только тогда, когда мы будемъ обзрѣвать все существующее, исходя изъ одного высшаго принципа, изъ идеи истинно сущаго и первоначальнаго. Только съ возвышенности мы можемъ видѣть общій характеръ данной мѣстности, ясно представить отдѣльныя части и пред-

меты въ ихъ взаимномъ отношеніи и составить такимъ образомъ цѣльное представленіе о ней. Такого представленія не можетъ дать намъ самое внимательное обозрѣніе каждаго отдѣльнаго предмета; оно дастъ намъ только представленіе объ отдѣльныхъ предметахъ, но не понятіе о цѣломъ: за деревьями мы не увидимъ лѣса. Такимъ образомъ синтетическій методъ составляетъ естественную особенность философскаго познанія. Онъ требуется самымъ существомъ философіи какъ науки, занимающейся изслѣдованіемъ не спеціальныхъ предметовъ, но общаго строя бытія, имѣющей цѣлью представить намъ полное и законченное міросозерцаніе, а не дать частныя только свѣдѣнія объ извѣстныхъ предметахъ или группахъ предметовъ.

Но признавая, и на основаніи исторіи философіи, и на основаніи самой задачи этой науки, существенное значеніе для нея синтетическаго метода, мы однако-же ошиблись-бы, если-бы стали считать этотъ методъ единственнымъ и вполне достаточнымъ въ дѣлѣ философскаго познанія. Имѣя въ виду, что философіи особенно свойственъ и приличенъ дедуктивный методъ, нельзя представлять себѣ процессъ философскаго познанія такимъ образомъ, будто философъ, взявъ какое-либо самое общее и отвлеченное начало или понятіе, однимъ чисто логическимъ разрѣшеніемъ его на подчиненныя понятія и дальнѣйшею комбинаціею этихъ понятій, можетъ постепенно развить полную систему своей науки, независимо отъ дѣйствительности и не справляясь съ нею. Смѣлая мысль—построить стройную систему философіи совершенно а priori, силою одной творческой дѣятельности мышленія и не выходя никуда за его предѣлы, прельщала многихъ философовъ, но въ приложеніи она всегда оказывалась и неудачною и неудобополнимою. Исторія идеалистическихъ системъ, созданныхъ даже гениальными мыслителями показываетъ, что при всей ихъ логической стройности, при всемъ блескѣ глубокомысленныхъ построеній и выводовъ, онѣ скоро оказывались несостоятельными, потому что представляли опыты міросозерцанія, не выдерживавшіе повѣрки дѣйствительностію, не объяснявшіе и просвѣтлявшіе ее въ идеальномъ созерцаніи, но создававшіе свой про-

зрачный міръ. Скоро замѣчали, что въ подобныхъ блестящихъ системахъ много искусственной стройности, но нѣтъ духа жизни; что въ нихъ живая дѣйствительность, какъ скоро не подходила подъ отвлеченныя, а ргіогі выведенныя формулы, или игнорировалась, или искажалась, или даже совершенно отрицалась, какъ нѣчто призрачное, не истинное, не существующее. Далѣе, какъ мы сказали, чисто апріорное построение системы оказывалось неудобноисполнимымъ. Какъ ни рѣшался философъ быть вполне вѣрнымъ своему методу, не заглядывать никуда за предѣлы своего разума, на самомъ дѣлѣ въ его системѣ скоро оказывались понятія, вторгшіяся отъ нуды, какъ результатъ наблюдений и опытовъ и только искусственно поставленныя въ общую связь его мнимо-апріорныхъ построений.

Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ сказаннаго нами можетъ служить философія Гегеля. Въ его системѣ дедуктивный методъ, въ своеобразной діалектической формѣ, является во всей своей чистотѣ и независимости отъ опыта. Воплнѣ согласно съ идеаломъ философскаго знанія онъ думаетъ а ргіогі изъ понятія чистой мысли (или что то же—чистаго бытія) вывести стройную систему философіи, а необыкновенная сила его логическаго мышленія, въ которой не могутъ отказать ему сами его противники, повидимому ручается, что эта задача будетъ выполнена со всею строгостію, безъ колебаній и уклоненій въ сторону опыта. Но по силамъ-ли оказалось это предпріятіе даже такому выдающемуся мыслителю, какъ Гегель? Независимо отъ достоинствъ и недостатковъ самаго содержанія его философіи, внимательная критика давно показала, что мысль его о возможности чисто-апріорнаго построения философіи была невольнымъ самообольщеніемъ. Не говоря о прочихъ частяхъ его философіи, имѣющихъ предметомъ болѣе конкретныя понятія, въ самой его логикѣ, которая повидимому представляетъ образцовый опытъ выведенія изъ апріорнаго начала самыхъ общихъ и отвлеченныхъ отъ дѣйствительности категорій, она открыла множество понятій и представленій эмпирическаго происхожденія, — понятій, діалектическій выводъ которыхъ есть мнимый, а не дѣйствительный. Если-бы мы по-

требовали всѣ эти понятія назадъ, то чистое мышленіе внезапно оскудѣло-бы *).

При такой неудачѣ, даже можно сказать болѣе, — невозможности построенія философіи чисто дедуктивнымъ методомъ, не должны-ли мы считать чистымъ предрасудкомъ мысль о рациональномъ характерѣ философіи, не должны-ли обратиться къ пренебрегаемому до сихъ поръ философіею эмпирическому, индуктивному методу, столь блестящимъ образомъ заявившему о своей научной правоспособности въ результатахъ современнаго естествознанія? Нужно-ли поэтому изобрѣтать какой-то особый, философскій методъ познанія и не достаточно-ли метода естественныхъ наукъ для построенія философіи? Мысль о достаточности индуктивнаго метода для рѣшенія философскихъ проблемъ, въ виду крушенія великихъ идеалистическихъ системъ недавняго прошлаго, принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ въ наше время, — и соблазнительный примѣръ успѣховъ естествознанія, причину которыхъ приписывали ихъ методу, увлекъ даже философовъ, которые по складу и характеру ихъ мышленія вовсе не принадлежатъ къ числу эмпириковъ, какъ напр. Гартмана, который въ своемъ сочиненіи „Философія безсознательнаго“ думаетъ достигнуть „спекулятивныхъ результатовъ индуктивнымъ, естественно-научнымъ методомъ“ **).

Но дѣйствительный ходъ нашего познанія легко убѣждаетъ насъ въ неосуществимости подобной мысли. Внимательное наблюденіе надъ этимъ ходомъ показываетъ, что строго индуктивный методъ познанія не можетъ быть выдержанъ даже въ той области, которая, повидимому, считаетъ его исключительно своею принадлежностью, — въ области естествознанія, что въ другихъ областяхъ знанія онъ болѣе и болѣе уступаетъ свое мѣсто методу синтетическому, что наконецъ для рѣшенія высшихъ проблемъ философіи онъ оказывается совершенно уже непригоднымъ. Что касается прежде всего до наукъ

*) Разборъ діалектическаго метода Гегеля съ этой точки зрѣнія см. у Тренделенбургга въ его: *Log. Untersuchungen*, B. I. 1840, стр. 22 и слѣд., особ. стр. 57--68.

***) *Phil. d. Unbewussten*. 1876. I. 1—13.

естественныхъ, это достаточно показываетъ ближайшее наблюдене тѣхъ процессовъ и методовъ, при помощи которыхъ совершается въ нихъ научная работа. Какъ скоро мы обратимъ вниманіе на логическіе приемы, какими пользуется естествознаніе, напр. на приемъ гипотезы и аналогій, на объясненіе частныхъ явленій изъ общихъ фактовъ и законовъ, на категоріи и общія понятія, подъ которыя оно подводитъ и по которымъ группируетъ явленія, независимо отъ ихъ эмпирическаго сосуществованія и послѣдовательности, напр. на классификаціи, наконецъ на систематическія раздѣленія всѣхъ наукъ и распредѣленіе ихъ матеріала: то легко замѣтимъ, что индукція хотя есть необходимый методъ естествознанія и условіе его успѣховъ, но въ то-же время условіе не единственное, даже болѣе, что не индукція есть самое могущественное средство научнаго прогресса его. Дѣйствительно, исторія естественныхъ наукъ показываетъ, что всѣ почти замѣчательныя открытія новаго времени были совершены не медленнымъ путемъ восхожденія отъ частнаго къ общему, но при помощи чисто умственнаго проникновенія во взаимную связь и соотношеніе законовъ природы и научнаго приложенія общихъ воззрѣній и понятій къ уясненію спеціальныхъ законовъ и явленій природы. О такомъ значеніи дедуктивнаго, синтетическаго метода въ познаніи природы свидѣтельствуетъ уже математическій характеръ повѣйнаго естествознанія. Если вѣрны слова Капта, что въ естествознаніи настолько научнаго знанія, насколько въ немъ содержится математики, то вѣрно и то, что въ немъ индукція должна занимать не первое, а второе мѣсто, потому что математическое познаніе, исходя изъ основнаго понятія чистаго количества, уже тѣмъ самымъ выходитъ за предѣлы чистой эмпири. И на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что первый изслѣдователь природы, установившій математическіе законы ея—Кеплеръ, дошелъ до ихъ открытія не путемъ индукціи и восхожденія отъ частныхъ явленій къ общимъ ихъ законамъ; напротивъ, не упуская, конечно, изъ виду опыта, онъ а priori исчислилъ различныя возможности законсообразнаго теченія явленій, отсюда гипотетически развилъ слѣдствія и затѣмъ только перешелъ къ опыту, чтобы сравнить

ихъ съ нимъ и рѣшить, какія изъ теоретически предположенныхъ имъ возможностей оправдываются опытомъ. Онъ потому только считалъ возможнымъ открытiе законовъ природы, что въ умѣ человѣка, въ его внутренней дѣятельности дана возможность математическихъ познанiй и построенiй для приложенiя и примѣненiя ихъ къ реальнымъ явленiямъ природы *). Такимъ-же или подобными методами познанiя, кромѣ индукцiи, пользовались и другiе великiе естествоиспытатели новаго времени, напр.: Галилей, Декартъ, Ньютонъ и др. **).

Но если такимъ образомъ даже въ области познанiя природы далеко не все, и притомъ важнѣйшее, достигается путемъ индукцiи, то тѣмъ болѣе это должно сказать о другой области принадлежащаго философию знанiя, гдѣ мы имѣемъ дѣло не съ эмпирическими фактами, а съ предметами недоступными опыту, уже потому самому, что опытъ даетъ намъ только явленiя, а не указываетъ непосредственно на то, что лежитъ за явленiями и составляетъ дѣйствительный предметъ философскаго вѣдѣнiя. Защитники исключительнаго значенiя индуктивнаго метода въ области научнаго знанiя, требующiе на этомъ основанiи примѣненiя его и къ философию, совершенно забываютъ, что употребленiе того или другаго метода въ области знанiя зависитъ не отъ нашего произвола и даже не отъ безотносительнаго достоинства самаго метода, но и отъ предметовъ познанiя, что иного познавательнаго приема могутъ требовать объекты эмпирическiе, иного математическiе, иного философскiе. Примѣненiе извѣстнаго метода къ несродной и несвойственной ему области познаваемаго, поэтому легко можетъ окончиться полною неудачею. И опытъ вполнѣ оправдываетъ такое предположенiе относительно приложенiя эмпирическаго метода къ рѣшенiю вопросовъ, выходящихъ изъ границъ опыта. Говоря объ отношенiи философию къ естествен-

*) Задача рациональнаго познанiя природы, по словамъ Кенлера, состоитъ въ томъ, чтобы „*idoneam invenire in sensibilibus proportionem et detegere et in lucem proferre similitudinem illius proportionis in sensibilibus cum certo aliquo verissimae harmoniae archetypo, qui intus est in animo*“. Oper. V, 216.

***) О недостаточности индукцiи для эмпирическаго познанiя природы, см. R. Eucken: Geschichte und Kritik d. Grundbegriffe d. Gegenwart. 1878 p. 41—67.

нымъ наукамъ, мы видѣли *)), что естествознаніе при помощи своихъ методовъ не достигаетъ и не можетъ достигнуть даже тѣхъ высшихъ и основныхъ понятій, которыя служатъ необходимыми предположеніями каждой изъ естественныхъ наукъ, что эти самыя предположенія въ нихъ принимаются на вѣру непосредственно, и что какъ происхожденіе ихъ заключается не въ опытѣ, а въ разумѣ, такъ и разъясненіе ихъ, необходимое для полной научной основательности естествознанія, предполагаетъ не эмпирической, а рациональный методъ. Не говоримъ о множествѣ другихъ вопросовъ, которые неизбежно вызываются движеніемъ естественныхъ наукъ, но не могутъ быть удовлетворительно рѣшены при ихъ наличныхъ средствахъ. Эту невозможность рѣшенія важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ индуктивнымъ методомъ ясно сознаютъ строгіе и послѣдовательные эмпирики и результатомъ такого сознанія, при отрицаніи въ то-же время состоятельности метода рациональнаго, естественно является мысль объ абсолютной ихъ неразрѣшимости, о невозможности подлинной философіи. Чѣмъ можетъ быть философія при исключительномъ пользованіи индуктивнымъ методомъ, — ясно и съ своей точки зрѣнія вполне вѣрно высказалъ Контъ, видя въ ней не болѣе, какъ систематизированный сводъ самыхъ общихъ результатовъ естествознанія. Но очевидно и то, что такой компилятивный сводъ самоважнѣйшихъ свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ не заслуживаетъ имени философіи.

Правда, въ доказательство возможности и приложимости эмпирическаго метода въ философіи, могутъ указать намъ на цѣлое направленіе въ самой философіи, которое можно назвать эмпирическимъ и которое, начиная гносеологическимъ эмпиризмомъ, переходя черезъ переходную ступень сенсуализма, оканчивается матеріализмомъ. Всѣ эти системы основнымъ началомъ и источникомъ философскаго познанія поставляютъ опытъ, а методомъ—анализъ фактовъ, данныхъ въ опытѣ. Но съ одной стороны, исторія философіи ясно показываетъ и односторонность этого направленія, такъ какъ, руководясь подобнымъ методомъ познанія, оно не можетъ достигнуть не только

*) „Вѣра и Разумъ“. Май. стр. 519—527.

рѣшенія, но и правильной постановки важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, а проводя послѣдовательно свое воззрѣніе на источникъ и методъ нашего познанія, неминуемо должно прійти или къ отрицанію самыхъ этихъ вопросовъ, или къ неправильному ихъ рѣшенію. Такъ напр. вѣрная себѣ эмпирическая философія послѣдовательно приходитъ къ отрицанію всего сверхчувственного въ матеріализмѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ отрицанію существеннаго содержанія самой философіи. Съ другой стороны, ближайшій анализъ содержанія философскихъ системъ, именующихъ себя эмпирическими, показываетъ, что сами онѣ не выдерживаютъ своего гносеологическаго принципа, что тѣ элементы, которые даютъ имъ философскій характеръ и дѣлаютъ ихъ именно философскими системами, въ отличіе отъ положительныхъ наукъ, не происходятъ изъ опыта и достигаются въ нихъ вовсе не опытнымъ и индуктивнымъ путемъ. Такъ напр. въ матеріализмѣ, который тщеславится наибольшею своею близостью къ опыту, основныя его понятія: матерія, атомы, силы и друг. — суть, какъ ясно доказалъ Кантъ, вовсе не эмпирическія, составленныя путемъ отвлеченія отъ данныхъ опыта, но раціональныя, а priori привносимыя для объясненія фактовъ опыта. Вообще все то, что дѣлаетъ матеріализмъ философіею, хотя и одностороннею, и даетъ ему мѣсто въ исторіи этой науки, есть, хотя и безотчетно для него, результатъ не эмпирии, а умозрѣнія,—и потому Кантъ съ своей точки зрѣнія на научное значеніе одного только позитивнаго, естествознательнаго метода, былъ опять совершенно правъ, когда матеріализмъ, какъ опытъ изъясненія сущности природы и ея происхожденія, называлъ такою-же метафизикою, какъ и идеализмъ.

Если теперь, какъ показываетъ опытъ, ни чисто дедуктивный, ни чисто эмпирическій методъ не приводятъ и не могутъ привести философію къ желаемому результату; если, какъ показываетъ анализъ научно-познавательной дѣятельности нашего ума, въ самыя, повидимому, апріорныя построенія его неизбежно входятъ элементы эмпирическіе, и наоборотъ, даже наиболѣе строгое и вѣрное себѣ эмпирическое знаніе не можетъ обойтись безъ помощи синтеза и дедукціи: то естествен

ный выводъ отсюда относительно метода философіи можетъ быть только тотъ, что подлинный методъ ея долженъ состоять въ соединеніи анализа и синтеза, что оба эти метода должны взаимно содѣйствовать и дополнять одинъ другой въ достиженіи цѣли философскаго познанія. Такъ какъ анализъ и синтезъ, какъ мы видѣли, имѣютъ мѣсто не только въ философіи, но и въ каждой наукѣ, то мы могли-бы конечно назвать философскій методъ *общенаучнымъ* и въ этомъ отношеніи согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ философовъ, которые не хотятъ признавать для философіи никакого спеціального исключительно философскаго метода *), — если-бы это названіе не вело къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ и двусмысленности. Двусмысленность возникаетъ здѣсь оттого, что подъ именемъ науки часто односторонне разумѣютъ одно естествознаніе (въ противоположность философіи) и въ силу этого подъ именемъ общенаучнаго метода опять разумѣютъ тотъ-же индуктивный методъ, хотя и съ нѣкоторыми уступками въ пользу апріорнаго элемента. Но область науки не ограничивается познаніемъ природы внѣшней и понятіе аналитическаго метода гораздо шире, чѣмъ понятіе метода индуктивнаго, какъ приложенія анализа къ изученію только фактовъ внѣшняго опыта. Поэтому, чтобы подъ покровомъ понятія объ общенаучномъ методѣ не впасть снова въ односторонность эмпиризма, чуждаго истинной философіи, мы должны теперь точнѣе опредѣлить значеніе какъ анализа, такъ и синтеза въ философіи и показать ихъ взаимное отношеніе.

В. Жудравцевъ.

(Продолженіе будетъ).

*) См. напр. Harms, Abh. zur system. Philosophie, 1868 p. 138. 139.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *)

VIII.

Основныя черты теоріи Локка о познаніи.—Сенсуализмъ и раціонализмъ въ философіи Локка и въ ученіяхъ другихъ англійскихъ философовъ (депсты и моралисты).—Чистый сенсуализмъ (Юмъ и Бэркли).—Различіе раціональнаго и опытнаго познанія по Лейбницу.—Метафизическія основанія философіи Лейбница, оправдывающія и изъясняющія разграниченіе названныхъ видовъ познанія.

Локкъ оправдываетъ взглядъ Бэкона на познаніе, а *Лейбницъ* защищаетъ и оправдываетъ взглядъ Декарта.

По Бэкону познаніе происходитъ отъ вѣ. Вполнѣ согласно съ этимъ Локкъ училъ, что мы не имѣемъ врожденныхъ истинъ, ни теоретическихъ, ни практическихъ. Первоначально всѣ идеи души наша пріобрѣтаетъ путемъ опыта внѣшняго и внутренняго; послѣдній называется у Локка *рефлексіею*, такъ какъ предметомъ внутренняго опыта или наблюденія служатъ собственныя состоянія и дѣятельности души, возбужденныя въ ней дѣйствіемъ на нее внѣшнихъ предметовъ, и слѣд. для познанія ихъ, т. е. для воспріятія соответствующихъ имъ идей, душа принуждена *обращаться къ себѣ самой*, рефлексировать на себя. Внѣшній и внутренній опытъ — это, по выраженію Локка, какъ-бы окна, посредствомъ которыхъ душа, будучи первоначально пустою, наполняется идеями, которыя входятъ затѣмъ въ составъ нашихъ познаній, какъ ихъ простѣйшіе первичные элементы.

Но хотя по Локку, также какъ и по Бэкону, первоначальнымъ источникомъ нашего познанія служитъ опытъ, однако Локкъ не могъ вмѣстѣ съ Бэкономъ согласиться и въ томъ,

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 19.

что душа наша не что иное, какъ зеркало, отражающее въ себѣ міръ. Изъ всѣхъ идей, получаемыхъ душою путемъ внѣшняго наблюденія, только идеи первичныхъ свойствъ вещей (каковы непроницаемость, плотность, протяженіе, фигура, движеніе) суть копіи или отраженія дѣйствительно существующаго внѣ насъ, по идеи такъ назыв. у Локка вторичныхъ свойствъ, т. е. свойствъ, являющихся послѣдствіемъ первыхъ, — каковы цвѣта, запахи, вкусы, теплое, холодное, вообще чувствешныя качества вещей, представляютъ уже не столько дѣйствительно существующія свойства, сколько состоянія самого ощущающаго. Итакъ, даже чувственное наблюденіе не вполне точно воспроизводитъ дѣйствительность, но уже вовсе ничего не имѣютъ общаго съ дѣйствительностію наблюдаемаго тѣ идеи, которыя самодѣтельно образуются разсудкомъ. Идеи этого рода, называемыя у Локка сложными, разсудокъ образуетъ изъ идей простыхъ, прямо заимствуемыхъ изъ внѣшняго и внутренняго опыта. Какъ образуются разсудкомъ (таковы напр. идеи субстанціи отношеній, идеи модусовъ; послѣднія получаютъ чрезъ видоизмѣненія простыхъ идей, таковы: идеи числа, разстоянія, мѣры длины, продолженія, неизмѣримости времени и пространства и т. д.), а не воспринимаемыя отъ внѣ путемъ наблюденія, сложныя идеи ничего не представляютъ внѣ насъ существующаго, но представляютъ, такъ сказать, сами себя; идеи этого рода не копіи, а сами суть оригиналы, не представленія объектовъ, но сами суть объекты познанія. А такъ какъ познаніе состоитъ въ сопоставленіи идей между собою и опредѣленіи отношеній сходства и различія между ними, то сравнивая между собою сложныя идеи, образуемыя разсудкомъ, и опредѣляя ихъ взаимныя отношенія, мы получаемъ познаніе уже не эмпирическое, а раціональное, и методъ такого познанія состоитъ не въ переходѣ отъ частныхъ наблюденій къ общимъ положеніямъ, а въ выводѣ заключеній изъ сопоставленія данныхъ идей. Такимъ образомъ, хотя, по первоначальнымъ основаніямъ своей философіи, Локкъ и сходится съ Бэкономъ, а отрицая существованіе въ насъ прирожденныхъ идей, онъ, по видимому, оправдываетъ индуктивный методъ Бэкона, но въ

дальнѣйшемъ продолженіи своей философіи онъ уже сближается съ Декартомъ и оправдываетъ его раціоналистическій дедуктивный методъ. Очевидно, что такъ назыв. эмпирическая философія представляетъ смѣсь сенсуализма съ раціонализмомъ, ибо эта философія признаетъ два источника познанія: а) *чувства* (внѣшнія чувства и внутреннее чувство); отсюда *сенсуализмъ* и б) *разсудокъ*; отсюда *раціонализмъ*. Раціонализмъ Локка особенно выразился въ его сочиненіи о разумности христіанства, гдѣ онъ проводитъ мысль, что разумъ долженъ быть судьей въ дѣлѣ вѣры, что онъ долженъ быть критеріемъ для обсужденія и оцѣнки того, что содержится въ самомъ откровеніи, ибо хотя происходитъ откровеніе отъ Бога, но оно изложено на языкѣ человѣческомъ, а человѣскій языкъ не въ состояніи выразить никакихъ иныхъ идей кромѣ тѣхъ, которыя получаютъ чрезъ наблюденіе и образуются разсудкомъ, слѣдовательно и въ самомъ откровеніи ничего не можетъ быть такого, что превышало бы компетентность разсудка ¹⁾).

¹⁾ Такъ какъ смѣшанные модусы и отношенія, говоритъ Локкъ (т. е. идеи модусовъ и отношеній) не имѣютъ иной реальности кромѣ той, какою обладаютъ въ умахъ людей, то ничего болѣе и не требуется для того, чтобы таковыя идеи были реальны (въ отличіе отъ простыхъ идей), какъ только такое ихъ построеніе, при которомъ была-бы возможность ихъ существованія, согласно съ ними. (Mixed modes and relations having no other reality but what they have in the minds of men, there is nothing more required to those kind of ideas to make them real, but that they be so framed, that there be a possibility of existing conformable to them) Такъ какъ подобныя идеи сами суть первообразы (archetypes), то онѣ и не могутъ различаться отъ своихъ первообразовъ, и слѣдоват. не могутъ быть ложными, лишь-бы только не примѣшивалось къ нимъ что-либо не сообразное съ ними. Essay concerning human understanding. Кн. II гл. XXX, § 4. Познаніе есть не что иное, какъ усмотрѣніе (perception) соединенія и согласія или раздѣленія и несогласія между идеями. (ibid. кн. IV, гл. 1, § 1. „Я полагаю, что не одиѣ только идеи, имѣющія своимъ предметомъ количество (т. е. математическія), могутъ быть доказываемы, но что есть и другія, составляющія, быть можетъ, важнѣйшую часть нашихъ умозрѣній, — такого рода идеи, что изъ нихъ можно-бы вывести достовѣрныя познанія, если-бы пороки, страсти и преобладающіе интересы не препятствовали выполненію такого предпріятія. Идея верховнаго Существа, безконечнаго по могуществу, всеблагаго и мудраго, создавшаго насъ, во власти котораго мы находимся, равно и идея о насъ самихъ, какъ существахъ разумныхъ, эти, — говорю идеи, если только онѣ настолько ясно представляются въ нашемъ умѣ, чтобы вывести естественно вытекающія изъ нихъ послѣдствія, по моему мнѣнію, могутъ дать намъ такія основанія нашихъ обя-

Тоже смѣшеніе сенсуализма съ раціонализмомъ мы видимъ и въ ученіяхъ англійскихъ *деистовъ* и *моралистовъ* (XVII и XVIII в.) о религіи, о правѣ и нравственности; при этомъ какъ тѣ, такъ и другіе примыкаютъ частію къ Бэкону, частію къ Локку. Такъ прежде всего деисты (Гербертъ - Шербюрн, Тиндаль, Толандъ, Болинброкъ и др.) различали натуральную религію отъ положительныхъ. Такъ какъ вообще задача новой философіи состояла въ изслѣдованіи и изъясненіи природы вещей и человѣка, причемъ вначалѣ разграничивали натуральное отъ сверхъестественнаго, то слѣдуя общей тенденціи философіи къ познанію и изъясненію всего натурального, стали различать и въ области сверхнатуральной, т. е. въ томъ, что дано чрезъ откровеніе, именно въ религіи, общія натуральныя основанія, которыя какъ натуральныя, по ученію деистовъ, должны быть одинаковы во всѣхъ религіяхъ,—оттого, что вначалѣ дѣйствительно признавалось въ христіанствѣ откровеннымъ, или сверхъестественнымъ по происхожденію, а затѣмъ уже просто излишнимъ добавленіемъ и даже искаженіемъ натуральныхъ основъ религіи. Предполагаемая натуральныя основы религіи деисты видѣли въ истинѣ бытія Бога, основанной на раціональныхъ доказательствахъ, а также въ истинѣ безсмертія

завпостей, такіа правила поведенія, что мы могли-бы поставить мораль на высоту наукъ демонстративныхъ. Я рѣшительно говорю, что не сомнѣваюсь въ возможности, на основаніи положеній очевидныхъ, сдѣлать выводъ правилъ о справедливомъ и несправедливомъ путемъ необходимыхъ заключеній, и такіа правила были-бы столь-же неоспоримы, какъ и тѣ, которыя употребляются въ математикѣ. Это могло-бы осуществиться въ томъ случаѣ, если-бы къ спорамъ о нравственныхъ вопросахъ относился съ такимъ-же спокойствіемъ и такимъ-же вниманіемъ, съ какими слѣдятъ за разсужденіями математиковъ⁴. Ibid. Кн IV, гл. III, § 18.

„Разумъ необходимъ и полезенъ для всѣхъ другихъ интеллектуальныхъ способностей, особенно же заслуживаетъ вниманія, что онъ образуетъ двѣ изъ этихъ способностей, пропцательность и способность дѣлать заключенія. Посредствомъ первой онъ находитъ среднія идеи (т. е. идеи, показывающія связь между такими двумя идеями, взаимное отношеніе которыхъ не очевидно непосредственно), а посредствомъ другой приводитъ ихъ въ порядокъ такимъ образомъ, что отрываетъ связь въ каждой части дедукціи, соединяющую вмѣстѣ крайніе члены и такимъ образомъ дѣлаетъ истину, которую въ данномъ случаѣ требуется найти, явнымъ, что и называется выводомъ заключенія, — въ сущности это не что иное, какъ усмотрѣніе связи, соединяющей идеи въ каждой степенн дедукціи. Ощущеніе и непосредственное воззрѣніе простираются не далеко. Большая часть нашего познанія зависитъ отъ выводовъ (дедукцій) и среднихъ идей. Ibid. IV, XVII, § 2.

души и, наконецъ, въ признаціи обязательнымъ богопочитанія, которое должно состоять единственно въ добродѣтельной жизни, въ жизни сообразной съ требованіями нравственнаго закона или разума. Очевидно, что къ понятіямъ о натуральной религіи, которую противопоставляли религіямъ положительнымъ, приходили путемъ обобщенія и чрезъ отвлеченіе того, что представлялось во всѣхъ религіяхъ общаго и сходнаго. Этимъ чисто раціоналистическимъ способомъ надѣялись превратить религиозную *вѣру* въ религиозное *знаніе*, создать, такъ сказать, просвѣщенную, т. е. раціоналистическую религію, безъ преданій, безъ чудесъ и пророчествъ, безъ религиознаго культа, — религію, состоявшую исключительно въ общихъ отвлеченныхъ положеніяхъ, обоснованныхъ раціональными доводами. Къ созданію такой просвѣщенной религіи (для людей образованныхъ), независимо отъ общаго настроенія мысли въ тогдашнее время, побуждало въ особенности желаніе ослабить вражду религиозныхъ партій, которая, какъ извѣстно, была порождена въ Англіи церковною реформою Генриха VIII. Деисты находили, что вражда эта происходила ради вещей второстепенныхъ, несущественныхъ и вовсе маловажныхъ въ религіи (яко въ существенномъ не только различныя христіанскія вѣроисповѣданія, но и всѣ религіи сходятся), слѣдовательно источникомъ ея было собственно невѣжество, отсутствіе здраваго просвѣщенія.

Въ числѣ тѣхъ положеній, въ которыхъ, по мнѣнію деистовъ, заключается сущность религіи, едва-ли не важнѣйшимъ слѣдуетъ признать положеніе о томъ, что богопочитаніе должно состоять въ добродѣтельной жизни. Добродѣтельная жизнь основывается на понятіяхъ о добрѣ и злѣ. Откуда-же эти понятія и на чемъ они основываются? — спрашивали англійскіе моралисты.

Англійскій философъ *Гоббсъ* училъ, что человекъ можетъ быть добродѣтельнымъ только въ благоустроенномъ обществѣ, т. е. въ государствѣ, при дѣйствіи государственныхъ законовъ и подъ давленіемъ государственной власти, награждающей за исполненіе обязанностей и наказывающей за преступленія. Въ обществѣ, въ состояніи натуральномъ, человекъ способенъ дѣйствовать и относиться къ другимъ единственно такъ, какъ вну-

шаетъ ему эгоизмъ, поелику каждый человекъ по природѣ своей эгоистъ. Общежитіе, для котораго необходимо обузданіе эгоизма, поэтому несвойственно человѣческой природѣ: оно есть состояніе искусственное, которое можетъ поддерживать одна лишь абсолютная власть. Другіе напротивъ утверждали, что человекъ по природѣ своей склоненъ къ общежитію, слѣдовательно по природѣ-же своей способенъ, т. е. имѣетъ склонность и къ благожелательнымъ, а потому добродѣтельнымъ чувствамъ и дѣйствіямъ. Нѣкоторые при этомъ находили, что собственно нравственныя понятія (о добромъ и дурномъ) и стремленія имѣютъ въ природѣ человека основаніе, независимое отъ благожелательныхъ склонностей,—полагая такое основаніе въ непосредственномъ нравственномъ чувствѣ или совѣсти. Тѣже, которые признавали основаніемъ нравственныхъ понятій, стремленій и дѣйствій—склонность къ благожеланію, — нравственность отождествляли съ развитіемъ общежительныхъ склонностей. Добродѣтель съ этой точки зрѣнія состоитъ въ самоотверженной дѣятельности общественной, въ рѣшительномъ предпочтеніи общихъ интересовъ частнымъ, а порокъ состоитъ въ своекорыстіи, въ предпочтеніи своихъ частныхъ интересовъ. Но для того, чтобы могли развиваться общежительныя склонности и общество такимъ образомъ усовершенствовалось въ нравственномъ отношеніи, для этого должна быть обезпечена свобода общественной жизни, а также свобода мысли, т. е. свободное обсужденіе общественныхъ вопросовъ, а въ особенности свободное выраженіе идей политическихъ, религіозныхъ (терпимость) и философскихъ (Локкъ, Коллинсъ, Мильтонъ). Для обезпеченія-же свободы необходимо, чтобы власть въ обществѣ исходила отъ самаго общества.

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ, кратко здѣсь намѣченныхъ, теоріяхъ англійскихъ философовъ XVII и XVIII вв. послѣднимъ ихъ основаніемъ и самымъ рѣшительнымъ аргументомъ служила обыкновенно мысль о натуральномъ состояніи человека, о натуральныхъ правахъ, потребностяхъ и стремленіяхъ его. Но самыя понятія о натуральномъ, о свойственномъ или несвойственномъ человѣческой природѣ, обыкновенно имѣли характеръ гипотетическій, апріорный. Понятія эти сами

не были выводимы изъ тщательно собранныхъ и методически провѣренныхъ фактовъ, напротивъ они въ означенныхъ теоріяхъ были принимаемы въ качествѣ бесспорныхъ положеній, какъ-бы аксіомъ, а потому, выходя изъ тѣхъ понятій, смѣло и рѣшительно выводили изъ нихъ дальнѣйшія заключенія. Господствующій методъ былъ, такимъ образомъ, раціоналистическій, или по крайней мѣрѣ обычные тогда приемы мысли были въ духѣ этого метода. Сенсуализмъ-же—другой элементъ указанныхъ ученій—выразился въ томъ, что въ понятіяхъ о чело-вѣческой природѣ обыкновенно не были принимаемы въ расчетъ идеальныя стремленія, присущія человеку, а полагались въ основаніе лишь факты, такъ сказать, обыденной дѣйствительной жизни, какою она представляется непосредственному чувственному воззрѣнію. Смотрѣли лишь на то, что бываетъ обыкновенно въ жизни, оставляя безъ вниманія то, что признается за должное...

Чистый *сенсуализмъ* выразился въ философскихъ ученіяхъ *Бэркли* и *Юма*. Знаніе по Бэркли состоитъ въ чувственномъ воспріятіи, а воспринимаемъ мы идеи (Бэркли идеями называлъ ощущенія), но какъ воспринимаемъ? Воспринимаемъ ихъ происходящими единообразно, т. е. всегда въ одинаковомъ видѣ и сочетаніи, и въ опредѣленной, разъ навсегда, послѣдовательности. Но если есть идеи, которыя воспринимаются, то существуютъ также и души, которые ихъ воспринимаютъ, а также и духъ безконечный, который ихъ производитъ. Этимъ наше познаніе, по Бэркли, и ограничивается. Мы знаемъ только, что есть идеи, замѣчаемъ однообразныя, т. е. всегда одинаково повторяющіяся, отношенія совмѣстности и послѣдовательности ихъ, знаемъ также, что существуютъ души представляющіе, но далѣе этого знаніе наше не простирается. Юмъ также полагалъ, что все наше познаніе сводится къ идеямъ и различнымъ ихъ сочетаніямъ (ассоціаціямъ) по законамъ сходства, противоположности и смежности во времени и пространствѣ. На этомъ основаніи Юмъ вывелъ такое правило философской критики: при разборѣ какого-либо понятія слѣдуетъ смотрѣть на то, отъ какихъ впечатлѣній оно произошло, или иначе, какія впечатлѣнія послужили для него первообра-

зомъ. Смысль этого правила очевидно тотъ, что всякое понятіе слѣдуетъ выводить изъ данныхъ непосредственнаго чувственнаго наблюденія, и ими повѣрять его правильность. Правило это дало возможность Юму критически отнестись къ раціоналистическимъ теоріямъ о религіи. Господствовала въ этихъ теоріяхъ мысль, что всѣ положительныя религіи образовались вслѣдствіе искаженія и усложненія первоначальной натуральной религіи. Такимъ взглядомъ предполагается, по замѣчанію Юма, что вначалѣ существовала истинная монотеистическая религія (монотеизмъ—совершенная, а слѣдовательно наиболѣе истинная форма религіи), а затѣмъ она подверглась искаженію. Но факты говорятъ противное этому предположенію. На самомъ дѣлѣ существовало вначалѣ многобожіе, а потомъ уже, спустя долгое время, явился монотеизмъ. И это сообразно съ обычнымъ ходомъ вещей, такъ какъ во всемъ человѣчество отъ несовершеннаго переходило къ совершенному. Кромѣ того Юмъ отвергалъ возможность раціоналистической религіи, т. е. основанной на раціональныхъ доводахъ. Главное основаніе всякой религіи заключается въ признаніи бытія Бога. Но доказать бытіе Божіе мы не можемъ: такъ какъ все наше познаніе сводится къ привычнымъ для насъ ассоціаціямъ идей, то мы можемъ дѣлать заключенія, на основаніи данныхъ фактовъ, лишь о предметахъ извѣстныхъ намъ по опыту. О томъ же, что никакимъ образомъ неизвѣстно по опыту, мы не можемъ дѣлать никакихъ заключеній, вообще наши заключенія не должны превышать мѣру того, что извѣстно намъ по опыту.

Если по Локку идеи, изъ которыхъ образуется наше познаніе, первоначально замѣтуются отвлѣчъ чрезъ опытъ, то *Лейбницъ*, напротивъ, утверждалъ, что душа ничего не замѣтуетъ отвлѣчъ, что всѣ идеи, какія только она имѣетъ, происходятъ изъ нея самой, такъ какъ душа не имѣетъ околъ для того, чтобы замѣтывать что-либо отвлѣчъ. Въ этомъ смыслѣ, по Лейбницу, всѣ идеи, какія только мы можемъ имѣть, прирождены намъ, но только нѣкоторыя идеи мы сознаемъ совершенно ясно и раздѣльно, другія-же не вполне ясно, смутно сознаются нами, а многія, и притомъ безконечно многія, вовсе нами не сознаются, а остаются въ состояніи безсознатель-

номъ. Но хотя всѣ идеи, какія только мы можемъ имѣть, произведены намъ, однако Лейбницъ различалъ притомъ двоякое познание: *раціональное* и *опытное*. Положенія раціональныя имѣютъ всеобщее и необходимое значеніе и основываются на логическомъ законѣ тождества и противорѣчія, ибо отличительный признакъ этихъ положеній тотъ, что ими исключается возможность противнаго таковымъ положеніямъ. Положенія же опытыя, напротивъ, всеобщаго и необходимаго значенія не имѣютъ; ими не исключается возможность противнаго; въ нихъ утверждается не то, что необходимо и всегда есть, но только то, что бываетъ и можетъ также не быть. Предметомъ раціональнаго познанія служатъ всеобщія и необходимыя свойства и отношенія вещей; предметомъ же опытныхъ положеній служатъ отдѣльные факты. А такъ какъ факты происходятъ и связываются между собою по закону причинности, то и положенія опытыя основываются на законѣ достаточнаго основанія. Выше мы видѣли, что Локкъ хотя прежде всего оправдываетъ взглядъ на познание Бэкона, но затѣмъ оправдываетъ также и раціональный методъ Декарта. Подобнымъ-же образомъ, какъ это видно изъ предыдущаго, Лейбницъ вполне оправдывая взглядъ на познание Декарта, т. е. признавая вмѣстѣ съ нимъ раціональное познание вполне достовѣрнымъ, не отвергаетъ однако (подобно Декарту, который въ чувственномъ познаніи видѣлъ лишь источникъ заблужденій)—и опыта, напротивъ и опытное познание признаетъ также необходимымъ.

Но если всѣ идеи, какія мы можемъ имѣть, заключены въ нашей душѣ и происходятъ изъ нея самой, а не заимствуются отъ нея, то спрашивается: какимъ образомъ возможно согласіе нашего познанія съ дѣйствительностію, существующею внѣ насъ? И какой смыслъ имѣетъ разграниченіе двухъ видовъ познанія раціональнаго и опытнаго?

Предыдущее изложеніе показываетъ, что хотя Декартъ и началъ сомнѣніемъ въ бытіе вещей внѣ насъ и такимъ образомъ нашель, что достовѣрно для насъ вполне лишь бытіе собственнаго нашего существа, но въ дальнѣйшемъ развитіи философія картезіанская, въ лицѣ Спинозы, пришла къ тому выводу, что и себя мы познаемъ не чрезъ себя, а чрезъ отлич-

ное отъ насъ безконечное существо, которое вѣчно мыслить и производить изъ себя всѣ вещи, такъ что когда мы разсматриваемъ себя отдѣльно, внѣ связи съ безконечною субстанціею, съ цѣлью пріобрѣсти о себѣ знаніе чрезъ себя самихъ тогда у насъ являются ложныя понятія, каковы понятія о свободѣ воли, понятіе о цѣлесообразности въ природѣ, которое мы отъ себя переносимъ на вещи. По философіи Спинозы мы имѣемъ достовѣрнѣйшее познаніе не о себѣ, а о субстанціи, въ которой заключается сущность всего существующаго, слѣдовательно о бытіи вещей и только чрезъ познаніе бытія вещей дается намъ достовѣрное познаніе и о собственномъ нашемъ ограниченномъ существованіи. Такимъ образомъ картезіанская философія пришла къ отрицанію того, съ чего начала, — именно къ отрицанію наибольшей достовѣрности самопознанія, — на мѣсто *самопознанія*, въ качестве основнаго начала философіи, поставивъ *міропознаніе*, т. е. познаніе общаго существа вещей. Равнымъ образомъ и другое направленіе философіи (эмпирическое), начатое Бэкономъ, пришло къ отрицанію того предположенія о познаніи, которое для него послужило исходнымъ пунктомъ. Законъ опредѣлялъ познаніе, какъ отображеніе міра въ нашемъ духѣ. Но уже Локкъ въ значительной мѣрѣ ограничилъ это предположеніе. Бэрклей-же и Юмъ пришли, какъ мы видѣли, къ тому выводу, что собственно мы познаемъ только собственные наши представленія, существующія въ насъ. Итакъ въ одномъ философскомъ направленіи центръ познавательной дѣятельности полагается сначала въ самосознаніи и затѣмъ переносится въ міросознаніе; въ другомъ-же направленіи, наоборотъ, такой центръ полагается сначала въ міросознаніи, но переносится далѣе въ самосознаніе, или иначе (если самосознаніе признать центромъ), въ одномъ направленіи мысль движется отъ центра къ периферіи, въ другомъ наоборотъ — отъ периферіи къ центру. Не ясно-ли послѣ этого, что самосознаніе и міросознаніе — это необходимыя, связанныя между собою, стороны въ развитіи нашей познавательной дѣятельности. Не показываетъ-ли это, что самосознаніе у насъ такъ связано съ міросознаніемъ, что въ одномъ заключается другое? Такова основная мысль монадологіи Лейбница.

Душа наша заключена въ самой себѣ и всѣ представленія, какія она имѣетъ, суть собственныя ея состоянія, но въ этихъ состояніяхъ ея отображается весь міръ; наоборотъ, разсмотрѣніе міра приводитъ насъ къ познанію собственнаго нашего существа. Ближайшимъ образомъ этотъ выводъ такъ обоснованъ у Лейбница.

Еще *Гассенди* противъ Декарта старался отстоять атомистическую теорію Демокрита и Эпикура; съ другой-же стороны Спиноза училъ, что все существуетъ не само по себѣ, но въ единой безграницной субстанціи, такъ что сущность всего едина. Итакъ мы здѣсь снова встрѣчаемъ ту-же противоположность *универсализма* и *индивидуализма*, какъ и въ древней философіи. И какъ тамъ мы видѣли соглашеніе этой противоположности въ философіи Платона, такъ въ новое время опытъ ея соглашенія представляетъ собою философія Лейбница. Но согласно духу новаго времени, въ которомъ субъективизмъ является преобладающею чертою, а также въ зависимости отъ того, что господствующее значеніе въ новой философіи принадлежитъ вопросу о познаніи, соглашеніе означенной противоположности у Лейбница достигается на почвѣ субъективной и на основаніи данныхъ, добытыхъ анализомъ познавательной дѣятельности человѣка ¹⁾.

Однимъ изъ основныхъ положеній философіи Декарта было то, что сущность нашего духа заключается въ мышленіи. Итакъ невозможно, чтобы душа наша, будучи мыслящимъ существомъ, когда-нибудь не мыслила, но этотъ необходимый выводъ изъ означеннаго положенія могъ имѣть лишь тотъ понятный смыслъ,

¹⁾ По поводу изслѣдованій Локка Лейбницъ написалъ рядъ замѣтокъ подъ заглавіемъ: *Reflexions sur l'essai de l'entendement humain de Mr. Locke* и послалъ эту рукопись Локку съ тѣмъ, чтобы она была напечатана въ видѣ приложенія къ французскому переводу Локкова сочиненія, но какъ этого не случилось, то означенная рукопись была обнародована только въ 1708 г. безъ вѣдома Лейбница вмѣстѣ съ оставшимися письмами Локка. Лейбницъ выразилъ, между прочимъ, въ этой своей критической статьѣ, что изслѣдованіе о человѣческомъ познаніи имѣетъ наибольшую важность и даже есть ключъ ко всѣмъ инымъ изслѣдованіямъ. *De toutes les recherches il'y a point de plus importante, puisque c'est la clef de toutes les autres.* См. *Locke's Lehre von der menschlichen Erkenntniss in Vergleichung mit Leibniz's Kritik derselben*, von G. Hartenstein (1861) стр. 198.

что душа всегда имѣетъ въ себѣ представленія, что она есть существо представляющее. Въ самомъ дѣлѣ, мышленіе въ собственномъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно понимается, есть дѣятельность сознательная; между тѣмъ сознание не рѣдко прерывается и вовсе погасаетъ на нѣкоторое время. Можно-ли сказать поэтому, что и мышленіе прекращается, когда отсутствуетъ сознание? Тогда мышленіе не есть сущность души, иначе вмѣстѣ съ прекращеніемъ мышленія прекращалось-бы бытіе и самой души; однако сознание послѣ нѣкотораго времени вновь пробуждается и жизнь души, слѣдовательно, продолжается не прерываясь и въ то время, когда сознание отсутствуетъ. Имѣя въ виду этотъ фактъ, что сознательность не есть состояніе непрерывно продолжающееся, Локкъ возражалъ противъ Декарта, что мышленіе есть только дѣятельность души, известное состояніе, а не сущность ея. Въ чемъ заключается сущность души,—этого мы не знаемъ; возможно, что она есть существо отдѣльное отъ тѣла, но возможно также, что она не отдѣлима отъ тѣла, какъ свойство, принадлежащее тѣлу. Но съ такимъ рѣшеніемъ вопроса о сущности души Лейбницъ не могъ согласиться. Несомнѣнно, что жизнь души непрерывно продолжается и тогда, когда сознание отсутствуетъ. Нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что бессознательная жизнь души должна быть подобна сознательной. А сознательная жизнь души состоитъ въ томъ, что она *представляетъ, имѣетъ представленія*. Не очевидно-ли отсюда, что душа вообще есть существо представляющее? Дѣйствительно не только есть сознательныя представленія, но должны быть также и представленія бессознательныя: невѣстныя представленія исчезаютъ изъ сознания и затѣмъ снова восстанавливаются въ сознаніи; очевидно, что такого рода представленія продолжаютъ существовать въ душѣ и тогда какъ не сознаются нами, иначе при возобновеніи они не создавались-бы, какъ уже бывшія прежде въ нашемъ сознаніи, и въ сознательныхъ сложныхъ представленіяхъ не всѣ элементы ихъ одинаково сознаются нами; наконецъ неопредѣленныя душевныя настроенія не что иное, какъ сложности безчисленнаго множества неразличимыхъ для насъ, слѣдовательно неосознаваемыхъ нами представленій. Такимъ

образомъ вполнѣ оправдывается, на первый взглядъ слишкомъ парадоксальное, положеніе Декарта, что душа всегда мыслить: пужпо только подѣ мышленіемъ разумѣть способность души имѣть представленія. Душа всегда имѣетъ представленія, хотя и не всѣ представленія сознаетъ. Уже Декартъ указалъ на различіе между ясными и темными или смутными идеями. Если теперь возьмемъ во вниманіе еще представленія вовсе несознаваемые, то *ясныя, темныя и безсознательныя* наконецъ представленія будутъ означать степени представляющей дѣятельности души. Между тѣмъ еще въ древности существовало убѣжденіе, что человекъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ степени жизни, раздѣльно существующія въ природѣ. Не слѣдуетъ-ли поэтому означенныя степени представляющей дѣятельности души признать вмѣстѣ съ тѣмъ различными формами жизни, наполняющей собою міръ? Дѣйствительно душа наша есть существо представляющее; но и всякое другое существо въ природѣ, и въ цѣломъ, и въ малѣйшихъ частяхъ своего цѣлаго, также есть представляющее, хотя-бы и не сознавало того, что представляетъ; оно представляетъ себя въ такомъ случаѣ не для себя, а для того, кто его познаетъ. Далѣе душа наша есть существо простое и недѣлимое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безтѣлесное, духовное существо. Итакъ атомисты правы, утверждая, что есть простыя недѣлимыя субстанціи. Необходимо только признать, что тѣ простыя субстанціи, изъ которыхъ состоитъ все сложное, не матеріальны,—ибо все матеріальное дѣлимо,—каждая такая субстанція есть простая недѣлимая сила, и при томъ сила представляющая. Итакъ всякое тѣло, всякая отдѣльная вещь, всякое существо есть агрегатъ силъ не матеріальныхъ, но въ своей совокупности производящихъ феноменъ матеріальности. Силы эти, по причинѣ ихъ единства и недѣлимости, а также для отличія отъ атомовъ, Лейбницъ называетъ *монадами*. Всѣ мопады *одинаковы* по своей природѣ, ибо всѣ суть силы представляющія. Отсюда каждая монада, представляя саму себя, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ въ себѣ и чрезъ себя и всѣ другія монады, слѣдовательно весь міръ: *каждая монада есть зеркало вселенной*, хотя отображая въ себѣ міръ, по причинѣ своей недѣлимости,

каждая монада остается при томъ совершенно замкнутою въ себя, абсолютно непроницаемою для другихъ монадъ. Такимъ образомъ въ мірѣ существуетъ и *единство*, состоящее въ томъ, что всѣ монады имѣютъ одинаковую природу, именно суть силы представляющія, и вмѣстѣ величайшее *разнообразіе*, такъ что нѣтъ двухъ монадъ тождественныхъ; разнообразіе-же монадъ состоитъ въ томъ, что хотя всѣ монады отображаютъ въ себѣ тотъ-же міръ, но неодинаковымъ образомъ каждая, сообразно своему положенію въ ряду другихъ монадъ, съ болѣею ясностію представляя ближайшія къ ней, нежели отдаленныя, и съ тѣмъ наконецъ еще различіемъ, что одніе монады не сознаютъ своихъ представленій, другія хотя сознаютъ, но смутно, иныя-же имѣютъ ясно сознаваемыя представленія, различая какъ самыя представленія, такъ и себя отъ своихъ представленій, т. е. имѣютъ не только сознаніе, но и самосознаніе.

Такъ какъ далѣе единство въ связи съ разнообразіемъ, или разнообразіе въ единствѣ есть гармонія, то посему гармонія величайшая повсюду господствуетъ въ мірѣ. Гармонія эта состоитъ въ томъ, что существуетъ соотвѣтствіе между состояніями одной монады и состояніями другихъ монадъ, въ противномъ случаѣ въ одной монадѣ не отображались-бы другія монады. Соотвѣтствіе-же между состояніями различныхъ монадъ возможно лишь при томъ условіи, если существуетъ самая строгая связь между состояніями той-же монады. И дѣйствительно, для каждой монады существовать значитъ быть дѣятельною (ибо каждая монада есть сила, а сила не можетъ не быть дѣятельною); посему какъ непрерывно продолжается существованіе, такъ же непрерывно продолжается и дѣятельность монады, т. е. каждое послѣдующее состояніе предопредѣлено предыдущимъ (настоящее чревато будущимъ и въ свою очередь есть результатъ прошедшаго), а всѣ вмѣстѣ предопредѣлены природою монады. Такимъ образомъ гармонія между монадами есть слѣдствіе внутренней гармоніи между состояніями каждой монады. Ходъ развитія представленій въ каждой монадѣ происходитъ съ самою строгою закономѣрностію, и потому можно сказать по всей справедливости, что міръ есть машина (таковъ былъ взглядъ Декарта): всѣ переменныя и явленія

находятся во взаимной причинной связи. Если представляются намъ эти явленія и перемѣны случайными, то это происходитъ лишь отъ несовершенства нашего познанія, отъ того именно, что для насъ неясна связь между явленіями и мы разсматриваемъ ихъ отрывочно. Когда-же извѣстное отношеніе представляется намъ со всею ясностію, тогда для насъ очевидна его необходимость. Итакъ опытное и раціональное познаніе различаются между собою только *по степени совершенства*, а не по происхожденію (какъ полагалъ Локкъ). Различіе это ни мало не исключается тѣмъ, что всѣ идеи прирождены нашей душѣ и что она ничего отъ неба не заимствуетъ. Напротивъ различіе между идеями по степени ихъ ясности необходимо должно отражаться въ различіи познанія по достоинству его; а таково именно различіе между эмпирическимъ и раціональнымъ познаніемъ. Различіе это должно имѣть мѣсто относительно всякаго предмета, подлежащаго познанію (на этомъ основаніи, Вольфъ, какъ извѣстно построившій, на основаніи философіи Лейбница, цѣлую систему наукъ философскихъ, раздѣлялъ науки на эмпирическія и раціональныя). Поэтому также и познаніе истинъ религіозныхъ должно быть двойное; дѣйствительно Лейбницъ различалъ богословіе раціональное (о доказательствахъ бытія Божія, о существѣ и свойствахъ Божіихъ; сюда-же относится теодицея Лейбница) отъ богословія откровеннаго, которое имѣетъ характеръ эмпирической, ибо основывается на фактахъ историческихъ и, слѣдовательно, въ научномъ отношеніи очевидно должно быть поставлено ниже раціональнаго богословія, какъ болѣе достовѣрнаго.

Изъ предыдущаго видно, что въ философіи Лейбница не только разграничены опытное и раціональное познаніе, и чрезъ то раціонализмъ Декарта и эмпиризмъ Локка являются примиренными и согласенными, во при томъ еще обоснованы на метафизическихъ принципахъ, или по крайней мѣрѣ указанное разграниченіе видовъ познанія поставлено въ тѣснѣйшую связь съ метафизическимъ ученіемъ о сущности вещей.

П. Аничкинъ.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО XLVII *).

ПОРЯДОКЪ МІРА—ЗАКОНЪ БОГА; ПЕРЕНОСЯ БЕЗРОПОТНО ТЯГОТЫ, УДР ЧАЮЩІЯ
НАСЪ ВЪ ЖИЗНИ, МЫ ОКАЗЫВАЕМЪ ПОВИНОВЕНІЕ БОГУ.

Куда дѣвалось твое благоразуміе? гдѣ это тонкое пониманіе, которое сопровождало тебя всегда при различеніи вещей? гдѣ обычною тебя величіе души? Тебя крушитъ такое ничтожное обстоятельство, какъ то, что твои рабы сочли благопріятнымъ случаемъ для своего бѣгства твою, погруженную въ занятія, замкнутость. Если эти друзья дома и обманули тебя (уступимъ имъ это разумное, естественное названіе, которымъ почтили ихъ нашъ **) Эпикуръ ***), дабы имъ тѣмъ стыднѣе было не быть около тебя при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ): то вѣдь ты лишился только людей, которые поѣдали твой трудъ и считали тебя тяжелымъ для другихъ. Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего необычнаго, ничего такого, что выходило-бы противъ ожиданія. Сокрушаться о такихъ вещахъ столь-же странно, какъ жаловаться на то, что тебя обрызгиваютъ грязью на улицѣ, или ты самъ иногда попадаешь

*) Ер. 107.

***) Noster. Сенека пишетъ къ Луцилю, который принадлежалъ къ сектѣ эпикурейцевъ.

***) Эпикуръ употреблялъ слово „другъ“ въ очень широкомъ смыслѣ, между тѣмъ какъ стоики утверждали, что дружба можетъ существовать только между мудрыми.

въ лужу. Въ жизни мы находимся въ такомъ-же положеніи, въ какомъ находимся во время купанья, или среди толпы, или во время пути: одно съ намѣреніемъ направляется противъ насъ, другое выпадаетъ непарокомъ. Жизнь—не легкая забава. Ты вступилъ на длинное поприще, гдѣ неминуемо тебѣ придется и колебаться отъ слабости, и спотыкаться, и падать и уставать, такъ что ты принужденъ будешь *иногда* воскликнуть: о смерть! *) т. е. сказать явную ложь **). Среди такихъ-то толчковъ мы должны проходить этотъ неровный, усѣянный камнями и выбоинами, путь. Онъ готовитъ мнѣ смерть? пусть душа приготовится ко всему. Пусть она знаетъ, что прибыла въ такое мѣсто, гдѣ ее окружаютъ молніи и громы; пусть знаетъ, что прибыла туда, гдѣ

Скорбь и заботы, бити челоуѣка, сложиши постели,
Блѣдная бродить болѣзни и печальная старость ***).

Вотъ въ какомъ сожителствѣ мы должны проводить жизнь. Миновать этихъ *тягостей* ты не можешь, принимать ихъ безъ боязни—можешь; относиться-же къ нимъ безъ боязни, какъ къ чему-либо незначительному, ты будешь въ томъ случаѣ, если часто будешь помышлять о нихъ и представлять себѣ будущее. Всякій подходитъ бодрѣе къ тому, съ чѣмъ сроднялся въ теченіи долгаго времени, и противостоитъ даже тяжкому, если оно предносилось въ размысленіи. Напротивъ, не приготовленный къ борьбѣ трепещетъ и передъ тѣмъ, что слишкомъ мало значительно для того, чтобы быть пугаломъ. Поэтому мы должны такъ дѣйствовать, чтобы ни что не было для насъ нечаянностью; и такъ какъ все по причинѣ новости бываетъ тяжело, то подобное непрерывное мышленіе сдѣлается для тебя такимъ оплотомъ, что ни въ какомъ несчастіи ты не будешь *неопытнымъ* повобранцемъ. Тебя оставили рабы, *по твоимъ словамъ*. А много они ограбили, на другаго сдѣлали доносъ, этого умертвили, тому измѣнили, одного растоптали, другаго преслѣдовали ядомъ, а на того взвели ложное обвиненіе въ преступленіи. Все, что ты ни сказалъ-бы *противъ нихъ*, уже

*) Имено: приди, освободи меня.

***) Т. е. не прямодушно выразишь это желаніе.

****) Virg. Aen. VI, 274 и слѣд.

со многими случалось. На ряду съ другими, стрѣлы судьбы, многочисленныя и различныя, направляются и на насъ. Однѣ устремлены противъ насъ, другія дрожатъ, колеблясь туда и сюда, и только послѣ этого попадають въ насъ, иныя, которымъ предназначено попасть въ другихъ, задѣвають насъ. Не будемъ удивляться тому, для чего рождены: никто не долженъ жаловаться на эти удары судьбы, потому что они одинаково на всѣхъ падаютъ. Да, я утверждаю, что они одинаковы; ибо несчастіе, котораго иной не испыталъ, онъ могъ испытать. А равномерность права не въ томъ состоитъ, что всѣ имъ пользуются, а въ томъ, что оно предоставлено всѣмъ. Пусть хладнокровіе сдѣлается заповѣдію души; подати смертнаго существованія будемъ уплачивать безъ жалобы. Зима ведетъ съ собою холода: зябни и не жалуйся; лѣто снова приноситъ жары; расслабьвай отъ зноя и терпи; крайности погоды болѣзненно отзываются на здоровьѣ: и болѣзни выноси. И дикій звѣрь въ иномъ мѣстѣ встрѣтится съ нами на пути, и человѣкъ болѣе опасный, чѣмъ всякіе звѣри. Одно похищаетъ у насъ вода, другое — огонь. Такое положеніе вещей мы измѣнить не можемъ, а можемъ усвоить величіе духа, достойное добродѣтельнаго мужа, для того, чтобы бодро переносить случайности и быть въ согласіи съ природой. Природа-же управляетъ этимъ царствомъ, которое ты видишь, поддерживая во всемъ мѣру посредствомъ перемѣнъ. За облачнымъ небомъ слѣдуетъ погода ясная; моря замуцаются волнами, послѣ того какъ отдыхали въ покоѣ; вѣтры дуютъ, смѣняя одинъ другаго; день заступаетъ мѣсто ночи; одна часть неба поднимается, другая опускается: вѣковая продолжительность вещей опирается на противоположностяхъ. Наша душа должна приравниться къ этому закону: пусть она слѣдуетъ за нимъ, ему покорствуется; и все, что ей случается, пусть считаетъ лежащимъ на ней долгомъ; и пусть не склоняется къ мысли порицать природу. Лучшій удѣлъ — терпѣть то, чего не можешь измѣнить къ лучшему и безъ ропота идти въ числѣ покорныхъ служителей за Богомъ, по начинанію котораго все происходитъ. Плохой тотъ воинъ, который идетъ за вождемъ всхлипывая, *какъ дитя*. Вотъ почему нецѣлостно и съ живою готовностію будемъ

встрѣчать повелѣнія и не ослабимъ бодрого бѣга на попрѣцѣ этого прекраснаго міра, въ которомъ затканы по мѣстамъ *ты тернія*, отъ которыхъ мы терпимъ; и такъ воззовемъ къ Отцу небесъ *), водительство Котораго эта громада управляется, какъ возвалъ къ Нему нашъ Клеанѣъ **), въ очень привлекательныхъ стихахъ, которые, по примѣру мужа опытнаго въ искусной рѣчи Цицерона, позволительно и намъ перевести на нашъ языкъ. Если они понравятся, то ты разсудишь объ нихъ хорошо; если не будутъ угодны, знай, что я только иду по слѣдамъ Цицерона:

Отецъ мой, властитель высокаго неба! куда ты восходишь,
Веди меня. Я ли коснѣть въ непокорствѣ осмѣлюсь? Душею
Я буду присутствовать близко тебя: уничтожь мою кротость!
Хотя бѣ и со стовомъ, я буду тебѣ покоряться; какъ грѣшникъ,
Тернѣть я то буду, что долженъ тернѣть всякій добрый. Покорно
Идущаго жребій съ любовью ведетъ, а упорнаго тащитъ ***).

Будемъ такъ жить, будемъ и говорить въ такомъ смыслѣ: пусть судьба застигнетъ насъ снаряженными къ бою и бодрствующими. Великая душа—та, которая отдала себя Богу, а та напротивъ слабосильна и развращена, которая ведетъ споръ и пмѣетъ худыя мысли противъ порядка міра, и которая съ большею охотой останавливается на мысли объ измѣненіи Божества, чѣмъ думаетъ объ улучшеніи себя.

*) Jovem. Наименованіе „Jupiter“ сложное, какъ напр. „Marspiter“. Корень перваго слога произошелъ отъ Jvo или Jû, какъ это видно изъ очень употребительнаго въ древне-римскомъ языкѣ имени „Diovis“ или „Jvis“. Этотъ корень, наслѣдіе всѣхъ подогерманскихъ основныхъ языковъ, означаетъ въ нихъ свѣтлое небо, свѣтъ дня, распространяющійся сверху отъ неба блескъ свѣта. Preller, Röm. Mythol. p. 165.

**) Клеанѣъ, ученикъ Эпикона, былъ и поэтъ; отъ него остался превосходный гимнъ Юпитеру.

***, Эти ямбы Клеанѣа сохранилъ для насъ Эпиктетъ въ своемъ Enchirid. въ греческомъ подлинникѣ.

ПИСЬМО XLVIII *).

КАКЪ СТАРОСТЬ, СОХРАНИВШАЯ СВѢЖЕСТЬ ДУШЕВНЫХЪ СИЛЪ, НЕ ТЯЖЕЛА, ТАКЪ И СМЕРТЬ НЕ СТРАШНА ДЛЯ МУДРАГО, ПРИГOTOВИВШАГОСЯ КЪ НЕЙ.

Я недавно говорилъ тебѣ, что нахожусь предъ лицомъ старости: теперь я уже опасаясь, не оставилъ-ли я старость позади себя. Теперь иное слово прилично этимъ лѣтамъ, по крайней мѣрѣ, этому тѣлу, потому что старость вѣдь есть имя утомленнаго возраста, а не съ сложенными *тѣлесными силами*. Считаю меня прошедшимъ дѣловую, шумную пору жизни и соприкасающимся съ концомъ ея. Впрочемъ, предъ тобою я веду дѣло благодарности себѣ: въ душѣ я не чувствую обидной тяжести лѣтъ, въ то время какъ чувствую въ тѣлѣ. Во мнѣ застарѣли только пороки и прислужники ихъ. Душа крѣпка силами и имѣетъ отраду въ томъ, что у нея *теперь* не много общаго съ тѣломъ: большую часть бремени она сложила съ себя, восхищается этимъ и вступаетъ со мной въ соотязаніе относительно *моей* старости. Она говоритъ, что этотъ возрастъ и есть время расцвѣта. Повѣримъ ей: пусть она пользуется своимъ благомъ. Мнѣ *теперь* пріятно было-бы войти въ кругъ мысли и разсудить о томъ, чѣмъ я обязанъ въ этомъ спокойствіи духа и правомѣрности нравственной жизни мудрости, и чѣмъ обязанъ возрасту, и разборчиво отдѣлать, что я не въ состояніи дѣлать, и что не хочу. Я согласенъ на то, чтобы не быть въ состояніи дѣлать то, чего я не желалъ-бы дѣлать. И если я не могу дѣлать того, чего не желалъ-бы, то я радуюсь тому, что не могу. Какой поводъ жаловаться, что мнѣ сдѣлались чужими тѣ обременительныя удовольствія, которыя *во всякомъ случаѣ* должны прекратиться *когда-нибудь*? Очень мало—скажешь—пріятности въ томъ, чтобы умаляться, и угасать, или точнѣе сказать—таять, *какъ свѣчки*. Да вѣдь мы не вдругъ получаемъ сотрясеніе и опрокидываемся на землю: мы обципываемся по немногу; день-за-день что-нибудь незаметно отнимается *у нашихъ* силъ. И какой исходъ лучше, какъ не тотъ, чтобы испастъ къ своему концу, получивши отпущекъ отъ самой природы? Приближающійся къ намъ исходъ

* Ер. 26.

изъ жизни—это не то, чтобы злой ударъ; *нѣтъ*, путь этотъ уравниенъ и покать, потому что вѣдь понемножку мы спускаемся по нему. Я, по крайней мѣрѣ, какъ-бы уже вблизи было испытаніе и наступалъ день, долженствующій произнести приговоръ о всѣхъ лѣтахъ моей жизни, присматриваю за собой и такъ говорю себѣ: до сихъ поръ мы еще не предъявили ничего *полезнаго* ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ. Незначительны и обманчивы эти словесные залогои мужественности *въ виду смерти*, и завернуты во многія искусственныя прикрасы; насколько я сдѣлалъ добра, настолько я и буду съ довѣріемъ думать о приближающейся смерти. Итакъ безъ боязни собираюсь я къ тому дню, въ который, отложивши всякое притворство и преувеличенія, я долженъ буду разсудить самого себя, въ рѣчахъ-ли я только мужественъ, или настроенъ мужественно, не было-ли только притворство и искусственное зрѣлище—тѣ напыщенные и *надменные* слова, которыя я такъ часто бросалъ противъ судьбы. „Оставь въ сторонѣ оцѣнку людей: она всегда нерѣшительна и дѣлится съ одною и другою сторонами. Отложи въ сторону хлопоты, бывшія дѣломъ цѣлой жизни; смерть готова произнести приговоръ о тебѣ,—говорю я. Словопренія, ученые разговоры и слова, заимствованныя изъ наставленій мудрыхъ, и рѣчь образованнаго человѣка, не показываютъ истинной твердости душевной; вѣдь и у робкихъ бываетъ смѣлая рѣчь. Что ты сдѣлалъ *въ жизни*; будетъ ясно тогда, когда ты будешь при послѣднемъ издыханіи.—Принимаю условіе, но не боюсь приговора“.—Такъ говорю я самъ съ собой; но ты представляй, что и съ тобой говорю я такъ же. Ты юнъ? что за нужда до этого? года не идутъ въ счетъ. Неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ тебя подкараулитъ смерть; того ради поджидай ее всюду. Я хотѣлъ было кончить, и рука уже принаровлялась было написать заключительныя слова; но въ священномъ дѣлѣ ничего нельзя оставлять недоконченнымъ, и для этого писема нужно отпустить прогонныя деньги. Не думай, что я скажу тебѣ, откуда намѣренъ я взять, чтобы дать тебѣ въ долгъ: ты знаешь, изъ чьего сундука я черпаю. Обожди, пока я слабосиленъ,—и затѣмъ выдача будетъ производиться изъ моего *собственного* дома. А тѣмъ временемъ *тебѣ*

пособить Эпикуръ, который говоритъ: „углубись въ размышленіе о смерти; не удобнѣе ли для насъ, чтобы мы шли къ ней *оъ мысли*, чѣмъ она подошла къ намъ, *оъ то время какъ мы и не думаемъ о ней?*“ Смыслъ пререченія ясенъ. Наилучшее дѣло—пріучать себя къ смерти *мыслию о ней*. Ты, быть можетъ, сочтешь за лишнее пріучаться къ тому, чѣмъ придется воспользоваться только однажды; но потому самому мы и должны размышлять о ней. Должно постоянно учиться тому предмету, относительно котораго мы не извѣдали на опытѣ, что знаемъ его. „Размышляй о смерти!“ Кто говоритъ это, тотъ внушаетъ мыслить достойно свободныхъ людей. Кто освоился съ мыслью о смерти, тотъ отучился быть рабомъ: онъ стоитъ выше всякаго могущества, по крайпей мѣрѣ, внѣ его. Какое отношеніе имѣютъ къ нему темница, стража и запоры? Какъ свободный духомъ, онъ не испытываетъ заключенія *). Одна есть цѣль, которая держитъ насъ на привязи—любовь къ жизни: если сбрасывать ее не должно, то облегчать умѣстно: это затѣмъ, чтобы, когда законъ міра **) потребуетъ, ни какой задержки не оставалось у насъ позади, и ни что не препятствовало намъ быть готовыми къ тому дѣлу, отъ котораго мы не можемъ уклониться, какъ отъ уплаты долга.

ПИСЬМО XLIX ***).

УДАЛЕНИЕ ОТЪ ВНѢШНЕЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МУДРАГО НЕ ЕСТЬ БЕЗДѢЙСТВІЕ: ОНО ИСХОДИТЪ ИЗЪ ЗАБОТЫ О ДУХОВНОМЪ БЛАГѢ БЛИЖНИХЪ.

„Ты внушаешь мнѣ — говоришь ты — не вмѣшиваться въ *хлопотливую и озабоченную* толпу, уходить внутрь себя и находить довольство въ собственномъ сознаніи: причемъ-же теперь тѣ ваши наставленія, которыми заповѣдуются встрѣчать смерть среди дѣятельности?“ Что-же? Я кажусь человѣкомъ, который совѣтуетъ бездѣйствіе? Посмотри на меня: для того я и заключился самъ въ себя и заперъ двери, чтобы прямѣе

*) По лат. *liberum ostium habet*.

**) По лат. *res*.

***) Ер. 8.

приести пользу многимъ. Ни одного дня не пропадаетъ у меня въ праздности: часть ночей я откладываю на научныя занятія; я не лишаю себя сна, а только отдаю ему принужденную дань, свои утомленные бодрствованіемъ и спяющіеся глаза отрывая *на-время* отъ работы. Я уединился не только отъ людей, но даже и отъ дѣлъ, и особенно отъ своихъ собственныхъ. Я занятъ дѣломъ послѣдующихъ поколѣній—постепенно записываю нѣчто такое, что можетъ быть полезнымъ для нихъ: здравые совѣты, какъ-бы составъ цѣлительныхъ лекарствъ, я вручаю бумагѣ; что они дѣйственны, я испыталъ на своихъ ранахъ, которыя если и не вполне еще исцѣлены, то по крайней мѣрѣ перестали идти въ глубь. Правый путь, который я узналъ поздно и обезсиленный блужданіемъ кругомъ да около, я покажу другимъ. Громко говорю я: не прилѣпляйтесь къ тому, что нравится толпамъ, чѣмъ снабжаетъ насъ случайное стеченіе обстоятельствъ; въ виду всякаго случайно ниспавшаго блага остановитесь, оглядывая его съ тревогой, какъ вещь подозрительную. И звѣрь и рыба вводятся въ обманъ какой-либо заманчивой тѣнью. Вотъ эти вещи вы считаете за даръ счастья? Сѣти онѣ для насъ. Всякій, кто только захочетъ вести жизнь безопасную, изъ жизни пусть удаляетъ гоньбу за этими коварно привлекательными дарами; жесточайшій обманъ мы терпимъ отъ нихъ, и вотъ какъ: въ то время какъ мы думаемъ обладать ими, мы сами оказываемся во владѣніи у нихъ. Къ пропасти низводитъ такая погоня: паденіемъ заканчивается эта, поставленная высоко, жизнь. Послѣ этого не позволительно и сопротивляться, если счастье ведетъ насъ не прямо, а бокомъ *). Или иди правымъ путемъ, или, по крайней мѣрѣ, если попалъ на ложный, иди по нему не болѣе одного раза. Кто держитъ правильный курсъ, у тѣхъ судьба не вырветъ почву изъ подъ ногъ, а только посадитъ на мель и причинитъ небольшой вредъ. Итакъ не забывай держаться этого здраваго и спасительнаго образа жизни, при которомъ позволительно настолько снисходить тѣлу, насколько достаточно для поддержанія добраго здоровья. Гораздо строже нужно передумывать о томъ, не плохо-ли оно, тѣло, повинуется

*) transversos—схвативши поперекъ.

духу: пища пусть утоляетъ голодъ, питье утушаетъ жажду, одежда задерживаетъ приступы холода, домъ пусть служить укрѣпленіемъ противъ враждебныхъ воздѣйствій на тѣло. Воздвигнетъ-ли его кто изъ глины, или изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ чужедальнихъ странъ, — выгоды отъ этого не будетъ никакой: знай, что имѣть кровлю для защиты себя столь-же хорошую можно изъ соломы, какъ и изъ золота. Не придавай цѣны ни чему такому, что трудъ, не знающій что съ собою дѣлать, воздвигаетъ, какъ лѣпоту, которой должны любоваться всѣ другіе. Ни на минуту не оставляй мысли о томъ, что, кромѣ высокой настроенности духа, ни что не стѣдитъ удивленія: когда душа велика, ни что не поразитъ ее своею громадностью. Если я такъ говорю съ тобой, такъ говорю съ послѣдующимъ поколѣніемъ, — то не кажется ли тебѣ, что я не могу болѣе быть полезнымъ, какъ въ качествѣ ходатая являясь для поручительства, или прикладывая свою печать къ завѣщанію, или ссужая ищущаго должности рукою и голосомъ при правительствѣ? Вѣрь мнѣ: являющіеся, повидимому, бездѣльными, совершаютъ не маловажное: они въ одно и тоже время озабочены человѣческимъ и божественнымъ. Но уже пора кончить, и чѣмъ-нибудь заплатить тебѣ за чтеніе этого письма, какъ разъ навсегда я ввелъ въ обычай. Моихъ средствъ на это не хватитъ. Юще и теперь я перелистываю Эпикура, у котораго сегодня прочелъ такой отзывъ: „твой долгъ быть на службѣ философіи, дабы улучшить истинную свободу“. Не будетъ откладываться со дня на день освобожденіе того, кто подчинится и отдастъ себя ей въ руки. Онъ тотчасъ же проходитъ круговое поприще своего освобожденія *). Ибо это служеніе философіи и есть свобода. Можетъ быть, ты спросишь, почему я многія добрыя изреченія Эпикура передаю охотнѣе, чѣмъ изреченія нашихъ писателей. А что тебя принуждаетъ считать ихъ только рѣчами Эпикура, а не принадлежащими всѣмъ? Какъ многое говорятъ поэты, что философами или уже сказано, или, по крайней мѣрѣ, готово было сорваться съ ихъ языка! Я не буду вступать въ сношенія съ

*) Освобожденный рабъ былъ проводимъ вокругъ форума въ знакъ того, что онъ уже человекъ свободный.

трагиками, не буду касаться и пьесъ гражданскаго характера *); ибо онѣ носятъ на себѣ печать нѣкоторой строгости, и занимаютъ средину между комедіями и трагедіями: мало-ли многоговорящихъ стиховъ замѣшано и среди шуточныхъ пьесъ; какъ многое находится у Публія **), что слѣдовало бы вложить въ уста не комикамъ, носящимъ обувь съ тонкой подошвой, а трагикамъ, выступающимъ въ башмакахъ на высокой подстилкѣ. Одинъ его стихъ, который относится къ философіи, и именно къ той части, которую мы только что разсматривали, я приведу; тутъ онѣ утверждаетъ, что выпадающее случайно мы не должны считать своею собственностію:

То все чужое, что въ ладъ съ пожеланьемъ приходитъ.

Я помню, что ты выразилъ этотъ стихъ немного лучше и точнѣе:

Не есть твое, что счастье отдало тебѣ.

И объ этомъ еще лучшемъ твоимъ изреченіи я не умолчу:

Дается въ руки что легко, то и легко уносится.

Я не вмѣняю этого въ счетъ долга — оно дается тебѣ изъ твоего собственнаго кошелька.

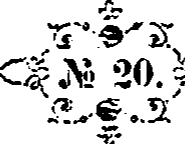
*) *Fabulae togatae* — гражданская драма римлянъ, въ которой они являлись въ тогѣ.

***) Публій Сиръ — знаменитый авторъ шуточныхъ пьесъ въ вѣкъ Августа.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Октября № 20. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Уставы и штаты православныхъ духовныхъ семинарій и училищъ (продолженіе).—Предложеніе преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Харьковской духовной консисторіи.—Списокъ пожертвованій на возобновленіе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

18-го іюля—2-го августа 1884 года, за № 1529, о брошюрѣ священника В. Никольскаго, подъ названіемъ „Дѣдушка Пахомъ“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 8-го іюля 1884 года, за № 498, журналъ Учебнаго Комитета, № 224, съ заключеніемъ Комитета, по отношенію департамента народнаго просвѣщенія, отъ 23-го іюня 1882 года, за № 7672, объ одобреніи для употребленія въ школахъ, подвѣдомственныхъ Святѣйшему Синоду, составленной священникомъ Тульской епархіи Василіемъ Никольскимъ брошюры, подъ названіемъ „Дѣдушка Пахомъ. Приложение къ азбукѣ священника Никольскаго, для первоначальнаго чтенія“ (изданіе 5-е, Москва, 1881 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ возможнымъ одобрить означенную брошюру для приготовительнаго класса мужскихъ духовныхъ училищъ и для народныхъ школъ, въ качествѣ книжки для дѣтскаго чтенія. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ епархіальнымъ преосвященнымъ и правленіямъ мужскихъ духовныхъ училищъ, сообщить, съ приложеніемъ копій съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

УСТАВЫ И ШТАТЫ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЙ И УЧИЛИЩЪ.

Уставъ православныхъ духовныхъ семинарій.

(Продолженіе *).

Гл. VIII.—О правленіи семинарій.

§ 91. Правленіе семинарій имѣеть двоякаго рода собранія: а) *педагогическія* и б) *распорядительныя*.

§ 92. Въ *педагогическихъ* собраніяхъ присутствуютъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, инспекторъ, три члена изъ преподавателей, назначаемые епархіальнымъ архіереемъ, и два члена изъ епархіальныхъ священнослужителей, избираемые духовенствомъ, съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго, на три года.

§ 93. Для избранія членовъ правленія отъ духовенства и для обсужденія экономическихъ нуждъ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, по усмотрѣнію преосвященнаго, созываются общепархіальные съѣзды. Число священнослужителей для составленія съѣздовъ и способы избранія ихъ опредѣляются епархіальнымъ преосвященнымъ.

§ 94. Въ *распорядительныхъ* собраніяхъ присутствуютъ подъ предсѣдательствомъ ректора, инспекторъ, одинъ изъ преподавателей и одинъ членъ правленія изъ епархіальнаго духовенства, по назначенію преосвященнаго, почетный блюститель по хозяйственной части и экономъ.

Примѣчаніе. Почетный блюститель присутствуетъ въ засѣданія правленія, когда онъ найдетъ это удобнымъ.

§ 95. Педагогическія собранія правленія бывають однажды въ мѣсяцъ, а распорядительныя однажды въ недѣлю.

§ 96. Въ случаѣ надобности могутъ быть созываемы экстренныя собранія какъ педагогическія, такъ и распорядительныя, по назначенію ректора.

§ 97. Собранія правленія должны происходить въ свободное отъ преподаванія время.

§ 98. Если кто изъ членовъ не можетъ явиться въ собраніе, то о причинѣ своего отсутствія извѣщаетъ секретаря правленія для заявленія о томъ собранію и внесенія въ журналъ.

§ 99. Отсутствовавшіе члены не могутъ требовать перерѣшенія постановленій или заключеній, безъ нихъ состоявшихся.

§ 100. Каждый членъ имѣеть право представлять правленію предположенія объ улучшеніяхъ по той или другой части семинарскаго устройства.

§ 101. Предположенія сіи вносятся письменно за нѣсколько дней до собранія къ предсѣдателю правленія.

§ 102. Дѣла въ правленіи рѣшаются, по возможности, единодушнымъ

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ № 19.

соглашеніємъ; въ случаѣ же разногласія, отдѣльныя явінія подаются публично и представляются на усмотрѣніе преосвященнаго.

§ 103. *Педагогическія собранія* имѣютъ предметами своихъ занятій:

1) Дѣла о приѣмѣ учениковъ въ семинарію, переводѣ ихъ изъ класса въ классъ или оставленіи, въ дозволяемыхъ уставомъ случаяхъ, въ томъ же классѣ.

2) Разсмотрѣніе вѣдомостей объ усѣхахъ и поведеніи учащихся.

3) Составленіе общихъ списковъ послѣ экзаменовъ.

4) Разсмотрѣніе прошеній о принятіи учениковъ семинаріи на казенное содержаніе и избраніе достойнѣйшихъ по § 11.

5) Назначеніе лучшимъ ученикамъ наградъ.

6) Назначеніе лучшихъ учениковъ къ поступленію въ академіи, распоряженія о выдачѣ ученикамъ аттестатовъ или свидѣтельствъ.

7) Исключеніе неблагонадежныхъ учениковъ изъ семинаріи.

8) Представленіе кандидатовъ на должности, поименованныя въ §§ 58 и 65.

9) Назначеніе испытаній лицамъ, обращающимся въ правленіе съ просьбою объ опредѣленіи на должности учителей духовныхъ училищъ (§ 61 уст. дух. учил.).

10) Назначеніе преподавателямъ добавочныхъ уроковъ.

11) Разсмотрѣніе росписанія еженедѣльныхъ уроковъ по классамъ, составляемаго инспекторомъ къ началу учебнаго года.

12) Соображенія относительно раздѣленія классовъ на параллельныя отдѣленія.

13) Разсмотрѣніе предложеній объ измѣненіяхъ въ программахъ.

14) Обсужденіе методовъ преподаванія.

15) Изысканіе способовъ къ надежнѣйшему удостовѣренію въ усвоеніи учащимися преподаваемыхъ ими предметовъ.

16) Выборъ книгъ для бібліотеки и также составленіе правилъ о порядкѣ храненія и выдачи книгъ изъ бібліотеки.

17) Назначеніе комиссій и времени для производства экзаменовъ (§ 131).

18) Составленіе инструкцій для инспектора и разсмотрѣніе инструкцій его помощника.

19) Составленіе правилъ для учениковъ какъ живущихъ въ семинаріи, такъ и помѣщающихся на квартирахъ, и опредѣленіе порядка надзора за ними послѣдними.

20) Составленіе правилъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ учащихся.

21) Изысканіе и обезужденіе общихъ мѣръ къ охраненію и утвержденію доброй нравственности между учащимися.

22) Разсмотрѣніе годичнаго отчета ректора по учебной и нравственной частямъ.

23) Дѣла, касающіяся духовныхъ училищъ, указанная въ уставѣ спехъ заведеній.

§ 104. На распорядительныя собранія правленія возлагается:

1) Завѣдываніе всѣми частями семинарскаго хозяйства, равно какъ имуществомъ и зданіями семинаріи.

2) Производство торговъ по подрядамъ и поставкамъ для семинаріи и заключеніе, на законномъ основаніи, контрактовъ и условій на оныя, плѣ же распоряженіе о заготовленіи припасовъ и матеріаловъ, а также о производствѣ работъ, хозяйственнымъ способомъ, когда это представляется болѣе выгоднымъ.

3) Изысканіе мѣръ къ улучшенію той или другой статьи по хозяйственной части и разсмотрѣніе всѣхъ поступающихъ заявленій о семъ или о какихъ-либо недостаткахъ и упущеніяхъ.

4) Наблюденіе за своевременнымъ поступленіемъ суммъ, запискою оныхъ на приходъ и за расходованіемъ сообразно съ годовою смѣтою и отдѣльными предписаніями.

5) Храненіе и свидѣтельствованіе папчныхъ суммъ семинаріи на основаніи общихъ по сему предмету узаконеній.

6) Отчетность въ суммахъ по установленнымъ для того правиламъ.

7) Дѣла о прогонахъ, пособіяхъ и пенсіяхъ служащимъ при семинаріи.

8) Соображенія о дополнительномъ вознагражденіи учителей, имѣющихъ высшее, противъ штата, число уроковъ, а также о жалованьѣ преподавателямъ, приглашаемымъ изъ другихъ заведеній.

9) Назначеніе квартиръ лицамъ, имѣющимъ право на оныя.

10) Составленіе смѣты.

11) Выдача потребныхъ шнуровыхъ книгъ.

12) Веденіе послужныхъ списковъ всѣхъ должностныхъ лицъ семинаріи, кромя членовъ правленія изъ епархіальнаго духовенства.

13) Назначеніе комиссій для освидѣтельствованія семинарскаго имущества, библіотеки, физическаго кабинета и архива.

§ 105. Журналы собраній правленія по учебно-воспитательной части и по хозяйственно-распорядительной ведутся отдѣльно.

§ 106. По всѣмъ дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ собраніяхъ правленія, какъ педагогическихъ, такъ и распорядительныхъ, предсѣдатель представляетъ епархіальному архіерею подлинныя журналы.

§ 107. Епархіальный архіерей въ упомянутыхъ въ семъ уставѣ случаяхъ и кромя того по пунктамъ 12 и 13 § 103, пункту 10 § 104 дѣлаетъ представленія Святѣйшему Синоду, а заключенія правленія по прочимъ предметамъ утверждаетъ собственною властію.

Примчаніе. Во время отсутствія преосвященнаго изъ епархіи, заключенія по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства и разрѣшаемымъ властію епархіальнаго архіерея, правленіе само можетъ приводить въ исполненіе, немедленно донося о семъ преосвященному.

§ 108. Всѣ бумаги, входящія на имя правленія, поступаютъ къ предсѣдателю онаго и съ его помѣгами распределяются, по принадлежности, или въ педагогическія собранія правленія, или въ распорядительныя. Исходящія изъ правленія бумаги подписываются предсѣдателемъ или инспекторомъ.

Гл. IX.—О приѣмѣ учениковъ въ семинарію.

§ 109. Въ семинарію принимаются, по § 6, какъ обучавшіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и получившіе домашнее образованіе.

§ 110. Прошенія о приѣмѣ подаются на имя ректора.

§ 111. При прошеніяхъ представляются: свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи, если желающіе обучаться въ семинарію находились въ училищахъ, или же метрическое свидѣтельство (при неизбѣнн его—выписка изъ метрическихъ книгъ), если поступаютъ изъ домовъ.

§ 112. Поступающіе предварительно осматриваются семинарскимъ врачомъ, который письменно доноситъ правленію, кто изъ осматрѣнныхъ пнз и почему не можетъ быть принятъ.

§ 113. Приѣмъ дозволяется какъ въ первый классъ семинаріи, такъ и въ послѣдующіе, за исключеніемъ шестаго.

§ 114. Въ первый классъ поступаютъ въ возрастѣ отъ 14 и не выше 18 лѣтъ, основательно знающіе предметы, преподаваемые въ духовныхъ училищахъ; для поступленія въ слѣдующіе три класса требуются соотвѣтственные онмъ познанія и возрастъ.

§ 115. Для изученія предметовъ собственно богословскаго образованія въ пятомъ и шестомъ классахъ, могутъ быть принимаемы въ семинарію окончившіе курсъ въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи, не моложе 18 лѣтъ, но испытаніи въ тѣхъ богословскихъ предметахъ, которыхъ они не проходили въ свѣтскихъ заведеніяхъ.

§ 116. Окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ училищъ принимаются въ семинарію по установленнымъ свидѣтельствамъ, въ коихъ обозначается право поступленія ихъ въ семинарію.

§ 117. Приѣмныя испытанія производятся ежегодно предъ началомъ учебнаго курса.

§ 118. Получившіе на приѣмныхъ испытаніяхъ вышіе по § 130 баллы до 3 включительно по каждому предмету принимаются въ семинарію въ установленномъ для каждаго класса числѣ, по порядку полученныхъ балловъ. Въ случаѣ равенства балловъ и недостатка вакансій, правленіе представляетъ на усмотрѣніе епархіальнаго преосвященнаго.

Гл. X.—О обученіи въ семинаріяхъ.

§ 119. Цѣль семинарскаго обученія —образовать просвѣщенныхъ священнослужителей.

§ 120. Сообразно съ сею цѣлію, въ семинаріяхъ преподаются какъ науки богословія, такъ и предметы общаго образованія, а именно:

- 1) Изъясненіе Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завета и библейская исторія.
- 2) Исторія Церкви вообще и російской въ отдѣльности.
- 3) Исторія и обличеніе русскаго раскола.
- 4) Богословіе: основное, догматическое, сравнительное и нравственное.

- 5) Практическое пастырское руководство.
- 6) Гошплетка.
- 7) Литургияка.
- 8) Русская словесность съ исторією русской литературы.
- 9) Гражданская исторія: всеобщая и русская.
- 10) Алгебра, геометрія и основанія высшаго алгебры.
- 11) Физика.
- 12) Логика, психологія, начальныя основанія и краткая исторія философіи и дидактика.
- 13) Древніе языки: латинскій и греческій.
- 14) Церковное пѣніе.

Примѣчаніе. Для практическихъ занятій воспитанниковъ V и VI классовъ, слушающихъ дидактику, учреждается при семинаріи начальная школа, съ ежедневными уроками, подъ руководствомъ учителя дидактики и наблюдениемъ ректора.

§ 121. Сверхъ того въ семинаріяхъ преподаются для желающихъ: новыя языки—французскій, нѣмецкій, еврейскій языкъ и иконописаніе.

§ 122. Въ каждомъ изъ первыхъ трехъ классовъ семинаріи должно быть не болѣе 50 учениковъ, а въ остальныхъ не болѣе 55 человекъ въ каждомъ классѣ. Если же въ какомъ либо классѣ по § 8 требуется имѣть большее число учащихся, въ такомъ случаѣ утверждается отъ Святейшаго Синода параллельное отдѣленіе класса.

§ 123. Число уроковъ на каждый учебный день опредѣлено въ приложенной (подъ № 1) къ уставу таблицѣ. Урокъ долженъ продолжаться непрерывно часъ, съ промежутками въ четверть часа для отдыха послѣ каждаго урока.

Примѣчаніе. Сверхъ сего воспитанники V и VI классовъ, по примѣчанію къ § 120, обязательно занимаются практическими уроками въ начальной при семинаріи школѣ, въ особо назначаемые для сего правленіемъ семинаріи въ классное время часы.

§ 124. Перечисленіе предметовъ преподаванія, число уроковъ по предметамъ и распредѣленіе оныхъ по классамъ обозначены въ приложенной (подъ № 1) къ уставу таблицѣ, измѣненія въ коей могутъ быть дѣлаемы только Святейшимъ Синодомъ по усмотрѣнію особой нужды.

§ 125. Методъ преподаванія долженъ помогать правильному развитію природныхъ дарованій и вызывать собственную дѣятельность умственныхъ силъ учащагося.

§ 126. Съ класснымъ обученіемъ должно быть соединяемо упражненіе учениковъ, по возможности чаще, въ сочиненіяхъ, сопровождаемыхъ всегда обстоятельнымъ разборомъ со стороны учителей.

§ 127. Не менѣе того должно быть поощряемо чтеніе учебниками полезныхъ книгъ подъ руководствомъ учителей, каждаго по преподаваемому имъ предмету.

§ 128. Ученіе въ семинаріяхъ продолжается въ теченіе цѣлаго года, кромѣ воскресныхъ, праздничныхъ и табельныхъ дней, а также мѣстныхъ наиболѣе чтимыхъ праздниковъ, дней говѣнія, дня поминовенія усопшихъ въ недѣлю мясопустную и ваканцій: зимнихъ съ 22 декабря по 7 января и лѣтнихъ, продолжающихся полтора мѣсяца.

Примѣчаніе. Время для лѣтнихъ ваканцій назначается, съ разрѣшенія Святейшаго Синода, по соображенію съ условіями мѣстности.

§ 129. При окончаніи учебнаго года, предъ лѣтними ваканціями, въ семинаріяхъ производятся экзамены.

§ 130. Для обозначенія успѣховъ, равно какъ и поведенія учениковъ, употребляются слѣдующіе баллы: 5—отлично, 4—очень хорошо, 3—хорошо, 2—посредственно, 1—слабо.

§ 131. Испытанія производятся посредствомъ комиссій, подъ предѣтельствомъ ректора, или инспектора, или члена правленія изъ преподавателей. Правила для сего, также и для распредѣленія учениковъ по разрядамъ соотвѣтственно успѣхамъ и поведенію, излагаются въ особой инструкціи, составляемой семинарскимъ правленіемъ и утверждаемой епархіальнымъ архіереемъ.

§ 132. Отличные по успѣхамъ, при похвальному поведенію, награждаются полезными книгами, избираемыми пріятительно къ возрасту и познаніямъ награждаемыхъ.

§ 133. Ученики первыхъ трехъ классовъ, оказавшіе слабые успѣхи, если не признаны будутъ подлежащими исключенію, могутъ быть оставляемы въ тѣхъ-же классахъ на одинъ только годъ; въ прочихъ классахъ сіе можетъ быть допускаемо въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда малоуспѣшность зависѣла отъ продолжительной болѣзни или подобной вполнѣ уважительной причинѣ, въ противномъ случаѣ малоуспѣшные исключаются изъ семинаріи.

Примѣчаніе. Казеннокоштные, оставляемые въ тѣхъ-же классахъ, лишаются казеннаго содержанія, кромѣ малоуспѣвшихъ по причинѣ продолжительной болѣзни.

§ 134. При каждой семинаріи полагается библіотека съ достаточнымъ количествомъ географическихъ картъ, математическихъ и физическихъ инструментовъ и другихъ учебныхъ пособій.

Примѣчаніе. Математическіе и физическіе инструменты состоятъ въ изданіи учителей, преподающихъ таковыя предметы.

§ 135. Въ составъ библіотеки должны входить, кромѣ учебныхъ книгъ для воспитанниковъ и вспомогательныхъ для учителей, избранныя книги для чтенія воспитанникамъ, какъ на отечественномъ, такъ и на иностранномъ языкахъ.

§ 136. Независимо отъ сего дозволяется, на добровольныя пожертвованія учениковъ, заводить при семинаріяхъ ученическія библіотеки на основаніяхъ, опредѣляемыхъ правленіемъ семинаріи и утверждаемымъ епархіальнымъ архіереемъ.

Гл. XI.—О воспитаніи въ семинаріи—нравственномъ и физическомъ.

§ 137. Нравственное воспитаніе въ семинаріи имѣеть цѣлью правильное образованіе характера учащагося, соотвѣтственно будущему ихъ назначенію.

§ 138. Осуществленію сей цѣли должны содѣйствовать какъ воспитывающіе въ семинаріи, такъ и обучающіе.

§ 139. Тѣ и другіе, не выходя изъ круга своихъ обязанностей, забо-

тятся о томъ, чтобы развить и укрѣпить въ учащихъ любовь и уваженіе къ православной Церкви, ея уставамъ, священнодѣйствіямъ и обрядамъ, утвердить ихъ въ добрыхъ христіанскихъ навыкахъ и привести къ живому сознанию важности священства.

§ 140. Упражненія, располагающія къ благочестію, должны быть свято соблюдаемы и охраняемы въ семинаріяхъ.

§ 141. Ежедневно, въ положенные часы, учащіеся слушаютъ молитвы утреннія и вечернія, предъ началомъ и послѣ каждого урока, равно и въ столовой. Чтеніе молитвъ совершается самими учениками.

§ 142. Въ дни воскресные и праздничные всѣ ученики неопустительно присутствуютъ при богослуженіи всенощномъ или утреннемъ, и литургіи.

§ 143. Во время богослуженія ученики участвуютъ въ чтеніи и пѣніи церковномъ и исправляютъ служебныя обязанности въ алтарѣ.

§ 144. Соблюдая въ точности посты, установленные православною Церковію, всѣ ученики въ первую и послѣднюю седмицу св. čtyрдесятницы говѣютъ и приобщаются св. Таинъ. Начальствующіе и учащіе подаютъ въ семь отношеній назидательный примѣръ.

§ 145. Въ употребленіи прочаго времени учащіеся неуклонно слѣдуютъ правиламъ, постановляемымъ правленіемъ семинаріи (§ 103 и. 19) и опредѣляющимъ порядокъ ихъ жизни въ семинаріи.

§ 146. Ученики должны быть причастны къ соблюденію правилъ приличія и общепринятыхъ условій вѣжливости; неучтивыя, грубыя, оскорбительныя шутки и подобныя проступки не должны быть допускаемы.

§ 147. Мѣры исправленія воспитанниковъ избираются правленіемъ семинаріи (§ 103 и. 20) со строгою разборчивостію въ отношеніи къ ихъ роду и качеству, и должны быть всегда соображаемы съ возрастомъ, первоначальнымъ воспитаніемъ и характеромъ исправляемыхъ.

§ 148. Высшее наказаніе въ семинаріи составляетъ исключеніе, которое, въ случаѣ особенно важныхъ и нетерпимыхъ проступковъ, должно быть дѣлаемо немедленно и во всякое время учебнаго года.

§ 149. Занятія музыкою, живописью и другія подобныя упражненія, развивающія эстетическій вкусъ и отвлекающія отъ праздности и грубыхъ удовольствій, должны быть не только дозволяемы, но даже поощряемы, съ тѣмъ, чтобы они всегда были строго правственны.

§ 150. Для надлежащаго развитія и укрѣпленія тѣлесныхъ силъ воспитанниковъ назначаются въ каждой семинаріи, подъ руководствомъ особаго учителя и наблюденіемъ врача, гимнастическія упражненія, а также садовыя занятія и игры, способствующія развитію силъ.

§ 151. Изложенныя правила, до воспитанія касающіяся, прилагаются въ одинаковой мѣрѣ и къ приходящимъ ученикамъ.

(Продолженіе будетъ).

Предложеніе Харьковской Духовной Консисторіи Преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Изъ дѣлъ епархіальнаго правленія видно, что при погребеніи усопшихъ происходятъ безпорядки и пререканія между крестьянами и духовенствомъ.

Во-первыхъ, крестьяне часто хоронятъ своихъ покойниковъ, безъ дозволенія полицейскаго начальства, не въ установленный закономъ срокъ и не на отведенныхъ для сего кладбищахъ, а въ поляхъ и въ своихъ садахъ.

Во-вторыхъ, священники—а) не отиѣваютъ покойниковъ въ церквяхъ за литургіею, какъ-бы надлежало, ссылаясь на отдаленность деревень и хуторовъ отъ храмовъ; б) *печатаютъ гробы*, по мѣстному выраженію, т. е. отиѣваютъ тѣла, уже зарытыя въ землю, вопреки церковному чиноположенію (зряще ми безгласна и бездыханна предлежаща), что могло быть извиняемо въ прежнее время, когда въ Малороссіи было крайне мало церквей, но чего теперь нѣтъ; в) самое отиѣваніе совершается часто спустя много времени послѣ смерти усопшаго, на что жалуются крестьяне и въ чемъ священники оправдываютъ себя тѣмъ, что умершіе погребаются безъ ихъ вѣдома и они поздно получаютъ приглашенія къ отиѣванію.

Подобное положеніе дѣла, какъ несогласное съ церковнымъ уставомъ, гражданскими законоположеніями и съ чувствомъ христіанскаго благочестія, терпимо быть не можетъ.

Поэтому консисторіи предлагаю:

1. Изготовить отъ моего имени отношеніе къ г. Харьковскому губернатору съ просьбою запретить крестьянамъ погребать тѣла умершихъ на неотведенныхъ для сего кладбищахъ и въ недозволенный закономъ срокъ, а полицейскимъ начальствамъ предписать, чтобы безъ замедленія были выдаваемы ими разрѣшенія на погребеніе умершихъ, не сподобившихся предъ кончиною приобщенію Св. Таинъ, которыя и должны быть прихожанами предъявляемы священникамъ.

2. а) Предписать настоятельнымъ образомъ священникамъ, чтобы оставляли этотъ, несогласный съ духомъ православной Церкви, странный обычай—*печатаніе гробовъ*, а отиѣвали усопшихъ въ храмахъ и, въ случаѣ отдаленности отъ храмовъ, въ домахъ умершихъ; но при этомъ замѣтить, чтобы отиѣваніе усопшаго до преданія тѣла землѣ, вмѣсто печатанія гроба, не было обращено въ поводъ къ требованію несоразмѣрнаго вознагражденія, за что виновные бу-

дуть подвергаемы строгому взысканію; б) обязать священниковъ, чтобы, по соглашенію съ прихожанами, немедленно озаботились устройствомъ на кладбищахъ часовень, достаточно вмѣстительныхъ, чтобы можно было въ нихъ выносить тѣла усопшихъ и совершать отпѣваніе. Гдѣ при кладбищахъ селенія малы и для прихожанъ на каждомъ кладбищѣ дѣлать часовни затруднительно, тамъ располагать прихожанъ строить одну общую часовню на томъ изъ кладбищъ, гдѣ это будетъ признано удобнымъ по разстоянію. При семъ объявить духовенству, что устройство часовень на кладбищахъ мною вмѣняемо будетъ священникамъ и церковнымъ старостамъ въ особую заслугу, а благочиннымъ вмѣнить въ обязанность, при представленіи къ наградамъ, въ своихъ донесеніяхъ означать, кѣмъ изъ священниковъ устроены часовни; в) предложить епархіальному архитектору составить планъ и фасадъ образцовой кладбищенской часовни, который, по одобреніи, отгравировать и выдавать священникамъ и церковнымъ старостамъ въ видѣ утвержденного проекта для построенія часовень.

Списокъ пожертвованій на возобновленіе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма.

На украшеніе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма и возобновленіе ризницы поступили пожертвованія отъ нижеслѣдующихъ лицъ: отъ инспектора Екатеринославской духовной семинаріи, М. Я. Монастырева 5 р.; отъ жителей деревни Новоселовки, что у города Харькова, 53 р. 37 к.; отъ священника Харьковской кладбищенской Усѣкновенской церкви, Георгія Волобуева и старосты той-же церкви К. Залѣскаго 100 р.; отъ діакона Харьковской кладбищенской Муромосидкой церкви, Кирилла Попова 2 р.; отъ прихожанъ той-же церкви 11 р. 80 к.; отъ протоіерея Харьковской Троицкой церкви, Николая Лащенкова 2 р.; отъ священника той-же церкви, Стефана Петровскаго 1 р.; отъ діакона той-же церкви Евгенія Григоревича 1 р.; отъ діакона той-же церкви Александра Подольскаго 1 р.; отъ старосты той-же церкви Никиты Сѣрикова 25 р.; отъ прихожанъ той-же церкви: Никиты Полуехтова 10 р., Марія Фарафоновой 5 р., Гладкова 4 р., Бородина 4 р., А. Тимофѣева 3 р., Е. Т. Тимофѣевой 3 р. и отъ другихъ прихожанъ 55 р. 50 к.; кружечнаго сбора той-же церкви 1 р. 2 к.; отъ старосты Харьковской Благовѣщенской церкви Θεодора Ширяева 10 р.; отъ прихожанъ той-же церкви: Константина Уткина 10 р., Ивана

Вихрева 3 р., П. В. Токарева 3 р., З. Г. Сергѣева 3 р., Д. М. Мильчо 2 р. и отъ другихъ прихожанъ той-же церкви 4 р.; кружечнаго сбора той-же церкви 13 р.; отъ причта Харьковской Архангело-Михайловской церкви 26 р.; отъ настоятеля Харьковской Воскресенской церкви, протоіерея Гавриіла Ѳedorовскаго 2 р.; отъ прихожанъ той-же церкви 18 р. 5 к.; кружечнаго сбора той-же церкви 23 р. 70 к.; отъ священника Харьковской Дмитріевской церкви, Петра Мигулина 10 р.; отъ прихожанъ той-же церкви: Муравьева 10 р., П. А. Шаховскаго 5 р., А. Н. Ключнова 3 р., Сазонова 3 р., Бежанова 2 р., М. Ф. Тарановой 2 р. и отъ другихъ прихожанъ той-же церкви 17 р. 40 к.; кружечнаго сбора той-же церкви 2 р. 50 к.; отъ настоятеля Харьковской Свято-Духовской церкви, протоіерея Василія Левацковскаго 2 р.; отъ священника той-же церкви, Николая Моценкова 2 р.; отъ прихожанъ той-же церкви: Наталіи Садовниковои 3 р., М. С. Кухирскои 3 р., А. П. Ольховскои 2 р. и отъ другихъ прихожанъ той-же церкви 8 р. 50 к.; кружечнаго сбора той-же церкви 12 р. 35 к.; отъ священника Харьковской Преображенской церкви, Василія Лихницкаго 3 р.; отъ священника той-же церкви, Михаила Румянцева 3 р.; отъ діакона той-же церкви Павла Стахевича 1 р.; отъ діакона той-же церкви Іоанна Невпригина 1 р.; отъ прихожанъ той-же церкви 12 р.; кружечнаго сбора той-же церкви 10 р.; отъ священника Харьковской Всесвятской церкви, Василія Попова 5 р.; отъ священника той-же церкви, Николая Гутникова 2 р.; отъ прихожанъ той-же церкви 6 р. 50 к.; кружечнаго сбора той-же церкви 3 р. 50 к.; отъ священника Харьковской Рождество-Богородичной церкви, Аволіона Ковалевскаго 1 р.; отъ діакона той-же церкви А. Попова 50 к.; отъ прихожанъ той-же церкви: П. С. Дубровина 3 р., М. Ф. Тарановой 2 р., Пономарева 2 р. и отъ другихъ прихожанъ той-же церкви 8 р. 15 к., кружечнаго сбора той-же церкви 2 р. 22½ к.; кружечнаго сбора Харьковской Петро-Павловской церкви 2 р. 46 к.; отъ священника Христо-Рождественской церкви, слободы Аннець, Харьковскаго уѣзда, Іліи Черняева 10 р.; отъ прихожанъ той-же церкви 10 р.; отъ священника сл. Большихъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда, Григорія Лобковскаго 10 р.; отъ священника Николаевской церкви сл. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, А. Горайна и отъ прихожанъ той-же церкви 13 р.; отъ протоіерея Александра Цисаревскаго 5 р.; отъ священника Тихоновской церкви, селенія Титаренкова, Старобѣльскаго уѣзда, Данила Ветухова 10 р.; отъ священника слободы Нижней-Шокровки, Старобѣльскаго уѣзда, Ва-

силія Иннокова 6 р.; отъ заштатнаго священника Воскресенской церкви г. Сумъ, Александра Степурскаго 25 р.; отъ причта Покровской церкви, сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда 41 р.; отъ прихожанъ той-же церкви 87 р.; отъ священника села Высочиновки, Зміевского уѣзда, Василя Торанскаго 2 р.; отъ священника Иверско-Богородичной церкви, села Бѣжевки, Лебединскаго уѣзда, А. Лихницкаго 3 р.; отъ діакона той-же церкви, Іустина Григоровича 1 р.; отъ прихожанъ той-же церкви 4 р.; отъ священника Василя Алексѣевского 3 р.; отъ священника Іоанна Ѳедоровскаго 3 р.; отъ протоіерея Михаила Павлова 3 р.; отъ священника Александра Ветухова 3 р.; отъ священника М. Моисеева 3 р.; отъ священника Николая Матвѣева 5 р.; отъ священника Меодія Лядскаго и его прихожанъ 15 р.; отъ священника Іоанна Иннокова 4 р.; отъ священника Георгія Капустянскаго 3 р.; отъ священника Михаила Сепавина съ причтомъ 3 р.; отъ священника Андрея Лядскаго 3 р.; отъ священника Антонія Уманцева 2 р. 50 к.; отъ протоіерея Михаила Ветухова 2 р.; отъ священника Алексѣя Лобковскаго 2 р.; отъ священника Іоанна Ястремскаго 2 р.; отъ священника Харлампія Твердохлѣбова 2 р.; отъ священника Димитрія Пантелеймонова 2 р.; отъ священника Андрея Базилевича 2 р. 50 к.; отъ священника Василя Мантулина 2 р.; отъ священника Аполлона Станкова 2 р.; отъ священника Николая Склярова 2 р. и отъ другихъ духовныхъ лицъ, 18 р.; отъ прихожанъ соборной Троицкой церкви города Зміева 24 р.; отъ причта и приходскаго старосты слободы Колодязной, Купянскаго уѣзда, 10 р.; всего 912 р. 52½ к.

Правленіе Харьковской духовной семинаріи считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность вышеозначеннымъ жертвователямъ и при семъ имѣетъ честь извѣстить, что пожертвованія могутъ быть присылаемы въ правленіе семинаріи, или на имя ректора семинаріи, или на имя церковнаго старосты при семинарской церкви, преподавателя Семена Ѳомепко.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Награжденъ набедренникомъ священникъ, слободы Торской, Купянскаго уѣзда, *Алексій Оптовцевъ*.

— Определенъ штатнымъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви, сл. Ново-Николаевки, Купянскаго уѣзда, п. д. псаломщика *Алексій Рубинъ*.

скій и сверхштатнымъ къ той-же церкви п. д. псаломщика *Алексій Рубинскій*.

— И. д. псаломщика Георгіевской церкви сл. Варвенковой, Изюмскаго уѣзда, *Николай Любарскій*, переимѣненъ тѣмъ-же званіемъ къ Успенской новоустроенной церкви въ той-же слободѣ.

— Награжденъ похвальнымъ листомъ церковный староста Пророко-Ильинской церкви села Березоваго, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ *Тимошей Шевченко*.

— Утверждены церковными старостами: къ Сошествіевской церкви слободы Ново-Екатеринославля, Куянскаго уѣзда, купецъ *Василій Бабинъ*; къ Вознесенской церкви слободы Ново-Ольшаной, Куянскаго уѣзда, крестьянинъ *Михаилъ Костенко*; къ Николаевской церкви слободы Каміанки, того-же уѣзда, крестьянинъ *Емѣянъ Скиткинъ*; къ Крестовоздвиженской церкви села Новаго, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ *Макарій Яковенко*; къ церквамъ Богодуховскаго уѣзда: Предтечевской села Лютовки крестьянинъ *Павелъ Лысенко*, Николаевской села Ряснаго, графъ *Валеріанъ Подгоричани-Петровичъ*; къ Рождество-Богородичной церкви сл. Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Павелъ Усенко*, и къ церквамъ слободы Лямаца, Зміевскаго уѣзда: къ Архангело-Михайловской крестьянинъ *Моисей Чавя* и Крестовоздвиженской *Сергій Шевченко*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Пастоятельское въ слободѣ Чебановкѣ, Старобѣльскаго уѣзда.

Псаломщицкое въ слободѣ Нижней-Покровкѣ, Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Сужденія сельскаго учителя о церковно-приходскихъ школахъ.—По-
жертвованіе на церковно-приходскую школу.—Складъ иконъ и книгъ религіозно-
правственнаго содержанія.—Газетные толки о штундѣ.—Магистерскій диспутъ
въ Московской духовной академіи.—Новый вселенскій патріархъ Іоаннъ VI.—
Двадцатипятилѣтіе ж. Union Chrétienne.—Галиційскіе гости.—Юные паломники
изъ Харькова.—Возстановленіе древняго „столповаго“ пѣнія.—Правительственный
сообщенія о студенческихъ беспорядкахъ въ Кіевѣ и Москвѣ.—Цоправка.

— Его преосвященство, преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ
Харьковскій и Ахтырскій, просилъ ввѣренное ему духовенство от-
крывать, гдѣ только возможно, церковно-приходскія школы. Нель-
зя не сочувствовать этому святому и великому дѣлу, на которое,
по волѣ нашего Государя, призывается наше духовенство, для бла-
га Церкви и родины. Миѣ, какъ православному и русскому и близ-
ко стоящему къ народу и народному образованію, дорого все род-
ное и знакомо стремленіе народа ко всему религіозному, церковно-
му, знакомъ и тотъ взглядъ народа, какой онъ имѣетъ на суще-
ствующія земскія школы, знакомо и то, что онъ ожидаетъ отъ вновь
открывающихся церковно-приходскихъ школъ, съ чѣмъ именно я
и постараюсь въ короткихъ словахъ познакомить читателей журна-
ла „Вѣра и Разумъ“.

Народъ нашъ (крестьяне, мѣщане и торговцы въ селахъ и де-
ревняхъ) мало сочувствуетъ (чтобы не сказать болѣе) существую-
щимъ теперь земскимъ школамъ:—въ этихъ школахъ отведено ма-
ло мѣста религіи и всему церковному, чѣмъ именно и силенъ рус-
скій народъ и чѣмъ онъ именно и дорожитъ. Если эти школы и
полны учениками, то это происходитъ отъ того, что народу нѣтъ
другаго исхода: онъ чувствуетъ, что учиться надо, а школа одна—
школа земская, потому онъ и ведетъ туда своихъ дѣтей, но при
всякомъ удобномъ случаѣ высказываетъ на нее свое неудовольствіе,
даже порицаетъ ее и говоритъ это прямо въ глаза учителю этой
школы. За что-же недоволенъ нашъ народъ существующею зем-
ской школой? На этотъ вопросъ я уже почти отвѣтилъ: въ ней ма-
ло учатъ божественному и вообще всему церковному. Крестьяне,
и вообще сельскіе жители, укоряютъ школу, что дѣти ихъ не вы-
учиваются тамъ молиться Богу, что не знаютъ Св. исторіи, что
не умѣютъ читать по церковному, что не умѣютъ пѣть въ церкви,
что въ ней учатъ все сказки да басни, что она научаетъ только
пѣть „козлика“ и т. п., что, наконецъ, дѣти ихъ мало посѣщаютъ

церковь Божию. Эти и подобныя имъ укору на существующую школу можно слышать почти сплошь и рядомъ въ селахъ и деревняхъ, эти укору очень важны—и я думаю, что на нихъ могутъ быть и возраженія, на которыя я и постараюсь теперь-же отвѣтить.

Мнѣ возразятъ, что научить въ школахъ дѣтей молиться Богу и знать все священное, даже, пожалуй, и читать по церковному—дѣла священника-законоучителя, что обвинять въ этомъ существующую земскую школу значитъ заранѣе обвинять и возникающую, или скорѣе, вѣрнѣе—возрождающуюся, церковно-приходскую школу, такъ какъ теперешніе священники-законоучители будутъ учить этому предмету и въ церковно-приходскихъ школахъ, а если они теперь не могли выполнить то, что на нихъ лежало, то и въ своихъ школахъ не выполнятъ. На это я отвѣчу, что священники не выполняютъ въ земскихъ школахъ возложеннаго на нихъ дѣла—это отчасти правда; но нужно принять во вниманіе, что имъ нѣтъ тамъ возможности это сдѣлать: имъ дано въ земскихъ школахъ на все это на 3 отдѣленія 2 урока, или 4 часа въ недѣлю. Не насмѣшка-ли это?—4 часа въ недѣлю на самое существенное, на силу и крѣпость семьи и государства, а 26 часовъ на то, безъ чего, пожалуй, можно и обойтись! Что-же можетъ законоучитель сдѣлать въ школѣ въ эти 4 часа въ недѣлю? Что въ эти 4 часа въ недѣлю законоучитель очень мало успеетъ въ школѣ по своему предмету, видно уже изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ, самые ревностные, просили учебное начальство дозволить имъ вмѣсто 2 уроковъ въ недѣлю давать по 4 урока, даже бесплатно эти два другіе урока. Мнѣ извѣстны эти законоучители. Что-же это доказываетъ? На этотъ вопросъ излишне отвѣчать: онъ самъ за себя говоритъ. А когда школа будетъ въ непосредственномъ вѣдѣніи духовенства, тогда этого уже не будетъ: тогда главное мѣсто въ пей оно отвсдетъ божественному и церковному—и школа вполне удовлетворитъ религіозной потребности народа.

Далѣе. Мнѣ скажутъ, что церковному чтенію отведено достаточно мѣста въ школѣ существующей и этимъ чтеніемъ занимаются болышею частью учителя, такъ какъ законоучителямъ рѣшительно нѣтъ времени заниматься имъ. Но учителя (болышинство изъ нихъ) сами плохо умѣютъ читать по славянски—какъ-же они научатъ читать на этомъ языкѣ ребенка? А научить его этому чтенію необходимо. Какъ они научатъ ребенка читать по славянски, если сами плохо владѣютъ этимъ чтеніемъ, да еще такъ научатъ чтобы онъ читалъ въ церкви, чего именно и добивается народъ?

А для этого, кромѣ знанія славянскаго чтенія, нужно знать хотя немного и порядокъ этого чтенія въ церкви, что рѣдкій учитель знаетъ.

А о церковномъ пѣніи и говорить нечего: можно навѣрное сказать, что его знаетъ рѣдкій учитель и то кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, такъ что о правильномъ церковномъ пѣніи почти ни одинъ изъ учителей и понятія не имѣетъ. Какъ-же они будутъ учить этому пѣнію въ школахъ? А потому въ земскихъ школахъ правильного церковнаго пѣнія нигдѣ и нѣтъ и быть не можетъ. А это пѣніе имѣетъ весьма важное значеніе въ религіозно-нравственномъ воспитаніи народа.

Далѣе. Мнѣ скажутъ, что во всѣхъ земскихъ школахъ учителя водятъ дѣтей въ церковь, а потому обвиненіе, „что дѣти (въ этихъ школахъ) мало посѣщаютъ церковь Божию“—совершенно неосновательно. Да, въ земскихъ школахъ водятъ дѣтей въ церковь, но когда? Когда сухо и тепло, да въ великаторжественные дни — и то только къ обѣднѣ, и то только тогда, когда „перетрезвонятъ“ во всѣ колокола, т. е. тогда, когда проскомидія уже совершена и часы прочитаны, и своимъ приходомъ только нарушаютъ торжественность и святость совершаемаго богослуженія и производятъ непозволительный шумъ въ церкви, въ вечернѣ и въ утрени они бывають только тогда, когда говѣють. Но и на это могутъ возразить, что нельзя-же дѣтямъ въ дождь и грязь ходить въ церковь, что иногда сильные холода не позволяютъ имъ это сдѣлать, а къ вечернѣ и утрени они не являються большею частью потому, что первое богослуженіе совершается иногда поздно вечеромъ, когда дѣтямъ опасно возвращаться домой, а второе—рано утромъ, когда дѣти спятъ. Что это причина не уважительная—читатель увидить ниже. Что-же изъ этого происходитъ?

Еще не такъ давно было время, когда церковь была полна не только во время совершенія въ ней божественной литургіи, но также и во время утрени и даже вечерни, а теперь во время вечерни и утрени бывають большею частію только старики. Отчего бы это?— Я думаю, что въ этомъ не мало виновата существующая школа: она съ ранняго дѣтства не приучила своихъ питомцевъ посѣщать всякое богослуженіе; это вошло въ ихъ привычку, съ лѣтами ихъ выросла и укрѣпилась и эта пагубная привычка, а потому неумудрено, что прежніе питомцы этой школы, сдѣлавшись уже молодыми людьми и отцами семействъ, не посѣщаютъ теперь церковь во время совершенія въ ней утрени и вечерни, кромѣ великихъ празд-

никовъ, не считая день недѣльный, день воскресенія за великій праздникъ, не посѣщаютъ въ этотъ день даже и литургін, если только въ этотъ день бываетъ непогода или холодъ, а между тѣмъ въ шинокъ идутъ, не смотря ни на дальность его разстоянія, ни на погоду и холодъ. Да, печальное явленіе, но оно, къ стыду православныхъ, существуетъ въ настоящее время въ селахъ и городахъ. Повторяю, что въ этомъ грустномъ явленіи не виновата и существующая школа.

Звонятъ къ обѣднѣ; народъ идетъ въ церковь, но не входитъ въ нее, а стоитъ возлѣ церкви и разговариваетъ въ то время, когда совершается проскомидія и читаются часы, въ это время въ церкви присутствуютъ опять-таки только старики. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ священникъ загонялъ въ церковь своихъ прихожанъ, стоявшихъ возлѣ церкви. Дѣло было въ великій постъ во время говѣнья; звонить перестали, священникъ давно уже въ церкви, но служить часы не начинается: ожидаетъ, пока войдутъ говѣющіе, ожидавшіе „трезвону“; и вотъ, наскучивъ напраснымъ ожиданіемъ, священникъ принужденъ былъ выслать сторожа и загнать народъ въ церковь. Такъ точно и во время совершенія литургін: народъ большею частію не входитъ въ церковь раньше трезвона. Хотя въ этомъ случаѣ отчасти виноваты и священники: они до „трезвона“ совершаютъ частныя службы — молебны, панихиды, которыя иногда продолжаются довольно долго, но я считаю, что тутъ виновата и существующая школа: молодежь пріучилась къ этому, т. е. ожидать „трезвону“ въ школѣ, — хотя процентъ учившихся въ школѣ и сдѣлавшихся теперь уже взрослыми и невеликъ но примѣръ заразителенъ.

Итакъ, теперешняя земская школа не удовлетворяетъ религіозной потребности народа, даже болѣе — портитъ его въ этомъ отношеніи. Совсѣмъ другое дѣло школа церковная; она хотя не научитъ баснямъ, не научитъ знать, отчего бываетъ дождь, градъ и т. п. физическія явленія, не научитъ, что есть Меркурій, Венера и другія небесныя свѣтила, не научитъ, что у кошки есть голова, уши, глаза, ноги, хвостъ и т. п., не научитъ пѣть „козлика“ и т. п., но за то научитъ крѣпкой вѣрѣ въ Бога, научитъ любить Его и исполнять Его божественный законъ, научитъ жить по вѣрѣ и исправно и съ благоговѣніемъ посѣщать храмъ Божій, — однимъ словомъ научитъ тому, въ чемъ „животъ и спасеніе“, т. е. научитъ быть настоящими, по вѣрѣ и дѣламъ, христіанами, а не быть ими только по имени. Такъ я понимаю задачу вновь открывающихся

церковно-приходскихъ школъ. Я самъ учился въ такой школѣ; давно это было; діаконъ былъ учителемъ. Школа наша была биткомъ набита учащимися: сидѣли и стояли вездѣ, гдѣ только можно было. Не красива была наша школа, но за то она воспитала въ насъ любовь ко всему божественному и церковному, научила не пропускать никакого богослуженія. Прошло болѣе 20 лѣтъ съ того времени, какъ я оставилъ эту школу, но любовь эта во мнѣ и теперь, благодареніе Богу и моему учителю, отцу діакону, еще не угасла. Вотъ такая-то школа и нужна народу, такой онъ и желаетъ, а потому церковно-приходскія школы будутъ по сердцу народу и будутъ любимы имъ.

Школы эти пока туго будутъ открываться, такъ какъ открытіе ихъ и содержаніе расчитано на „благотворительность“, но энергія духовенства, его любовь къ народу и желаніе принести ему добро и, наконецъ, время—все должно преодолѣть. На самомъ дѣлѣ: чтобы поставить церковно-приходскія школы не на песокъ, а на камень, т. е. дать имъ средства къ безбѣдному существованію, наше духовенство должно понести не мало труда и хлопотъ; но, по моему, оно, прежде чѣмъ обратиться къ помощи правительства на открытіе и содержаніе своихъ училищъ, должно обратиться за этой помощью къ самому народу, для котораго и открываются названныя школы. Духовенство живетъ среди народа и съ народомъ, а потому объ этомъ ему бываетъ много случаевъ говорить съ народомъ; оно можетъ говорить: и съ церковной кафедры, какъ о дѣлѣ религіозномъ, и на общественныхъ сходахъ, какъ о дѣлѣ, близко касающемся всего поселенія, и послѣ совершенія частныхъ требъ въ домахъ прихожанъ (свадебъ, похоронъ, молебновъ), когда бываетъ собраніе прихожанъ, и въ частныхъ бесѣдахъ. Спаситель сказалъ: „просите—и дастся вамъ, толците—и отверзется“,—и я думаю, что „временныя и безвременныя“ просьбы духовенства къ прихожанамъ не будутъ безплодны; я думаю, что общества съ радостію передадутъ и существующія теперь училища въ руки духовенства, такъ какъ оно будетъ учить ихъ дѣтей „божественному и всему церковному“. Мнѣ приходилось уже слышать отъ земскихъ заправиль, что если только общества отдадутъ училища духовенству, то оно, земство, откажется помогать этимъ училищамъ,—но это едва ли будетъ справедливо: куда же оно будетъ дѣвать деньги, собираемыя съ обществъ на народное образованіе? Неужели на университеты, гимназін и другія средне-учебныя заведенія, почти недоступныя для народа, да и ненужныя ему? Я думаю, что общества выравъ потребовать помощи отъ земства на любимыя шко-

лы,—и земства не въ правѣ будуть отказать имъ, такъ какъ они будуть требовать только своего, что внесли на школы.

Дѣйствительно, трудно будетъ на первыхъ порахъ этимъ школамъ, трудно будетъ и настырять исправлять народъ посредствомъ школы, но Богъ милостивъ и велика и крѣпка къ Нему любовь русскаго народа. Добро должно восторжествовать: не пройдетъ и десятка лѣтъ—и церковно-приходскія школы достигнутъ своего. Дай Богъ!

Сельскій учитель С. К.

— Братія Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря, послѣ изданія правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, единогласно рѣшила жертвовать часть братскихъ доходовъ (200 р.) на жалованье учителю, которому дать сверхъ того отъ монастыря столъ и квартиру, съ тѣмъ, чтобы онъ обучалъ бѣднѣйшихъ лѣтей мужскаго пола вятскихъ гражданъ въ открываемой при монастырѣ церковно-приходской школѣ на 25 человекъ. По резолюціи преосвященнаго Тихона объ этомъ поступкѣ братіи объявлено въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ для примѣра духовенству епархіи.

— У воротъ Александро-Невской лавры недавно открытъ складъ иконъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, принадлежащій „Петербуржскому епархіальному братствуво имя Пресвятыя Богородицы“. Складъ заключаетъ въ себѣ оченьзначительное количество иконъ и книгъ. Иконы (картины) весьма хорошей отдѣлки, рисованы красками и исторически вѣрны. Цѣнность ихъ весьма незначительна и доступна всякому, именно—отъ 2-хъ копѣекъ. Всякій согласится съ тѣмъ, что ознакомленіе простаго народа нашего съ хорошими изображеніями священно-историческихъ событій и лицъ, составляетъ весьма важное дѣло въ его религіозномъ просвѣщеніи. Изъ книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, между прочимъ, находятся тамъ: житіе св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго, житіе святителя Тихона Задонскаго, Митрофанія Воронежскаго, Авраамія Хутынскаго и др. Всѣ книги и брошюры напечатаны на весьма хорошей бумагѣ и украшены рисунками, соответствующими содержанію. Цѣна незначительная—отъ 2 до 20 копѣекъ. Подборъ книгъ какъ нельзя болѣе соответствуетъ потребностямъ народа. Народъ нашъ любитъ читать отъ божественнаго, и житія святыхъ—излюбленное его чтеніе, потому что оно понятно для народа.

— Вѣроятно въ связи съ съѣздомъ епископовъ въ Кіевѣ находится то явленіе, что въ послѣднее время въ свѣтскихъ газетахъ оживились толки и даже пренія о штундизмѣ.

Разсуждали газеты и о мѣрахъ противъ штундистовъ. Въ этомъ отношеніи „Кіевлянинъ“ (№ 208) выразилъ мысль, что „принятія мѣръ противъ этой секты, хотя и действительно необходимыхъ, трудно ожидать въ возможно широкомъ и полномъ объемѣ. Дѣло въ томъ, что мѣры противъ штундизма затрогиваютъ массу разнообразныхъ сторонъ въ положеніи народа и духовенства, удовлетворительное преобразование которыхъ требуетъ много времени и труда“. Эту массу сторонъ газета выставляетъ на видъ по брошюрѣ А. Д. Ушинскаго „О причинахъ появленія рационалистическихъ ученій штунды“, по которой такими причинами были: а) темнота и неудобопонятность многихъ мѣстъ въ церковныхъ службахъ и несогласіе церковныхъ книгъ, особенно Псалтири, съ русскимъ переводомъ Св. Писанія; б) плохое, невнятное чтеніе и пѣніе въ сельскихъ церквахъ, большею частью не имѣющихъ діаконовъ, а только одного священника и причетника; в) религіозное невѣжество въ простомъ народѣ, происходящее, между прочимъ, отъ того, что многіе священники мало объясняютъ крестьянамъ основные догматы православной вѣры, значеніе таинствъ и обрядовъ церковныхъ и смыслъ всего, что читается и поется въ церкви; священники-же не исполняютъ этой своей обязанности потому, что одни изъ нихъ (въ многолюдныхъ и богатыхъ приходахъ), имѣя много земли, увлекаются сельско-хозяйственною промышленностью и не имѣютъ времени заниматься религіознымъ образованіемъ своей паствы, другіе-же (въ малыхъ и бѣдныхъ приходахъ), подъ гнетомъ домашнихъ нуждъ, больше заботятся объ увеличеніи средствъ своего существованія или-же о переходахъ въ лучшіе приходы; г) злоупотребленія нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ при взиманіи платы за требосправленія; д) унижительный для духовенства способъ собиранія по домамъ прихожанъ подаяній хлѣбомъ и другими продуктами, при праздничныхъ хожденіяхъ съ молитвою по приходамъ; е) безнравственный народный обычай сопровождать пѣнствомъ нѣкоторыя церковныя священнодѣйствія, а особенно іѣнчаніе браковъ; ж) нерадивое отношеніе къ своимъ обязанностямъ и недобрительное поведеніе нѣкоторыхъ съ рясницею и переселеніемъ жителей, допускаемое по слабости надзора и потворству мѣстныхъ благочинныхъ. Такимъ образомъ, существованіе штундизма тѣсно связано съ нѣкоторыми народными обычаями, всегда туго измѣняющимися, съ народнымъ образованіемъ, съ его бытомъ умственнымъ и нравственнымъ, съ матеріальнымъ бытомъ духовенства, объ улучшеніи котораго, при настоящемъ финансовомъ положеніи страны,

газета не считаетъ возможнымъ и думать, хотя другіе, какъ недавно еще г. Гиляровскій, смотрятъ на этотъ важный вопросъ менѣе безнадежно и не перестаютъ серьезно трудиться надъ его разрѣшеніемъ. Полагая, что и съѣздъ епископовъ врядъ-ли можетъ предложить противъ штунды какія-либо рѣшительныя мѣры, газета указываетъ только одну изъ немногихъ, уже и теперь возможныхъ, мѣръ борьбы противъ штундизма. Между условіями, благоприятствующими и неблагоприятствующими распространенію штунды, наиболѣе важно — личность православнаго священника. „Во многихъ приходахъ, гдѣ священники строго и безукоризненно исполняютъ свои пастырскія обязанности, штундизмъ не только не успеваетъ корнѣй, но мало-по-малу чахнетъ, и даже изъ штундистовъ много посѣщаютъ церкви и исполняютъ почти все церковныя обряды. Въ бывшихъ униатскихъ приходахъ Привислянскаго края происходитъ то же самое. Одни изъ приходскихъ священниковъ жалуются на трудность борьбы съ вліяніемъ католической пропаганды между бывшими униатами, между тѣмъ какъ въ другихъ приходахъ объ этомъ вліяніи нѣтъ и рѣчи, крестьяне вполне довѣряютъ своимъ священникамъ, совѣтуясь съ ними во всехъ затруднительныхъ случаяхъ, и сомнѣнія ихъ, навѣяныя извнѣ, во-время разсѣваются. Бывало даже, что съ переменой священника, между крестьянами, до того времени отличавшимися стойкостью въ дѣлѣ православія, появлялись сомнѣнія, и противъ пропаганды должны были припиматься особыя мѣры“. По мнѣнію газеты, „для борьбы со штундизмомъ слѣдовало-бы воспользоваться лучшими и наиболѣе опытными изъ священниковъ, съ каковою цѣлью слѣдовало-бы въ мѣстности, гдѣ господствуетъ штунда, назначать наиболѣе выдающихся своею жизнію и знаніемъ священниковъ, даже по возможности съ высшимъ богословскимъ образованіемъ“.

— 5-го октябрю въ Московскои духовной академіи защищала свою диссертацию на степень магистра священникъ Харьковскаго кафедральнаго собора, о. Тимофей Ивановичъ Буткевичъ. Сочиненіе его носитъ заглавіе: „Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Опытъ историко-критическаго изложенія евангельской исторіи съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою“. Официальными оппонентами магистранту были профессоръ Д. О. Голубинскій и доцентъ М. Д. Муретовъ. Защита признана удовлетворительною и профессоръ Д. О. Голубинскій, какъ мы слышали, сдѣлалъ лестный отзывъ объ ученомъ трудѣ новаго магистра. О. Тимофей сынъ священника Харьковской епархіи, по окончаніи въ 1875 году курса

въ Харьковской семинаріи, былъ отправленъ на казенный счетъ въ Московскую академію, откуда онъ долженъ былъ выдти по болѣзни, не окончивши полнаго курса, а слѣдовательно, и не получивши никакой ученой степени. Возвратившись на родину и поправивши свое разстроенное здоровье, Т. П. Буткевичъ посвятилъ себя пастырскому служенію и былъ опредѣленъ священникомъ въ с. Вѣловодскъ, Старобѣльскаго уѣзда. Исполняя обязанность пастыря, о. Тимошей не оставлялъ своей пріобрѣтенной еще въ учебныхъ заведеніяхъ, привычки къ научному труду и, занимаясь изученіемъ богословской науки, онъ, въ маѣ 1879 г., снова поступивъ въ число студентовъ, выдержалъ экзаменъ на степень кандидата Московской академіи. Скоро изъ Вѣловодска онъ переведенъ былъ къ соборной церкви города Старобѣльска, оттуда, черезъ 2 года, въ Харьковъ къ кладбищенской Іоанно-Усѣкновской церкви, а въ сентябрѣ текущаго года опредѣленъ священникомъ въ Харьковскій кафедральный соборъ. Кромѣ обязанностей пастыря, о. Тимошей всегда несъ на себѣ и другія обязанности. Такъ, во время своего служенія въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, онъ былъ членомъ училищнаго Совѣта, въ настоящее время состоитъ предсѣдателемъ Совѣта жепскаго епархіальнаго училища (за усердіе и энергію, которыя онъ проявлялъ въ заботахъ о благомъ этого учрежденія, XI епархіальный съѣздъ выразилъ ему искреннюю благодарность и опредѣлилъ ежегодное вознагражденіе въ количествѣ 300 р. сер.), членомъ епархіальнаго Совѣта по церковно-приходскимъ школамъ, законоучителемъ въ 1-й женской гимназіи, принимаетъ участіе въ религіозно-нравственныхъ бесѣдахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ съ народомъ и, наконецъ, своими литературными трудами участвуетъ въ нашемъ и др. журналахъ. Не смотря на все это, о. Тимошей нашелъ время для написанія сочиненія на степень магистра богословія и съ успѣхомъ защитилъ оное. Кромѣ поименованнаго сочиненія есть еще не мало литературныхъ произведеній плодовитаго и талантливаго магистра, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующія: „Полувѣковая борьба христіанскаго богословія на западѣ и его современные задачи“, „Пессимизмъ Шопенгауера въ его отношеніи къ христіанству“, „Новое нѣмецкое сочиненіе „Жизнь Іисуса Христа“ Вейсса (Das Leben Jesu, Weiss. 1882 года) („Православ. Обзоръ.“), „Народная школа и духовенство“, „Невинные изгнанники“ („Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1883 г.), „Пипокентій Борисовъ“, „Штундизмъ и Пашковщина“, „Значеніе философіи въ системѣ семинарскаго курса и преимущества ея въ этомъ отношеніи предъ математикою и

другими общеобразовательными предметами“ („Вѣра и Разумъ“) и множество другихъ. Въ заключеніе о диспутѣ должно сказать, что это былъ первый диспутъ, обставленный согласно требованіямъ новаго академическаго устава. Студенты и посторонняя публика не допускаясь на диспутъ, какъ это бывало прежде. На немъ, кромѣ профессоровъ, присутствовали только избранныя, особе приглашенныя лица.

— Сѣвернымъ телеграфнымъ агентствомъ получена изъ Константинополя отъ 1 (13) октября весьма важная телеграмма слѣдующаго содержанія: „митрополитъ Деркосскій Іоакимъ избранъ вселенскимъ патріархомъ“.

Его святѣйшество архіепископъ Константинополя и Новаго Рима, вселенскій патріархъ, Іоакимъ IV—человѣкъ еще не старій. Свое богословское образованіе онъ блистательно завершилъ въ богословской школѣ Св. Троицы на островѣ Халки, былъ епископомъ въ Лариссѣ, а затѣмъ занялъ мѣсто митрополита Деркосскаго. Деркоссъ—небольшой городъ на берегу Чернаго моря, недалеко отъ Босфора; митрополитъ-же Деркосскій живетъ въ Терапін, на берегахъ Босфора у самаго Константинополя. По своему сану преосвященный Іоакимъ занялъ мѣсто въ Св. Синодѣ и принималъ участіе въ обсужденіи всѣхъ важныхъ церковныхъ вопросовъ, волновавшихъ Церковь и греческій народъ. Преосвященный Іоакимъ постоянно обнаруживалъ вѣрность сущности и умѣренность въ своихъ требованіяхъ.

Вообще новый патріархъ отличается мягкостью характера и любовью къ наукѣ и прогрессу. Онъ чрезвычайно образованъ и возбуждаетъ къ себѣ всеобщія симпатіи. Разстроенное здоровье заставило его провести минувшую зиму въ Палермо. Только недавно, призванный возникшими между Портой и Церковью несогласіями, вернулся онъ въ Константинополь, гдѣ и былъ избранъ вселенскимъ патріархомъ.

21-го (9-го) октября, новый патріархъ, согласно уставу, отправился въ султанскій дворецъ, чтобы принять облаченіе (инвеституру) изъ рукъ султана. Султанъ принялъ его крайне ласково и возложилъ на него знаки ордена Меджидіе первой степени. Послѣ визита къ султану патріархъ съ большой помпой посѣтилъ Высочую Портъ, а оттуда отправился въ церковь Св. Георгія въ Фанарѣ у Золотаго Рога, гдѣ, при торжественномъ богослуженіи и молебнѣ о ниспосланіи благодати, состоялось окончательное утвержденіе его въ санѣ вселенскаго патріарха.

— Въ предыдущей первой октябрьской книжкѣ нашего журнала,

въ отдѣлѣ „Листка для Харьк. епархіи“ (стр. 581) читатель, конечно, замѣтилъ, что, встрѣтившись съ издающимся въ Парижѣ, въ защиту православія, журналомъ: *L'union chrétienne* на празднованіи имъ 25-лѣтія своего существованія, мы, во избѣжаніе подозрѣнія въ какомъ-либо угодиществѣ, не позволили себѣ пускаться въ достойныя похвалы его почтенному издателю, бывшему католическому аббату, а нынѣ православному іерею нашей парижской церкви, отцу Владиміру Гетте; но и отъ самого юбиляра, по его скромности, не видѣли подробныхъ и обстоятельныхъ указаній на достоинства и заслуги его изданія, а слышали только общій отзывъ о сослуженной имъ, вѣрой и правдой, въ теченіе 25 лѣтъ, православію службѣ, — слышали изъявленія радости, что Богъ милостиво помогъ ему преодолѣть тѣ препятствія, какія на такомъ длинномъ пути не могли не встрѣчаться во множествѣ и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, и устоять противу тѣхъ враговъ и недоброжелателей, которые всячески старались повредить и помѣшать ему въ его вѣроохранительной дѣятельности, — слышали и мужественный обѣтъ доблестнаго борца — идти, съ Божіею помощію, и впредь бодро и неуклонно по пути, по которому шелъ доселѣ.

За то тѣмъ охотнѣе и тѣмъ свободнѣе приводимъ мы отзывъ о достоинствахъ издателя и изданія *L'union chrétienne*, одного швейцарскаго журнала, выходящаго въ Юрскомъ кантонѣ, подъ названіемъ: *Journal de Jura*, — отзывъ, приводимый и самимъ Гетте въ январьской книжкѣ своего журнала, какъ свидѣтельство постороннее и независимое.

„Это интересное ежемѣсячное Обзоріе, — пишетъ Юрскій журналъ, — находится въ своемъ 24-мъ году (паканунѣ своего юбилея). Въ наше время, съ одной стороны, религіознаго индифферентизма, а съ другой, фанатизма, видѣть, не смотря на все это, твердо держащимся журналъ, который не льститъ ни индифферентизму, ни фанатизму, а коритъ ихъ даже съ энергіей, чтобы доказать въ основаніи согласіе между разумомъ и религіею, между наукою и вѣрою христіанскою — это значитъ что-нибудь не малое. Напрасно панисты обходятъ его молчаніемъ; онъ живетъ себѣ и благополучно противится всѣмъ изъ тайнымъ и прикровеннымъ нападкамъ; это его жизнь — разоблачать ихъ плутовства, раскрывать ихъ ухищренія, опровергать ихъ заблужденія; онъ неутомимъ, онъ исполняетъ свое дѣло съ знаніемъ, недоступнымъ для опроверженія, съ увлеченіемъ всегда юношескимъ и, въ особенности, съ тѣмъ благодушіемъ, какое дается полною увѣренностію въ дѣлѣ“.

„Вся эта заслуга собственно принадлежит редактору журнала, доктору, г-ну Гетте. Борець, столько-же мощный, какъ и ученый, способности и плодовитости необыкновенной, онъ считаетъ свои волюмы дюжинами *), гдѣ блещетъ здравый смыслъ, гдѣ мысль всегда ясна, чиста, прозрачна, логика всегда строгая, изложеніе всегда точное, заключеніе всегда сильное, и все это безъ преувеличенія, безъ фразъ, безъ предварительнаго расчета на эффектъ. Это простота правды и искренности, это природа безъ искусства, сердце наружу. Немного священниковъ писали столько, сколько о. Гетте, не говорю, во Франціи только, а и во всей Европѣ, и въ особенности немногіе обнаружили столько чутья въ отысканіи точности, столько вѣрности взгляда въ рѣшеніи трудностей. Онъ порвалъ связь съ Римомъ гораздо задолго до перелома, имѣвшаго въ немъ мѣсто въ 1870-мъ году, предвидя, нѣкоторымъ образомъ, то, что должно было отъ того произойти; онъ очистилъ намъ путь, намъ, которые не нынче, такъ завтра готовы сдѣлаться подобными ему борцами“.

„При своей скромности онъ смѣется, когда говоритъ ему о тѣхъ услугахъ, какія онъ намъ оказалъ, и о томъ почтеніи, какимъ мы ему обязаны-бы были, если-бы мы не знали лучше вѣроисповѣдную исторію нашего вѣка; но эта скромность его есть только новое право на славу, ему неотъемлемо принадлежащую, и его имя всегда, болѣе и болѣе, будетъ благословенно въ устахъ всѣхъ разумѣющихъ дѣло“.

„Но не одну статью, а тысячу статей надобно-бы было написать, если-бы кто захотѣлъ представить точное и обстоятельное свидѣніе о трудахъ P' Union Chrétienne“.

Затѣмъ журналъ входитъ въ частный разборъ статей, помѣщенныхъ въ іюльской книжкѣ L'union Chrétienne прошлаго года; но мы оставляемъ его не тронутымъ, такъ какъ онъ не входитъ въ планъ нашей статьи.

Кто-же этотъ панигиристъ, — спрашиваемъ мы, — воздавшій такую хвалу Гетте и его повременному изданію? Католикъ, еще не оставившій открыто своего вѣроисповѣданія, но, по поводу соблазна, причиненнаго провозглашеніемъ въ 1870-мъ году папской непогрѣши-

*) Весь исподній листъ обертки журнала занятъ перечнемъ сочиненій редактора, которыхъ мы насчитали 34, считая подъ однимъ номеромъ и 25 годовъ изданія L'union Chrétienne и четыре тома „Исторіи Церкви“. Изъ нихъ 18-ть относятся къ тому времени, когда авторъ принадлежалъ еще къ католической церкви, а остальные 16-ть написаны уже тогда, когда перешелъ въ православіе. Въ самомъ дѣлѣ, немногіе изъ священниковъ, какъ православнаго, такъ и другихъ исповѣданій могутъ похвалиться такимъ обиліемъ своихъ сочиненій.

мости, готовый измѣнить католичеству и вступить на вѣроисповѣдную почву, близкую къ православію, и потому въ парижскомъ издателѣ православнаго журнала видящій себя руководителя и будущаго споспѣшника въ предстоящей борьбѣ: Что-же мы по отношенію къ издающемуся, въ защиту православія на дальнемъ Западѣ, „Православному Обзорнію“ и его ревностному и неутомимому издателю? Внимательны-ли мы къ его поучительному труду? Много-ли мы его выписываемъ и много-ли его читаемъ? Увы! Вниманіе наше въ борьбѣ съ католичествомъ и другими неправославными исповѣданіями ограничивается тѣми ихъ проявленіями, какія бросаются въ глаза въ предѣлахъ нашего отечества; а какъ католики и протестанты относятся къ исповѣдуемой нами вѣрѣ за-границей, какъ они ее черпятъ разными клеветами, какъ осмѣиваютъ наши обряды и установленія, какъ насъ выставляютъ отщепенцами, отпадшими отъ истинной вѣры, пустосвятами, чтущими одинъ обрядъ да букву, суевѣрами, приписывающими божественную силу тому, что, по ихъ убѣжденію, вовсе ея не имѣетъ, подъ часъ идолопоклонниками, за поклоненіе иконъ, и чрезъ то русское имя предають на Западѣ презрѣнію и униженію, до того намъ и дѣла нѣтъ. Послѣ этого, не виновны-ли мы предъ почтеннымъ издателемъ L'union Chrétienne за невниманіе къ его интереснѣйшему журналу, въ которомъ онъ задаясь цѣлю ознакомить остальной христіанскій міръ съ существомъ православія, защищать его ученіе и уставы и представить его какъ единственное средоточіе, въ коемъ можетъ объединиться все христіанство? Много-ли у насъ его выписывали? Не большая-ли часть знали его только по имени, а остальные, не принадлежащіе къ интеллигентному классу, не слыхали его и имени. Будемъ-же отсель, по крайней мѣрѣ, съ приведенныхъ нами словъ невѣдомаго въ Россіи швейцарскаго журнала (намъ не въ рѣдкость узнавать достоинство нашихъ людей и ихъ произведеній со словъ чужеземцевъ; довольно вспомнить примѣръ Голубинскаго и Шеллинга),—будемъ, говоримъ, отсель внимательнѣе къ изданію почтеннаго труженика, одиноко подвизающагося на всегда неблагорасположенномъ къ намъ Западѣ, въ дѣлѣ защиты нашей православно-восточной Церкви,—будемъ поучаться на его занимательномъ журналѣ и многочисленныхъ сочиненійхъ, какъ произведенійхъ такого человѣка, который усвоилъ себя православію не по рожденію и воспитанію, но по тщательномъ изслѣдованіи и сравненіи разныхъ вѣроисповѣданій и по свободному убѣжденію въ превосходствѣ и истинности православія,—будемъ заимствовать отъ него оружіе его, „паче меча

острѣйшаго“, слова и пользоваться имъ для отраженія дѣлаемыхъ на наше православіе со стороны иновѣрія нападокъ.

Мы-же, съ своей стороны, для большаго привлеченія вниманія интеллигентной публики къ изданію, проповѣдающему православіе на излюбленномъ французскомъ языкѣ, будемъ, время отъ времени, на страницахъ нашего журнала, дѣлать изъ него подходящія выдержки, а иногда и воспроизводить цѣлыя статьи, какъ послѣднее до сихъ поръ и не разъ дѣлали.

— Въ настоящее время въ Россіи гостятъ извѣстные дѣятели въ пользу православія среди славянъ галичане—о. Наумовичъ, недавно освободившійся изъ мѣста заключенія и В. М. Плонанскій. Повсюду дорогіе гости встрѣчаютъ себѣ радушный пріемъ и гостепрѣимство. Газеты печатаютъ ихъ рѣчи, которыя они говорили на предлагаемыхъ имъ обѣдахъ въ Петербургѣ. Ихъ рѣчи и чувства говорятъ сами за себя о томъ, какъ думаютъ тѣ русскіе, которыхъ исторія и политика разорвали съ Россіею и отбросили въ другое государство. О. Наумовичъ говорилъ слѣдующее: „Мы, галичане, пробудились къ народной жизни постѣ вѣковаго сна лишь съ 1848 г. Не мѣсто пояснять вамъ причины продолжительнаго сна, да и не нужно, потому что это извѣстно всякому, знающему исторію. Пробудившись, мы работали на народной нивѣ съ напряженіемъ всѣхъ нашихъ силъ и, можемъ смѣло сказать, съ самоотверженіемъ. У насъ нѣтъ богатыхъ, нѣтъ дворянства, даже среднее сословіе незначительно. Почвою нашей дѣятельности—самъ народъ, воинливъ сохранившій свою русскую народность и крѣпко придерживающійся своей родной Церкви. Привести народъ къ національному самосознанію, исторгнуть его изъ вѣковаго приниженія, просвѣтить его на началахъ религіозно-нравственныхъ, научить его всему полезному въ области его матеріальнаго быта и гражданскаго самосознанія,—вотъ задача нашихъ дѣятелей. Австрійскіе законы не препятствуютъ такой дѣятельности и не противорѣчатъ ей. Не смотря на это, мы встрѣтились съ препятствіями, затруднившими нашу нуть,—препятствіями такого рода, которыя оказались выше нашихъ силъ. Мы всегда чувствовали, что намъ нужна братская помощь въ борьбѣ съ этими препятствіями. Помощь кунно нравственная и матеріальная. Мы издаемъ книги и газеты, но онѣ рѣдко переходятъ за границу. Богатая, великая Россія мало обращаетъ на нихъ вниманія; мы предоставлены однимъ собственнымъ силамъ,—а мы бѣдны. Наша національная жизнь влечется изо-дня въ день, не вѣдая, что будетъ завтра, и устоитъ-ли она, въ виду грозящихъ

сеі неблагопріятныхъ обстоятельствъ. И кто-же виноваты въ такой нашей немощи? Къ сожалѣнію, виноваты мы сами, что до сихъ поръ еще не сблизились, не заключили узъ братскаго единства на поприщѣ литературномъ. Вотъ цѣль нашей поѣздки по Россіи, не имѣющей иныхъ видовъ. Многіе отъ васъ спрашивали насъ: „какъ поддерживать на дѣлѣ литературную взаимность, когда въ Австріи съ такимъ подозрѣніемъ относятся ко всему, что приходитъ изъ-за кордона?“ Это правда, но это происходило потому, что самыя наши литературныя отношенія представляли какую-то печать таинственности. Этого-же—не должно быть. Таинственности нужно положить конецъ. Нужно, чтобы все было ясно, какъ свѣтлый день. Тогда, я увѣряю васъ, что австрійскіе законы нигдѣ и никогда не явятся препятствіемъ ни дѣлу науки, ни неоспоримому праву національности подданныхъ. Если кое что въ этомъ родѣ случалось, этому виноваты не законы, а исполнители законовъ, злоупотребляющіе ими въ видахъ своихъ частныхъ политическихъ комбинацій. Стоя на законной почвѣ, почитая законную власть, мы имѣемъ полное право пользоваться всеми произведеніями человѣческаго ума, за исключеніемъ однихъ разрушительныхъ теорій, для которыхъ у насъ нѣтъ почвы, которыя намъ отвратительны, ибо мы настоящіе люди, состоящіе на основѣ вѣры и закона“.

„Я провозглашаю тоть во имя духовнаго единенія всехъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы, отъ одного конца русской земли до другаго конца ея!“

Редакторъ газеты „Слово“, В. М. Площанскій, говорилъ съ особымъ оживленіемъ и талантомъ: „М. г. позвольте и мнѣ, какъ другому между вами представителю галицкой Руси, высказать нѣскольکو словъ по случаю сей торжественной, навѣрно любвеобильной, братской, вѣчно памятной для насъ встрѣчи. Мы, галичане, не послѣдніе въ русской семьѣ, и, хотя давно разъединены государственными границами, хотя по волѣ судебъ воспитываемы на не родныхъ намъ началахъ, духовная связь съ вами, вопреки всемъ противнымъ попыткамъ—не прекращалась, и народъ нашъ, погруженный когда-то въ грубомъ невѣжествѣ, понималъ всегда прекрасно, что за рубежами его земли живетъ такой-же какъ и онъ народъ, родственныи ему какъ по языку, такъ по вѣрѣ и обычаямъ. Изъ исторіи нашей за владѣніе Польши находимъ много слѣдовъ непрерывной родной связи съ вами. Примера ради приведу извѣстный фактъ о прибытіи въ русскій Львовъ, 300 лѣтъ тому назадъ, перваго русскаго типографа изъ русской Москвы, не менѣе фактъ

о сношеніяхъ стариннаго львовскаго Ставропигіальнаго братства съ вашими предками и ихъ верховными владѣтелями. Въ исторіи нашей изъ польскихъ временъ читаемъ, что русскіе львовяне отправляли денутатовъ своихъ къ царямъ и великимъ князьямъ московскимъ съ челобитными грамотами и предъявленіемъ своихъ духовныхъ нуждъ. Не смотря на то, галицко-русскій народъ былъ вѣренъ Польшѣ, какъ онъ сегодня—Австріи. Когда б. п. императоръ Николай Павловичъ былъ въ Вѣнѣ, галицко-русская колонія тамъ же предложила русскому монарху привѣтственный стихъ, въ которомъ выступаютъ наряду родныя чувства Руси въ согласіи съ вѣрностію для Австріи. Народъ расположенъ къ братьямъ не иначе. Въ 1849 году, когда проходили русскія войска черезъ нашу Галичъ, мы были свидѣтелями того радунія, съ какимъ онъ принималъ братьевъ своихъ по вѣрѣ и народности, какъ онъ назидался глубокою ихъ вѣрою и религіозностію, и еще сегодня, поелѣ столькихъ лѣтъ, живетъ живое еще воспоминаніе о закордонныхъ братьяхъ. Можетъ-ли и теперь кто-нибудь во зло намъ вмѣнять, что мы пользуемся славнымъ вашимъ гостепріимствомъ? Можетъ-ли кто-нибудь опровергнуть правду, доказанную на лицо, не самою лишь исторіею, а настоящею дѣйствительностію, что тутъ живетъ такой-же народъ, съ такою-же русскою вѣрою, съ такимъ-же русскимъ языкомъ и съ такими-же русскими обычаями и преданіями? А затѣмъ можетъ-ли кто-нибудь изъ честныхъ людей мѣшать намъ свидѣться съ вами, какъ съ своими родными, потолковать съ вами о домашнихъ дѣлахъ, понять другъ друга и съ благодарнымъ чувствомъ, съ скрѣпленнымъ духомъ повернуть къ своимъ занятіямъ съ своимъ? Говорятъ намъ дома, что мы „русофилы“, потому дѣйствуемъ во вредъ своему государству и должны быть преслѣдуемы. Но какъ-же намъ, русскимъ, не быть „русофилами“, какъ-же намъ, русскимъ, не любить себя, не любить своихъ? Говорятъ: мы „панслависты“ и должны за то отвѣчать суду. Пока мы лишь только „панруссы“, такъ какъ полякъ состоитъ „панполономъ“, такъ какъ германецъ „пангерманцемъ“ и проч. Вѣдь полякъ за одно считаетъ Великую Польшу съ Мало-Польшею; ему Познань также дорога, какъ Краковъ или Варшава. Нѣтъ, ему еще мало, онъ посягаетъ даже на Русь, называя оную польскою землею. А намъ-же должна Великая Русь быть чужою? Нѣтъ, вѣка рабства не измѣнили насъ, не отчуждили насъ отъ васъ, не смотря на все попытки сдѣлать насъ отдѣльнымъ какимъ-то „русинскимъ“ народомъ, и даже вамъ враждебнымъ! Нѣтъ, мы не тюрьмою, а кровью готовы, на случай

пужды, засвидѣтельствовать предъ міромъ, что мы счастьемъ и честью для себя считаемъ, какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, быть одно съ вами, быть членомъ великаго русскаго народа, какова-бы ни была наша политическая судьба, наше положеніе. Мы готовы, какъ въ прежнія времена доблестные наши борцы, пасть подъ ударами нашихъ враговъ съ восклицаніемъ: „за вѣру и Русь святую!“ Но мы не предчувствуемъ такого кроваваго столкновенія, настоящее-бы время стремиться къ борьбѣ иного рода, именно къ борьбѣ съ остатками рабства и темноты, которыми страдаетъ нашъ народъ, а оружіемъ къ тому служить трудъ въ области просвѣщенія меньшей братіи. Это цѣль, которую поставило себѣ задачей русское интеллигентное общество. Кончая скромную, слабую мою рѣчь, не могу не коснуться вашей, м. г., снисходительности, которая удостоила насъ великой чести, устраивая сегодня, насъ недостойныхъ ради, общую дружескую трапезу. Собраніе затѣмъ, состоящее изъ самыхъ виднѣйшихъ людей русскихъ, приносящихъ славу и честь своему отечеству, изволить милостиво извинить меня, если я подъ давленіемъ жертвъ настоящей торжественной минуты не въ силѣ высказать больше, какъ поднести ему тостъ нашъ галицкій: „много лѣта!“

(Ц. О. В.).

— По сообщенію „Зари“ на дняхъ, въ Кіевѣ, въ Свято-Троицкую обитель отца Іоны, что на Звѣринцѣ, пришли два одинадцатилѣтнихъ мальчика съ просьбой принять ихъ въ монастырь. Мальчики эти, какъ рассказываютъ они, пришли пѣшкомъ, по полотну желѣзной дороги изъ Харькова. Одинъ изъ нихъ называлъ себя Антономъ Повиковымъ, сыномъ чиновника, жившимъ послѣ смерти отца у роднаго дяди, домовладѣльца въ Харьковѣ. Ушелъ онъ изъ дому потому, что его дядя обращался съ нимъ жестоко, билъ его. Другой мальчикъ, Антонъ Пономаревъ, жилъ въ Харьковѣ у своего родственника, служащаго въ государственномъ банкѣ. Ушелъ изъ дому потому, что хотѣлъ поступить въ монастырь и имѣлъ охоту къ рисованію, которымъ дома ему запрещали заниматься. Бѣжаты мальчики сговорились уже давно, но исполнить свое намѣреніе могли только на дняхъ. Они все время шли пѣшкомъ, ночуя въ деревняхъ, употребляя въ пищу лишь хлѣбъ, который они покупали на собранія раньше деньги. О. Іона согласился ихъ принять въ свою обитель и теперь послать въ Харьковъ къ ихъ родителямъ просьбу прислать документы мальчиковъ.

— Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ возстановляется древнее „столповое“ пѣніе. Какъ извѣстно, говорятъ „Совр. Изв.“, древнее

столповое пѣніе, кромѣ большаго Успенскаго собора, издревле сохранялось и соблюдалось въ соборахъ московскихъ: Архангельскомъ, Благовѣщенскомъ и Новгородскомъ-Софійскомъ. Въ первомъ изъ нихъ оно прекратилось со вступленіемъ на Московскую кафедру митрополита Пиннокентія, во второмъ съ подчиненіемъ собора покойному протопресвитеру В. Б. Бажанову въ 1849 и въ третьемъ— съ сокращеніемъ штатовъ въ кафедральныхъ соборахъ въ 1869 г. Относительно соблюденія столповаго пѣнія въ Архангельскомъ соборѣ было нѣсколько указовъ со стороны московскихъ преосвященныхъ и, между прочимъ, митрополита Тимофея. Въ его указѣ говорится: „по древнему обыкновенію всѣмъ соборникамъ приходиться къ вечернѣ, утренѣ и къ литургіи ежедневно въ соборѣ и отправлять клиросную должность, пріобучаясь тщательно напѣву установленному“. Такимъ образомъ, столповое пѣніе осталось лишь въ Успенскомъ соборѣ и соблюдалось въ немъ соборною братією, съ сокращеніемъ въ 1871 году штата, весьма неохотно, что не разъ вызывало нареканія на соборное духовенство. Наконецъ, въ 1879 г. столповое пѣніе совершенно прекратилось и только въ минувшемъ году стало возстановляться, благодаря распоряженію Синода, чтобы соборное духовенство неупустительно являлось ежедневно въ соборѣ для пѣнія. Но что это за пѣніе? Въ немъ, какъ выражаютъ любители и знатоки древняго пѣнія, весьма мало осталось похожего на то, которое соблюдалось до 1871 года. Въ настоящее-же время „столповое“ пѣніе въ названомъ соборѣ будетъ возстановлено въ точности.

— Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее официальное сообщеніе о кievскихъ безпорядкахъ:

Въ минувшемъ мартѣ коммисія при университетѣ св. Владиміра, состоявшая изъ ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ, обсуждая составъ и порядокъ Высочайше разрѣшеннаго празднованія пятидесятилѣтняго юбилея сего университета, постановила, между прочимъ, включить въ программу торжества особый праздникъ для студентовъ.

Для обсужденія устройства этого студенческаго праздника, ректоръ, по установившемуся въ нѣкоторыхъ университетахъ неумѣстному и вредному обычаю, счелъ нужнымъ пригласить къ себѣ студентовъ, состоявшихъ въ числѣ шестнадцати, такъ называемыхъ, сотрудниковъ общества вспомошествованія студентамъ университета св. Владиміра. Студенты съ видимымъ удовольствіемъ узнали о предполагаемомъ для нихъ праздникѣ, но такъ какъ въ маѣ не было еще ассигновано средствъ для устройства оного, то бесѣда ректора со студентами ограничилась лишь общими соображеніями.

Въ іюнѣ ректоръ уѣхалъ въ отпускъ, изъ коего возвратился 17 августа, когда состоялось уже разрѣшеніе употребить на празднованіе юбилея до 4,000 рублей. Созванная ректоромъ юбилейная коммиссія положила отчислить изъ этой суммы отъ 2½ до 3 тысячъ на устройство студенческаго праздника. При этомъ коммиссія остановилась на мысли устроить гулянье на пароходахъ или-же вечеръ въ ботаническомъ саду и прилегающихъ къ нему строеніяхъ. Ректоръ вновь нашелъ нужнымъ пригласить къ себѣ студентовъ-сотрудниковъ для опредѣленія подробностей устройства праздника. Студенты выразили полную готовность участвовать въ хлопотахъ по устройству праздника и вызывались вліяніемъ на товарищей всячески охранять порядокъ между студентами во время юбилея, прибавляя, что надо увеличить число распорядителей до 30 или 35. Ректоръ изъявилъ на это свое согласіе и предоставилъ студентамъ дать ему списокъ тѣхъ студентовъ, кои могли-бы войти въ число распорядителей. Такъ какъ достать пароходъ для гулянья по Днѣпру оказалось невозможнымъ, то ректоръ, по соглашенію съ студентами, остановился на мысли устроить въ день юбилея въ университетѣ литературно-музыкальный вечеръ и угощеніе студентовъ.

Такъ шло до начала сентября. 2-го сентября студенты-распорядители собрались у ректора и сообщили, что ихъ товарищи недовольны назначеніемъ ихъ въ распорядители вечера, безъ вѣдома самихъ студентовъ, и желаютъ, чтобы студентамъ было представлено утвердить ихъ своими уполномоченными. Ректоръ поставилъ на видъ говорившимъ, что средства для праздника даны правительствомъ; что хозяинъ вечера есть начальство университета, а не студенты; что для утвержденія уполномоченныхъ студентами нѣтъ никакого основанія, и оно не можетъ имѣть мѣста уже потому, что всякія студенческія сходки и выборы строго воспрещены. Въѣтъ съ тѣмъ ректоръ снисходительно дозволилъ студентамъ присоединить еще нѣсколько распорядителей къ уже назначеннымъ, и для того представить ему, посоветовавшись въ частныхъ кружкахъ съ товарищами, списокъ предлагаемыхъ.

2-го сентября прибылъ изъ отпуска попечитель, и, получивъ донесеніе ректора о состоявшихся распоряженіяхъ и о настроеніи студентовъ, выразилъ опасеніе, не подалъ-бы студенческой вечеръ повода къ безпорядкамъ.

3-го сентября, возвратившись отъ попечителя въ университетъ, ректоръ замѣтилъ въ корридорахъ небольшія, нѣсколько возбужденныя группы студентовъ. Онъ пригласилъ къ себѣ въ ректорскую

комнату нѣсколькихъ распорядителей изъ студентовъ и спросить о причинахъ возбужденія. Они отвѣчали, что студенты толкуютъ о нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ и что вообще все обстоитъ благополучно. Въ тотъ-же день, ректоръ пригласилъ студентовъ-распорядителей и другихъ студентовъ, избранныхъ ими въ помощники, къ себѣ на домъ. Явилось человѣкъ 12—15. Ректоръ объяснилъ имъ важность праздника, убѣждалъ ихъ употребить свое вліяніе, чтобы успокоить товарищей и отклонить ихъ отъ какой-либо демонстраціи. Студенты позволили себѣ отвѣтить ректору, что, хотя они вполнѣ понимаютъ его доводы и сами не видятъ никакихъ поводовъ къ неудовольствіямъ, считаютъ однако необходимымъ, чтобы для удовлетворенія самолюбія студентовъ имъ было предоставлено право утвержденія избранныхъ распорядителей, и что безъ этого нельзя ручаться за спокойствіе ни на вечерѣ, ни на юбилей. Послѣ долгихъ уговариваній, ректоръ предложилъ студентамъ-распорядителямъ поговорить со своими товарищами въ отдѣльныхъ кружкахъ, безъ общихъ сходокъ, и сообщить къ двумъ часамъ слѣдующаго дня, изъявляютъ-ли студенты готовность спокойно провести юбилей.

4-го сентября ректоръ, войдя въ университетъ, замѣтилъ большія группы студентовъ и ихъ возбужденность, а велѣдъ затѣмъ ему было доставлено воззваніе къ студентамъ, найденное въ клиническомъ корридорѣ и возбуждавшее студентовъ къ безпорядкамъ. Обо всемъ этомъ ректоръ тотчасъ донесъ попечителю и представилъ въ подлинникѣ воззваніе.

Вечеромъ того-же дня, четверо изъ числа студентовъ-распорядителей снова были у ректора, для переговоровъ о разрѣшеніи сродки. Случайно, по дѣламъ юбилея, пришли въ это время въ квартиру ректора и нѣкоторые изъ членовъ юбилейной коммисіи. На этотъ разъ изъ разговора со студентами и изъ ихъ доводовъ о необходимости сродки не трудно было сдѣлать заключеніе, что подготавливается нѣчто предосудительное и что въ объясненіяхъ самихъ распорядителей отсутствуетъ надлежащая искренность.

5-го сентября, прійдя утромъ въ университетъ, часовъ около десяти, ректоръ засталъ въ корридорахъ уже значительныя группы студентовъ, очевидно возбужденныхъ. Помощники проректора доложили ректору, что студенты волнуются, что новыя группы прибываютъ, и что дѣло принимаетъ тревожный характеръ. Велѣдъ затѣмъ вошли въ комнату ректора два студента-распорядителя и объявили, что противъ нихъ возбуждены все студенты: бранятъ ихъ, обвиняютъ, и что при такомъ положеніи дѣла, они и прочіе

ихъ товарищи-распорядители отказываются отъ всякаго участія въ распоряженіи вечеромъ.

Узнавъ отъ ректора о происходящемъ, попечитель объявилъ, что при такихъ обстоятельствахъ, онъ находитъ нужнымъ отмѣнить предположенный вечеръ, и что теперь все вниманіе должно быть обращено на то, чтобы юбилейный актъ прошелъ въ должномъ порядкѣ. Съ этою дѣлю попечитель призналъ необходимымъ ограничить число студентовъ, которые могли-бы быть допущены на актъ — тремястами, исключительно изъ высшихъ курсовъ. Этимъ измѣнялось постановленіе юбилейной комиссіи — раздать студентамъ, чрезъ декановъ, 600 входныхъ билетовъ, изъ коихъ 200 уже и были розданы.

Возвратясь отъ попечителя около половины перваго, ректоръ сообщилъ о состоявшемся распоряженіи нѣкоторымъ деканамъ, пришедшимъ въ это время въ ректорскую комнату; но прежде чѣмъ кто-либо изъ декановъ успѣлъ объявить объ этомъ распоряженіи студентамъ, толпы стали быстро увеличиваться въ корридорахъ. Получивъ отъ ректора извѣщеніе о положеніи дѣла, попечитель тотчасъ-же прибылъ въ университетъ, въ ректорскую комнату. Здѣсь помощникомъ проректора была представлена ему ходившая по рукамъ и только-что взятая имъ отъ студентовъ ректографированная прокламація, отъ 5 сентября. Содержаніе этой, какъ и предшествовавшей ей наканунѣ прокламаціи, призывавшей студентовъ къ буйству, и весь ходъ событій ясно указывали, что дѣло идетъ не о вечерѣ, не о входныхъ билетахъ, а въ общемъ противодѣйствіи оффиціальной программѣ праздника. Въ прокламаціи говорилось „о гоненіяхъ на все честное“, о „закрытіи лучшихъ журналовъ, библиотекъ“, о томъ, что по этому поводу кто-то желалъ и надѣялся „высказаться во время юбилея“. Явентъ былъ брошенный въ среду студентовъ умыселъ — превратить академическій праздникъ въ противоправительственную демонстрацію. При такихъ условіяхъ, попечитель призналъ необходимымъ объявить, что всѣ выданные уже входные билеты надлежитъ считать недействительными, и допускать только тѣхъ студентовъ, которые получаютъ на то особое разрѣшеніе начальства. Это распоряженіе было объявлено студентамъ на слѣдующій день, при чемъ ректоромъ и проректоромъ было выдано нѣсколько билетовъ извѣстнымъ и благонадежнымъ студентамъ, просившимъ о допущеніи ихъ на актъ. Выйдя изъ комнаты ректора и проходя по корридору къ выходу, попечитель обратился къ группѣ студентовъ и спросилъ у нихъ, что имъ нужно:

но они не отвѣтили ничего опредѣленнаго. Затѣмъ, выйдя изъ университета и встрѣтивъ большую толпу студентовъ на улицѣ (отъ 200—300 человѣкъ), попечитель вошелъ въ нее и снова спросилъ у нихъ, зачѣмъ они собрались и чего желаютъ? На это они долго упорно молчали, но потомъ одинъ сказалъ, что желали узнать, будутъ-ли ихъ пускать въ залу, въ день юбилея, на что попечитель отвѣчалъ: „будутъ пускать въ залу, если вы своимъ поведеніемъ будете того заслуживать“. Въ отвѣтъ на это многіе закричали: „мы ничего не желаемъ“.

Послѣ отъѣзда попечителя, толпа росла, шумѣла, свистала передъ входомъ въ университетъ и стояла приблизительно до 2½ часовъ дня. Въ толпѣ высказывалось рѣшеніе уничтожить все выданные билеты и строго воспретить кому-либо изъ студентовъ явиться на актъ, что и заявлялось въ гектографированныхъ прокламаціяхъ.

Еще наканунѣ попечитель сообщалъ мѣстнымъ властямъ о возбужденіи между студентами; послѣ-же всего видѣннаго 5 сентября онъ немедленно просилъ мѣстныя власти усилить мѣры наблюденія и охраны университета, во время юбилейныхъ дней, а равно и принять полицейскія мѣры, чтобы толпы студентовъ не собирались болѣе на площади, у входа въ университетъ.

6-го сентября входъ въ университетскіе учебные корридоры и аудиторіи былъ закрытъ, по распоряженію попечителя; но на одной изъ стѣнъ университетской ограды было найдено наклееннымъ новое гектографированное воззваніе. Студенты стали собираться у входа въ университетъ, и когда частный приставъ уговорилъ ихъ разойтись, они перешли съ площади въ ботанической садъ, гдѣ и состоялась огромная сходка.

7-го сентября во время богослуженія и завтрака. полиція ограждала входы въ университетъ, на указанныхъ ректоромъ мѣстахъ; но на улицѣ, противъ зданія 1-й гимназіи (гдѣ находится квартира попечителя), безпреступственно собралась огромная толпа студентовъ и любопытныхъ. Въ толпѣ громко говорилось, что „сегодня не нашъ день, а завтра мы себя покажемъ“.

8-го сентября вся программа юбилейнаго акта была исполнена вполне благополучно, и въ зданіи университета порядокъ не былъ нарушенъ; но на улицѣ подлѣ 1-й гимназіи, еще до начала стѣзда на актъ, собралась значительная толпа студентовъ и любопытныхъ, причемъ нѣкоторыя проѣзжавшія высокопоставленныя лица подвергались, во время проѣзда, довольно сильнымъ свисткамъ и громкой брани, и дѣло доходило даже до бросанія камней, яблокъ

и полѣньевъ. Во время акта безпорядочная и безчинствующая толпа ходила по улицамъ, съ крикомъ и шумомъ, пѣла „вѣчную память“, „со святыми упокой“, а затѣмъ какую-то пѣсню на мотивъ народнаго гимна. Толпа прошла по Крещатику, по Костельной улицѣ, и чрезъ Владимірскую улицу возвратилась къ университету (что составитъ примѣрно верстъ около трехъ). Проходя по улицамъ, толпа постепенно увеличивалась; къ ней присоединялся всякій сбродъ, а также и довольно много молодыхъ женщинъ, повидимому, изъ числа слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Толпа остановилась передъ цѣпью конной и пѣшей стражи, ограждавшей доступъ къ университету, между военно-окружнымъ судомъ и зданіемъ 1-й гимназіи. По совѣту мѣстныхъ властей, ректоръ ускорилъ окончаніе акта. Почетный, ректоръ и проректоръ поспѣшили отъѣздомъ, вмѣстѣ съ публикою, и притомъ по улицѣ противоположной той, гдѣ стояла толпа.

Послѣ акта, около половины 6-го часа, собрались къ ректору на обѣдъ нѣкоторые изъ депутатовъ и профессоровъ. Спустя полчаса послѣ обѣда, часовъ въ 7^{1/2}, послышался сначала отдаленный и неясный шумъ и свистъ, затѣмъ шаги большой толпы. Вслѣдъ за симъ посыпались въ окна квартиры ректора камни сначала мелкіе, а потомъ и болѣе крупныя удары стали усиливаться, причемъ нѣкоторые камни были такъ велики, а удары такъ сильны, что камни пробивали деревянныя ставни, разбивали стекла въ окнахъ и влетали въ самыя комнаты, а осколки стеколъ долетали до противоположной стѣны. Осколки эти оцарапали лицо и руки профессору Субботину и одному изъ служителей. Въ виду возрастающаго ожесточенія бушевавшей толпы, испуганные хозяева и гости не знали, гдѣ искать защиты, а съ малолѣтними дочерьми ректора сдѣлались истерическіе припадки. Осада и погромъ ректорскаго дома длились около 20 минутъ.

Погромъ совершился безпрепятственно, такъ какъ городской поставленный по распоряженію полицейскаго начальства, у квартиры ректора, для наблюденія, былъ, какъ должно полагать, приближившеюся толпою отгѣсненъ и могъ лишь окружнымъ путемъ достигъ отстоящаго саженой на 100 отъ квартиры ректора Лыбедскаго участка, гдѣ находилось наготовѣ 60 конныхъ казаковъ. Казаки прибыли, когда разгромъ уже кончился, и толпа безъ помѣхи расходилась. На мѣстѣ происшествія никто задержанъ не былъ.

Буйство, совершенное вечеромъ 8 сентября, нельзя назвать неожиданностью. Еще наканунѣ ректоръ получилъ угрожающее

письмо, безъ упоминанія, впрочемъ, о погромѣ. О письмѣ этомъ, какъ и о томъ обстоятельстве, что въ день юбилея, около пяти часовъ утра, входныя двери въ квартирѣ ректора были вымазаны смолою и облиты нефтью, которая затекла даже въ сѣни, былъ извѣщенъ полиціймейстеръ. Далѣе, въ толпѣ, рассказывавшей по улицамъ, громко кричали: „смотри-же, въ 6 часовъ, на Кузнечную!“ (улица, гдѣ находится квартира ректора). Вечеромъ, въ 6½ часовъ, какъ передавали очевидцы, на Большой-Владимірской улицѣ, противъ университета, двигалась большая толпа; въ то-же время еще большая толпа собралась на бульварѣ, противъ зданія 1-й гимназій. Въ толпѣ говорились рѣчи и раздавались приглашенія идти на Кузнечную улицу. Готовившійся разгромъ до того былъ общезвѣстенъ, что редація одной изъ мѣстныхъ газетъ даже отрядила своего репортера, который былъ замѣченъ въ бушевавшей толпѣ и арестованъ на другой день.

Обсуждая изложенныя событія, нельзя не придти къ заключенію, что къ неудовольствіямъ, волненіямъ, беспорядкамъ, и, наконецъ, къ буйству студентовъ не было ни малѣйшаго повода въ какомъ-либо распоряженіи университетскаго начальства. Не только не было оказано притѣсненія студентамъ, но, къ сожалѣнію, дѣлались даже излишнія попытки угодить имъ и допускались послабленія. Но мѣръ уступокъ возростали требованія, и попечитель рѣшилъ не допускать студентовъ въ актовую залу, когда уже стало очевиднымъ, что среди студентовъ получили преобладаніе вредные люди, увлекавшіе толпу и имѣвшіе цѣлью недопустить, чтобы юбилей прошелъ въ должномъ порядкѣ.

Послѣ печальныхъ событій, въ мѣстномъ обществѣ многіе стали говорить, будто беспорядки были вызваны недопущеніемъ студентовъ на юбилейный актъ, возбудившимъ негодованіе въ студенческой средѣ. Изъ вышесказаннаго видно, что студенты всѣмъ поведеніемъ своимъ сами сдѣлали невозможнымъ ихъ допущеніе въ актовую залу. Послѣ явленій крайняго возбужденія, сходовъ и прокламацій, университетское начальство имѣло полное основаніе и обязанность оградить юбилейное торжество отъ всякой случайности и явно готовившихся безчинствъ.

Совокупность вышесказанныхъ обстоятельствъ вполнѣ доказываетъ, что въ средѣ учащихъ въ университетѣ св. Владимира есть, къ прискорбію, не мало людей испорченныхъ и злонамѣренныхъ, готовыхъ на всякія средства для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей; большинство же студентовъ, видя зло, не обнаружало до-

статочной нравственной силы, чтобы противостать зачинщикамъ, обладающимъ искусствомъ скрываться за увлекаемую ими легкомысленною толпою.

Дабы очистить университетъ св. Владимира отъ вредныхъ элементовъ, а равно и отъ исполнителей приказаній разныхъ агитаторовъ и подстрекателей, постановлено:

1. Чтеніе лекцій и учебныя занятія студентовъ прекратить до 1-го января 1885 года.

2. Всѣхъ студентовъ означеннаго университета уволить и возвратить имъ документы, съ воспрещеніемъ приѣма уволенныхъ въ другіе университеты.

3. Образовать съ 1-го декабря 1884 года комиссію, подъ предсѣдательствомъ попечителя, изъ ректора, декановъ и избранныхъ попечителемъ профессоровъ, для приѣма прошеній отъ тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ вновь поступить въ университетъ. Комиссія этой вмѣнить въ обязанность по каждому прошенію собирать самыя точныя справки и удостоивать приѣма лишь тѣхъ, благонадежность коихъ не будетъ подлежать никакому сомнѣнію.

4. Принятымъ вновь въ студенты, полугодіе съ августа 1884 г. по 1-е января 1885 года не засчитывать въ установленное для прохожденія университетскаго курса число полугодій.

Примѣчаніе: Относительно студентовъ, окончившихъ курсъ, но еще не подвергавшихся окончательнымъ испытаніямъ—будетъ сдѣлано особое распоряженіе. („Пр. Вѣсти.“).

— Въ „Правит. Вѣстникѣ“ напечатано официальное сообщеніе о студенческихъ безпорядкахъ въ Москвѣ. До послѣдняго времени, какъ было видно изъ сообщеній попечителя Московскаго учебнаго округа, въ Московскомъ университетѣ господствовалъ полиційшій порядокъ; но 2-го октября ректоромъ было получено свѣдѣніе, что между студентами и обращающимися въ ихъ средѣ неизвѣстными молодыми людьми начинается возбужденіе, поддерживаемое превратными толками, относительно прискорбныхъ событій въ Кіевѣ и что агитаторы готовятся устроить въ 2 часа сходку въ университетскомъ саду. Въ предупрежденіе этой сходки были тотчасъ же приняты надлежащія мѣры.

Въ тотъ же день ректоръ получилъ еще извѣщеніе не только о намѣреніи собрать сходку, но и о преступномъ желаніи агитаторовъ выбить окна въ университетской типографіи; а на полу въ библиотекѣ университета была найдена прокламація, обращенная къ студентамъ, но самымъ содержаніемъ своимъ свидѣтельствовав-

шая, что она явилась не изъ ихъ среды. Въ 2 часа дня стали дѣйствительно появляться въ университетскомъ саду разныя личности, изъ которыхъ большинство, по отзыву инспекціи, не принадлежало къ университету. Такъ, инспекторъ встрѣтилъ двухъ лицъ, назвавшихся студентами Петровской земледѣльческой академіи, неумѣвшихъ объяснить причину своего появленія въ университетскомъ саду и потому немедленно удаленныхъ. Затѣмъ вниманіе инспекціи было привлечено еще кучкой молодыхъ людей, человекъ въ 20, вышедшихъ изъ-подъ арки, соединяющей университетскій садъ съ Моховою улицей; впереди этой толпы, въ которой было нѣсколько студентовъ, шелъ человекъ уже не молодыхъ лѣтъ, оживленно разговаривавшій съ своими спутниками и направлявшій ихъ въ садъ. На вопросъ инспектора, студентъ ли онъ, помянутый человекъ отвѣтилъ, что это не его дѣло, и на требованіе объявить свое званіе, началъ говорить грубости. Служитель университета пытался задержать его, но тотъ вырвался и успѣлъ скрыться. Впрочемъ, число собравшихся въ саду было не велико, да и тѣ сочли за лучшее уйти изъ сада, оглашая его свистками. При этомъ былъ задержанъ одинъ крикливый буянъ, назвавшій себя сначала студентомъ, а потомъ объявившій, что онъ ученикъ музыкальной школы, содержащей въ Москвѣ г. Шостаковскимъ; онъ тутъ же былъ переданъ полиціи. По окончаніи уже лекцій, когда студенты выходили изъ университета, въ Долгоруковскомъ переулкѣ образовалась значительная толпа, о чемъ-то оживленно толковавшая. По требованію городского, толпа эта вскорѣ разошлась; но одинъ изъ сторожей, находившихся у воротъ университета, слышалъ, какъ ему казалось, возгласы изъ толпы: „въ 7 часовъ мы разнесемъ университетъ“. Последующія обстоятельства показали, что рѣчь шла не объ университетѣ, а объ университетской типографіи.

Вечеромъ, часовъ въ 8, на Страстномъ бульварѣ, противъ университетской типографіи, собралась довольно значительная толпа; она стала пѣть пѣсни и шумѣть. Тогда полиція и конные жандармы разомъ окружили толпу и въ полномъ составѣ отвели ее въ пересыльный замокъ.

На мѣстѣ ареста было найдено до 40 камней, нѣсколько кастетовъ и часовыхъ гирь: все это буяны успѣли побросать на улицу, при появленіи полиціи. Кромѣ того, тутъ-же были разбросаны прокламаціи пяти разныхъ изданій, касающіяся исключительно безпорядковъ въ Кіевѣ. Полиція дѣйствовала такъ быстро и рѣшительно, что толпа не успѣла повредить дома типографіи и не по-

смѣла оказать какого-либо противодѣйствія. Всѣхъ арестованныхъ оказалось 110 человекъ; изъ нихъ 66 студентовъ Московскаго университета, одинъ бывший студентъ Петербургскаго университета, 3 бывшихъ студента Московскаго университета, исключенныхъ прежде за неусѣбность своего ученія, 1 фармацевтъ, 1 аптекарскій помощникъ, 5 студентовъ Петровской земледѣльческой академіи, 3 типографщикъ, 23 разночинца, трое дворянъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, 2 лица неизвѣстнаго званія и 2 лакея. Изъ опроса всѣхъ бывшихъ въ этой буйной и безобразной толпѣ выяснилось, что главнымъ руководителемъ уличнаго безпорядка былъ студентъ Московскаго университета Петръ Рождественскій, привлекавшійся уже къ дознанію по политическому дѣлу въ 1883 году, но помилованный по Высочайшему милосердію. Кромѣ вышеозначенной толпы, полиціей привлечены къ дознанію еще 6 студентовъ, хотя не участвовавшихъ въ уличныхъ безпорядкахъ, но заподозрѣнныхъ въ подстрекательствѣ къ нимъ другихъ.

Въ самомъ зданіи университета порядокъ ничѣмъ не былъ нарушенъ и все время читались лекціи и происходили научныя занятія студентовъ. Въ слѣдующіе дни ректоръ, деканы и нѣкоторые профессора обращались на лекціяхъ къ своимъ слушателямъ, указывая имъ на все безобразіе такого поведенія недостойныхъ ихъ товарищей, послѣдовавшихъ, на свою погибель, за злоумышленниками, которымъ терять нечего и которые стремятся только къ тому, чтобы при всякомъ случаѣ губить учащуюся молодежь. Студенты и сами, послѣ лекцій, высказывались въ томъ-же духѣ и заявляли желаніе, чтобы въ университетѣ былъ сохраненъ полный порядокъ.

Нельзя не отпестись съ глубокою признательностію къ энергическому дѣйствию высшей администраціи города Москвы и полиціи, которая остановила бунтовъ въ самомъ началѣ и немедленно лишила ихъ возможности увлечь за собой неразумныхъ и неразумительныхъ людей, слишкомъ легко поддающихся самымъ пагубнымъ для нихъ-же самимъ внушеніямъ.

О результатахъ дальнѣйшаго разслѣдованія, производящагося нынѣ, съ цѣлью опредѣленія мѣры виновности каждаго изъ участниковъ въ злонамѣренномъ покушеніи, будетъ объявлено впослѣдствіи.

ПОПРАВКА: Въ отчетѣ объ VI Археологическомъ съѣздѣ вкралась слѣдующія важныя опечатки. Въ сентябрьской книжкѣ на стр. 548 строка 4 сверху напечатано Dr. Задчи, а надо Dr. Зачи. Въ октябрьской книжкѣ на ст. 580 строка сверху 27 напечатано „въ одномъ мѣстѣ“ вмѣсто „на одно мѣсто“ и на стр. 579 строка сверху, стр. 13 и 14 напечатано г. Угарли вмѣсто Угарели.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ

VII годъ. Большой Литературно-Художественный Журналъ, годъ VII.

Выходитъ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО, т. е. 52 номера въ годъ, въ форматъ большихъ иллюстрацій, и каждый номеръ заключаетъ въ себя отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; (въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).

Кромѣ еженедельныхъ номеровъ журнала все подписчики получаютъ БЕСПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЯ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ,

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ,

въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы. Въ концѣ году „Выходѣтъякія Литературныя Делюкозія“ составлять изъбранные томы слагаго нтереспаго и занимательнаго чтенія.

представляющія списки съ картинныхъ капиталныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Некоторые приложения печатаются етошомъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе и гравюръ, артистическая печать,—все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложений „Иллюстрированнаго Міра“ роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.“

разсѣлаемыя ежемѣсячно и составляющія полный руководѣльно-модный журналъ. Въ теченіи года дается: около 500 полнотипажныхъ рисунковъ новѣйшихъ модъ, какъ-то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, балльные туалеты для неѣтъ, для причастія, различныя шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, обѣе и т. п. руководѣльныя работы, разнообразныя буквы, инициалы, вензеля и пр. Въ каждомъ модномъ номерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: модный курьеръ (обзоръ модъ), описаніе рисунковъ, хозяйство и кухня, совѣты и рецепты, отвѣты подписчикамъ, смѣсь и пр.

всѣ годовыя подписчики получаютъ главную большую часть литературно-художественной

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинами, портретами и виньетками, будетъ заключать въ себя: стихотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусству, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ каррикатурами.—„Живописный Альманахъ“, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатимъ картинкамъ можетъ служить самымъ лучшимъ настольнымъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.

(Желающіе получить альманахъ въ роскошномъ иллюстрированномъ, золоченомъ переплетѣ, прилагаютъ на переплетъ въ подписной цѣнѣ 1 р.)

Цѣна, подлежащая за годъ до 15-го декабря, составляетъ съ 1-мъ журналомъ ежегодно составляемымъ и заключающимъ въ себя всѣ необходимыя свѣдѣнія:

„ОБЩИЙ КАПЕНДАРЬ“ на 1885 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Иллюстрированнаго Міра“ съ пріемными и приложениями:

Всѣ доставки въ С.-Петербургѣ: 1 р. Всѣ доставки въ Москвѣ, черезъ конг. Л. Метцля: 1 р. 50 к. Съ доставкой въ Сиб. и въ другіе городахъ и мѣстечкахъ Россіи—5 р. За границу 6 р.

Принимается подписка на ¼ года—1 р. 25 к.; на ½ года—2 р. 50 к.; и на ¾ года—3 р. 75 к. Желающіе получать журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммой, уплачиваютъ: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му іюля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ, могутъ получить пробный номеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣчныя марни.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Певскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

Поступило въ продажу второе, исправленное, изданіе сочиненія:

„КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ МЕТОДИКИ ЗАКОНА БОЖІЯ“

И. Страхова.

Св. Синодомъ, согласно опредѣленію Духовнаго Учебнаго Комитета, одобрено для библиотекъ начальныхъ училищъ въ качествѣ пособія законоучителямъ и для духовныхъ семинарій въ качествѣ полезнаго пособія воспитанникамъ старшихъ классовъ.

Цѣна за экземпляръ 50 коп., съ пересылкою 60 коп.

Выписывающимъ не менѣе 100 экземпляровъ дѣляется уступка 15 процентовъ; книгопродавцамъ обычная уступка; на комиссію изданіе не отпускается.

Склады изданія въ Харьковѣ: у автора, преподавателя дух. семинаріи *И. Н. Страхова*, и въ книжномъ магазинѣ (при „Публичной Библиотекѣ“) *В. и А. Бирюковыхъ*, Московская, 7.

Въ г. ТАГАНРОГѢ (Екатеринославской губ.).

У ПРотоіереев **Василия Анастасьевича БАНДАКОВА**

ПРОДАЮТСЯ:

а) ДЕСЯТЬ ТОМОВЪ краткихъ, простыхъ и общевразумительныхъ

„ВЕСѢДЪ и ПОУЧЕНІЙ“

изъ которыхъ: I, II, III, IV, IX и X томы по 1 руб. 50 коп., а V, VI, VII и VIII томы по 1 руб. 25 коп. съ пересылкою (мелочь можно высылать почтовыми марками); б) книга „Царство Благодати“ или „собраніе истинъ и примѣровъ изъ житія святыхъ“ (по Четьи-Минеи), съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всего заключающагося въ оной. Книга эта, по отзывамъ компетентныхъ лицъ, составляетъ весьма полезное руководство для молодыхъ проповѣдниковъ слова Божія, а также можетъ служить настольною книгою въ каждомъ христіанскомъ семействѣ. Цѣна оной 2 руб. съ пересылкою и в) брошюра „11 поученій на 50-й псаломъ“. Цѣна 25 к. съ пересылкою, а за всѣ вмѣстѣ 12 р. с. тоже съ пересылкою.

Выписывающимъ по 3 и болѣе экземпляра всѣхъ названныхъ книгъ—дѣляется уступка 10%, кто-же выписываетъ 10 и болѣе экзempl.—пользуется скидкой 20%

Примѣчаніе: Недавно отпечатаны вновь III и IV томы „Почуеній“—значительно крупнымъ шрифтомъ, вслѣдъ за симъ при помощи Божіей будетъ приступлено къ изданію одиннадцатаго тома „Почуеній“ того-же автора.

Отзывъ о поученіяхъ протоіереев Бандакова:

Епископа Елисаветградскаго Неофита: („Одесск. Воскрес. Лист.“, за 1876 года, № 38).

„Почуенія о. Бандакова просты и безыскусственны. Но не въ этомъ ихъ главная сила и достоинство, а въ той *сердечности*, съ какою онъ говоритъ свое поученіе:—будетъ-ли то текстъ прочтеннаго Евангелія и апостола, или стихъ псалма, или пѣснь церковная, или церковная молитва, или событіе праздника, или случай, изъ его пастырской дѣятельности, или даже домашнее чтеніе. И что-бы ни тронуло его—онъ тотчасъ изъ добраго сокровища сердца своего износитъ для своихъ слушателей слово всегда доброе, часто своеобразное, иногда сильное, изрѣдка рѣзкое. Произносимъ такое слово, онъ не стѣсняется такъ называемыми „правилами церковнаго краснорѣчія“,—онъ даже не задумывается надъ выраженіемъ своей мысли, своего чувства. За-то прямо изъ сердца льющееся поученіе прямо и проникаетъ въ сердце. Отсюда, прочитавъ одно поученіе о. Василія, хочешь читать другое, третье и такъ далѣе“. (Сокращено).

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году.

Богословско-философскій журналъ „Вѣра и Разумъ“ будетъ издаваемъ въ слѣдующемъ году по прежней программѣ. Знамя, которому мы служимъ и вокругъ котораго хотѣли-бы собрать своихъ читателей, теперь ясно для всѣхъ. Девизъ, выставленный на нашемъ знамени—это христіанская истина, понимаемая разумно, или разумное христіанское міросозерцаніе, применительно къ живымъ потребностямъ современнаго намъ общества. Глубоко убѣжденные, что только это міросозерцаніе запечатлѣно характеромъ реальной правды, что только оно наиболѣе соотвѣтствуетъ особенному складу нашей народно-духовной жизни, что только въ немъ можно находить истинный и глубокій „смыслъ жизни“, мы хотѣли-бы остаться вѣрными своему знамени и въ новомъ году нашего изданія. Мы убѣждены, что только христіанское, т. е. религіозное міросозерцаніе, воистиннѣ гармонизируя съ доступною намъ научно-истинною, наиболѣе соотвѣтствуетъ и нашимъ народнымъ (національнымъ) особенностямъ; что всякое другое міровоззрѣніе (напр. критическое, позитивное, матеріалистическое и пр.), противорѣчитъ народному духу, можетъ лишь скользить по поверхности нашего народнаго сознанія и навсегда должно остаться для насъ чужимъ, навѣяннымъ со стороны, заморскимъ, не говоря уже о его внутренней лжи и несостоятельности; что поэтому одно лишь религіозное міросозерцаніе можетъ дать намъ истину, сколько еродную съ человѣческимъ духомъ вообще, столько же наиболѣе соотвѣтствующую нашему народному духу. Религіозное міросозерцаніе русскаго народа, какъ особенное свойство его народности, есть фактъ не сомнѣнный безспорный; онъ громко сказывается и ясно очер-

живается во всѣхъ сферахъ, во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни и энергично живетъ на пространствѣ всей тысячелѣтней исторіи нашего народа. Съ этимъ не можетъ не согласиться каждый безпристрастный русскій историкъ и вообще всѣ безпристрастные наблюдатели нашей народной жизни.

Правда, наше народное религіозное міросозерцаніе еще запечатлѣно характеромъ первоначальной непосредственности и простоты; оно искренно, сильно и глубоко, по крайней мѣрѣ, въ большей части нашего народа; но оно недостаточно ясно сознается нашимъ обществомъ, какъ единственная не только жизненная, но и научная правда. Современное намъ общество не только въ лицѣ малообразованныхъ членовъ своихъ, но и въ лицѣ вполне образованныхъ и даже ученыхъ людей, еще недостаточно ясно сознаетъ, что въ религіозномъ міросозерцаніи коренится характеристическая особенность русскаго народнаго духа и что поэтому нельзя быть истинно русскимъ человекомъ безъ того, чтобы не стараться понять религіозное, или, что для насъ одно и тоже—православное ученіе, какъ единственно живленную и глубокую научную правду. Мы не упрекаемъ въ этомъ наше общество. Быть можетъ, упрековъ въ этомъ отношеніи всего менѣе заслуживаетъ то общество, которое разными неблагоприятными условіями своей жизни такъ долго было уклоняемо отъ народныхъ началъ и нашло возможнымъ знакомиться съ научными богословскими системами на родномъ языкѣ не болѣе, какъ лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, котораго самостоятельная духовная литература еще слишкомъ молода, и которое, наконецъ, само стало получать серьезное и солидное образованіе лишь очень недавно. Мы утверждаемъ только, что наше народное самосознаніе должно, наконецъ, освѣтиться научнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ, что въ этомъ состоитъ главная задача современнаго намъ образованнаго общества и что разработка научныхъ и философскихъ основъ нашего религіознаго міросозерцанія, особенно примѣнительно къ живымъ запросамъ современнаго намъ общества, есть живая общественная потребность и призываетъ къ усиленнымъ, настойчивымъ и серьезнымъ изысканіямъ всѣхъ людей мысли, всѣхъ истинно русскихъ людей.

Наше общество пережило страшный період отрицанія всѣхъ высшихъ основъ общечеловѣческой и народной мысли и жизни; мы дошли въ своемъ отрицаніи до послѣднихъ предѣловъ. Дай Богъ, чтобы эти страшные уроки исторіи не прошли для насъ безслѣдно! Дай Богъ, чтобы они дали намъ возможность опомниться и вразумиться! Намъ кажется, что именно теперь наступила пора углубиться въ свое общественное самосознаніе, ясно понять коренныя особенности нашего народнаго духа и точно намѣтить путь нашего дальнѣйшаго развитія и нашего дальнѣйшаго движенія въ духовной жизни. Именно теперь настала пора сознать себя, какъ самостоятельный или особенный народъ, призванный жить своею особенною самостоятельною жизнью, и имѣющей свои особенныя неизбѣжныя устои народной жизни,—устои столько же разумныя и твердыя, сколько благородныя, высокія и гуманныя. По крайней мѣрѣ, идти прежнимъ путемъ развитія оказывается безусловно невозможнымъ.....

Насколько мы вѣрно понимаемъ главныя задачи современной стадіи развитія нашего общественнаго самосознанія, насколько хорошъ тотъ девизъ, который журналъ нашъ выставилъ на своемъ знамени и которому хотѣлъ бы служить по мѣрѣ своихъ силъ, судить мы не беремся, и, конечно, только время рѣшитъ это окончательно. Но уже и теперь можно гадать объ этомъ въ благопріятномъ для нашего журнала смыслѣ. Журналъ нашъ встрѣтилъ живое сочувствіе, небывалое въ нашей богословской литературѣ, не только въ средѣ нашего образованнаго общества, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, но и заслужилъ одобреніе высшихъ органовъ правительственной власти. Онъ рекомендованъ по Вѣдомству Православнаго Неновѣданія, Министерства Народнаго Просвѣщенія, Императрицы Маріи и по офицерскимъ бібліотекамъ Военнаго Вѣдомства. Потребовалось вторичное изданіе журнала послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ книжекъ его. Сотрудничать въ вашемъ изданіи, идти подъ нашимъ знаменемъ, по прежнему, изъявляютъ готовность лучшія, живыя силы нашихъ духовныхъ академій и нашихъ университетовъ. Редакція журнала надѣется даже еще болѣе развить современнымъ свои научныя и литературныя силы.

Программа журпала „Вѣра и Разумъ“ по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который будетъ входить все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него будутъ входить отдѣльныя изслѣдованія изъ области психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ наше изданіе, между прочимъ, замѣняетъ для духовенства Харьковской епархіи Епархіальныя Вѣдомости, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, будетъ отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ будутъ помещаемы свѣдѣнія, составляющія обыкновенно такъ называемый оффиціальныи отдѣлъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и извѣстія, относящіяся къ внутренней жизни обще-церковной и собственно Харьковской епархіи.

Журналъ будетъ выходить ДВА РАЗА въ мѣсяць по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе журнала 10 рублей.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Харьковскомъ Архіерейскомъ домѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархiи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначенiемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою последней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 в., за два раза 18 в., за три раза 24 в.